

МИР РУССКОГО СЛОВА

4/2021

VII Конгресс РОПРЯЛ
"Динамика языковых и культурных процессов в современной России"
6–9 октября 2021 г. Екатеринбург

№ 4
2021

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал издаётся с 2000 года

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL

“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Quarterly journal

The journal has been published since 2000

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (certificate ПИ № ФС77–30539 at 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

Учредитель:

Ассоциация преподавателей русского языка и литературы

Издатель:

Издательство Санкт-Петербургского государственного университета

Редакционная коллегия

К. А. Рогова (главный редактор) — д-р филол. наук, проф., почетный проф. СПбГУ
В. А. Абрамов — д-р филол. наук, проф., КубанскГУ

Э. М. Афанасьева — д-р филол. наук, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Л. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф., Уральский ФУ им. Б.Н. Ельцина

Н. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф., Балтийский ФУ им. И. Канта

Х. Вальтер — д-р филол. наук, проф., Университет г. Грайфсвальд

М. Д. Воейкова — д-р филол. наук, проф. СПбГУ, ИЛИ РАН

О. Е. Дроздова — д-р пед. наук, доцент МПГУ, РГПУ

Л. А. Дунаева — д-р пед. наук, проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Н. В. Изотова — д-р филол. наук, проф., Южный ФУ

Е. И. Костанди — канд. филол. наук, доцент, Университет Тарту

А. Б. Лихачева — д-р гум. наук, проф., Вильнюсский университет

В. А. Марьянчик — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) ФУ

В. В. Прозоров — д-р филол. наук, проф., СаратовГУ

Ю. Е. Прохоров — д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ

М. Ю. Сидорова — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

И. Н. Сухих — д-р филол. наук, проф., СПбГУ

М. Д. Тагаев — д-р филол. наук, проф., Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина

Н. Чуйкина — канд. филол. наук, Таллинский университет

Н. И. Шром — Ph. D., ассоц. проф., Латвийский университет

В. Д. Янченко — д-р пед. наук, доцент, МПГУ

The Founder:

Association of Teachers of Russian Language and Literature

Publisher:

St Petersburg University Press

Editorial board

K. A. Rogova – editor-in-chief
St. Petersburg State University

V. A. Abramov
Kuban State University

E. M. Afanasieva
Pushkin State Russian Language Institute

L. G. Babenko
Ural Federal University

N. G. Babenko
Immanuel Kant Baltic Federal University

H. Walter
Universität Greifswald

M. D. Voieikova
St. Petersburg State University

O. E. Drozdova
Moscow Pedagogical State University

L. A. Dunayeva
Lomonosov Moscow State University

N. V. Izotova
Southern Federal University

E. I. Kostandi
University of Tartu

A. B. Likhacheva
Vilnius University

V. A. Maryanchik
Northern (Arctic) Federal University

V. V. Prozorov
Saratov State University

Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University

M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University

I. N. Sukhikh
St. Petersburg State University

M. D. Tagaev
Kyrgyz-Russian Slavic University

N. Chuykina
Tallinn University

N. I. Shrom
University of Latvia

V. D. Yanchenko
Moscow Pedagogical State University

Адрес издателя:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11

Адрес редакции:

199106, Санкт-Петербург,
Большой пр. В. О., д. 80
e-mail: editor@ropryal.ru

Publisher's address:

11, 6 Line V. O., St. Petersburg, 199004, Russia

Editorial board's address:

80, Bol'shoy av. V. O., St. Petersburg,
199106, Russia
e-mail: editor@ropryal.ru

По вопросам приобретения

и подписки обращаться:

Издательство СПбГУ.
Сайт: publishing.spbu.ru
Контакты: +7(812) 328-44-22
+7(812) 328-77-63
e-mail: publishing@spbu.ru, post@spbu.ru

Журнал включен в:

– перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 2007 года);
– российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и представлен в Научной электронной библиотеке;
– научную электронную библиотеку "КиберЛенинка"

Abstracting and Indexing

– Russian Science Citation Index (RSCI), and is represented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru)
– Scientific Electronic Library CyberLeninka

Подписной индекс по каталогу "Пресса России" 72396

Тираж 400 экз.

Цена свободная

Отпечатано в типографии издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
Дата подписания в печать:

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ЧАСТИЧНО ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 4 2021

Главный редактор:

К. А. Рогова —

*д-р филол. наук, проф.,
почетный проф. СПбГУ*

Зам. главного редактора:

С. А. Кузнецов —

д-р филол. наук, проф.

Редактор:

Д. А. Щукина —

д-р филол. наук, проф.

Редактор:

А. С. Иванова —

канд. пед. наук, доцент

Перевод:

А. Д. Степанов —

д-р филол. наук, проф.

Выпускающий редактор:

М. М. Ровинская

В НОМЕРЕ CONTENTS

[ЛИНГВИСТИКА]

- 4 Т. М. Шкапенко, Е. В. Зубрицкая
Гибридные номинации
в лингвистическом
ландшафте г. Калининграда
- 14 Сюй Юйвэй
Типологическое изучение
предиката состояния с опорой
на его семантические признаки
- 22 Е. Н. Куликовская
Особенности использования
контраста в дискурсе социальной
рекламы
- 31 А. А. Моисеева
Оценочные наречия как средство
выражения аномалии

[ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА]

- 38 Н. В. Карева, Е. М. Матвеев
Тропологические замещения
имени в русской поэзии
XVIII века: именованья
Г. А. Потемкина и Е. И. Пугачева
в панегирике и инвективе
- 47 Н. А. Бородина
Номинация Иисуса Христа
в поэтическом наследии
И. А. Бунина
- 55 А. С. Фалеева
Лексема *весна* как средство
образной репрезентации
внутреннего состояния человека

[LINGUISTICS]

- Tatiana M. Shkapenko,
Ekaterina V. Zubritskaya
Hybrid Nominations in Linguistic
Landscape of Kaliningrad City
- Yuwei Xu
Typological Study of Predicate of State
Based on Their Semantic Features
- Ekaterina N. Kulikovskaya
On Illocutionary Force of Performative
Verbs in Russian Charms
- Anastasia A. Moiseeva
Evaluative Adverbs as a Means
of Anomaly Expressing

[LANGUAGE AND LITERATURE]

- Natalia V. Kareva , Evgeniy M. Matveev
Tropological Substitutions
of a Personal Name in Russian Poetry
of the 18th Century: Grigory Potemkin's
and Emelyan Pugachev's Appellations
in Panegyric and Invective
- Nadezhda A. Borodina
The Nomination of Jesus Christ
in Ivan Bunin's Poetic Heritage
- Anna S. Faleeva
The Lexeme *Vesna* as a Means
of Figurative Representation of the Internal
State of a Person

65 В. А. Ефремов
Культурная память и прецедентные феномены:
случай Ф. М. Достоевского

[МЕТОДИКА]

- 73 Е. И. Целикова, Е. Р. Ядровская
Вопросы методики преподавания литературы
и новая актуальность
- 82 О. А. Казьмина, М. В. Матвеева, В. В. Патанина
Обучение студентов аналитико-синтетическим
методам работы с научным текстом на занятиях
рки (на примере создания аннотации, реферата,
рецензии)
- 93 Нам Хе Хен, О. С. Храброва
Использование инфографики на занятиях
по лингвокультурологии:
из опыта работы в корейской аудитории

[РЕЦЕНЗИИ]

- 101 Д. А. Шукина, Т. Б. Авлова
Рецензия на пособие Дёрнеи З.
Опросники в исследованиях по изучению
второго языка: создание, проведение, обработка
- 104 Г. В. Ануфриева
Рецензия на монографию
Е.А. Косых. «Тьюдная бутва», или Лингвистика
детского речевого произведения»

[ЯЗЫК И КУЛЬТУРА]

- 108 Е. Е. Анисимова, Т. К. Веренич, И. В. Евсеева
Филология в Сибирском федеральном
университете: будущее в настоящем

Valerii A. Efremov
Cultural Memory and Precedent Phenomena:
Fyodor Dostoevsky's Case

[METHODOLOGY]

- Elena I. Tselikova, Elena R. Iadrovskaya
Questions of Methods of Teaching Literature
and New Relevance
- Olga A. Kazmina, Mariia V. Matveeva,
Viktoria V. Patanina
Training Students in Analytical and Synthetic Methods
of Working with a Scientific Text in the Classes of Russian
as a Foreign Language (on the Example
of Writing Annotation, Abstract, Review)
- Nam Hye Hyun, Olga S. Khrabrova
Use of Infographics in Linguoculturology Classes:
Experience of Work in a Korean Audience

[REVIEWS]

- Daria A. Shchukina, Tatiana B. Avlova
Review of the manual Dörnyei, Zoltán.
Questionnaires in Second Language Research:
Creation, Conduct, Processing
- Galina V. Anufrieva
Review of the monograph: Kosykh, Elena A.
"Tjudnaya butva", or Linguistics
of Children's Speech Work

[LANGUAGE AND CULTURE]

- Evgeniia E. Anisimova, Tatiana K. Verenich,
Irina V. Evseeva
Philology at the Siberian Federal University:
the Present Creates the Future

ГИБРИДНЫЕ НОМИНАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ Г. КАЛИНИНГРАДА

TATIANA M. SHKAPENKO, EKATERINA V. ZUBRITSKAYA
HYBRID NOMINATIONS IN LINGUISTIC LANDSCAPE OF KALININGRAD CITY

В статье описываются техники гибридной номинации, используемые в названиях предприятий индустрии красоты г. Калининграда. Определяются основные конститутивные черты феномена языковой гибридации и дается общая типология гибридных номинаций. Использование элементов различных языковых систем в рамках одного наименования характеризуется как моносемиотический уровень гибридации. Номинации, состоящие из элементов, принадлежащих к гетерогенным знаковым системам, одна из которых не является лингвистической, относятся к полисемиотическому уровню. Языковой материал, почерпнутый из перечней торговых заведений Калининградской области, описывается с точки зрения указанных уровней и используемых техник гибридации. В результате проведенного количественного анализа устанавливается, что абсолютное большинство гибридных номинаций представляет собой использование английских слов и словосочетаний в их оригинальном написании. К менее распространенным способам изобретения гибридов относятся латинизация русских слов и кириллизация английских, а также сочетание в одной номинации разноуровневых элементов русского и английского языков. Широко распространенная тенденция к синтаксическому склеиванию лексем в рамках одного названия объясняется влиянием интернет-практик слитного написания автономных лексических единиц. Среди полисемиотических номинаций выделяются гибриды, сочетающие вербальные элементы с цифровыми и графическими. Номинации игрового характера основаны на использовании лингвокреативного потенциала единиц различных знаковых систем. Делается вывод о преобладании в наименованиях калининградских предприятий индустрии красоты гибридных лингвистических техник, что связано со стремлением номинатора выделить собственное заведение из общей конкурентной среды, вызвать интерес потребителя и извлечь максимальную коммерческую прибыль.

Ключевые слова: языковая гибридация; гибридные номинации; лингвистический ландшафт; эмпорониумы.

The article describes the techniques of hybrid nomination used in the titles of the Kaliningrad beauty industry enterprises. The authors determine basic constitutive features of linguistic hybridization phenomenon and propose a general typology of hybrid nominations. The use of elements of different language systems is characterized as a monosemiotic level of hybridization. Another, polysemiotic level includes nominations consisting of elements belonging to heterogeneous sign systems, one of which is not linguistic. The language material excerpted from the lists of Kaliningrad trade establishments is described from the point of view of the levels and techniques of hybridization. As a result of the quantitative analysis, the authors conclude that the absolute majority of hybrid names includes English words and phrases in their original spelling. Less common methods of inventing hybrids are latinization of Russian words and cyrilization of English words, as well as the combination of multi-level elements

**Татьяна Михайловна
Шкапенко**

доктор филологических наук, профессор
► TShkapenko@kantiana.ru

**Екатерина Валентиновна
Зубрицкая**

старший преподаватель
► Zubritskaya@kantiana.ru

Балтийский федеральный университет
им. И. Канта
236016 г. Калининград, ул. А. Невского, 14

*Tatiana M. Shkapenko,
Ekaterina V. Zubritskaya*

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236016, Russia

of Russian and English within one nomination. The widespread tendency of lexemes' syntactical agglutination is explained by the influence of Internet practices of continuous spelling of separate words. Among the polysemiotic names, the authors distinguish hybrids that combine verbal elements with digital and graphic ones. The nominations of a playful character are based on the use of the creative potential of various sign systems. The conclusion is made about the predominance of hybrid linguistic techniques in the names of Kaliningrad beauty industry enterprises, which is due to the desire of the nominators to distinguish their institutions from the rival environment, to arouse consumer interest and to extract the highest commercial profit.

Keywords: linguistic hybridization; hybrid nominations; linguistic landscape; emporonyms.

Введение

В период глобализации, затронувшей практически все сферы человеческой деятельности, чрезвычайно актуальным является вопрос межъязыкового взаимодействия, осуществляемого на различных языковых уровнях и в различных языковых формах. Если англо-американские заимствования уже получили достаточно широкое теоретическое осмысление в трудах российских филологов, то феномен англо-русской гибридации языковых единиц изучен гораздо меньше. Одной из основных сфер регулярного возникновения и практического использования языковых гибридов являются наименования коммерческих объектов, в значительной степени определяющих лингвистический ландшафт современных российских городов. Известный российский семиотик, А. В. Кравченко, анализируя процесс гибридации городского пространства, пишет, что «в сегодняшней России наметилась тревожная тенденция в употреблении письменных знаков, недвусмысленно указывающая на то, как русские люди воспринимают себя, свою культуру и общество» [Кравченко 2012: 80]. Процесс интенсивной вестернизации ономастического облика характерен и для калининградской области. Вывески многочисленных торговых объектов представляют собой свидетельство карнавального смешения языков, алфавитов, различных семиотических кодов и культурных реалий. Данная работа посвящена анализу англо-русских гибридных номинаций в лингвистическом ландшафте г. Калининграда.

Материал и методы исследования

Теоретической базой исследования послужили работы в области ономастики городского пространства (М. В. Голомидова, Е. М. Спивакова и др.) и гибридации лингвокультурного пространства (Й. Ужаревич, Т. В. Попова). В качестве методологической основы классификации выявленных гибридных номинаций были избраны критерии, разработанные А. В. Кравченко [Кравченко 2012], Е. М. Спиваковой [Спивакова 2020] и Т. В. Поповой [Попова 2013]. Источником языкового материала явились сайты 2gis.ru, kaliningrad.zoon.ru, google.ru, каталогизирующие наименования калининградских салонов и студий красоты, парикмахерских, барбершопов, имидж-лабораторий и т. п. Всего методом сплошной выборки нами было выявлено 785 наименований предприятий индустрии красоты, из 53% составили англо-русские гибридные наименования.

Изучение феномена гибридации в лингвистике

Термин «гибридизация», восходящий к естественным наукам, находит все большее распространение в лингвистических исследованиях. Согласно Советскому энциклопедическому словарю, «гибридизация — скрещивание разнородных в наследственном отношении организмов» [СЭС 1987: 300]. Данное понимание с легкостью экстраполируется из области биологии на процессы соединения гетерогенных элементов в других областях науки, техники и жизнедеятельности современного человека. Перенос значительной части общения в интернет привел к возникновению гибрида устной и письменной речи, изучению которого посвящено значительное количество работ. Доминанция английского языка в мировом коммуникативном пространстве вызвала появление гибридных форм языков, так называемых «мировых инглишей» [Kachru 1992]. Если внимание зарубежных лингвистов привлекает, в основном, гибридизация «крупных» языковых форм (языковых систем и типов дискурса), то «малые» формы гибридации, протекающие внутри лингвистической системы на уровне отдельных ее элементов, рассматрива-

ются преимущественно в работах отечественных лингвистов.

О. С. Ахманова определяет гибрид как «слово, состоящее из разноязычных элементов» [Ахманова 1966: 98]. Ж. Марузо предлагает понимать под гибридом «слово, элементы которого заимствованы из различных языков» [Марузо 2004: 68]. Л. А. Фридман считает гибридными сложные слова и словосочетания, образованные в принимающем языке от заимствованных основ и лексем [Фридман 1968: 23].

Приведенную выше дефиницию О. С. Ахмановой можно рассматривать как состоящую в гиперонимических отношениях с двумя последующими определениями. Ж. Марузо ограничивает гибриды только одним комбинаторным типом, например, *автомобиль* — языковой гибрид, созданный из элементов различных языков: греч. *autos* ‘сам’, и лат. *mobilis* ‘подвижный’. Л. А. Фридман предлагает считать гибридами только дериваты, образуемые в принимающем языке от заимствованных основ, приравнивая тем самым процесс ассимиляции к гибридизации. Заметим, что в практике описания заимствований в отечественной лингвистической литературе термин «гибридизация» практически не употребляется: процесс присоединения к заимствованным основам аффиксов или флексий принимающего языка принято именовать освоением, ассимиляцией или адаптацией. Действительно, цель анонимного номинатора, записывающего буквами собственного алфавита иностранные слова или добавляющего к заимствованному слову аффиксы родного языка, состоит в преодолении фонеморфологической чуждости заимствований, в их подчинении законам собственного языка, в том, чтобы сделать комфортным использование иноязычных элементов в речи.

Термин «ассимиляция» отражает целевые установки номинатора, однако не включает в себя указания на гетерогенность элементов, используемых в качестве строительного материала процесса освоения слова. Данное «игнорирование» следует признать вполне обоснованным, поскольку срастание генетически инородных языковых элементов не дает эффекта гибрида. Напротив, гибрид-

ный по технике конструирования элемент ощущается как гомогенный, что со временем приводит к полной утрате ощущения «разноязычности» составляющих его частей.

Иной по своим целевым установкам, используемым техникам и конечным результатам процесс наблюдается в намеренном, игровом соединении элементов двух языков, характерном, в частности, для коммерческого нейминга как разновидности искусственной номинации [Голомидова 1998]. Постоянное присутствие на вывесках многоликих гибридов, соединение латиницы с кириллицей, букв со знаками препинания и графическими символами из интернет-коммуникации, несомненно, приводит к формированию конвенции восприятия миксированных лингвистических форм как одной из возможных форм бытия языка.

Теоретическое осмысление процесса «искусственной» языковой гибридизации находится на начальном этапе. Н. В. Перцов предлагает рассматривать все формы преднамеренной гибридизации как «оказиональный способ словообразования, в основе которого лежит принцип нарушения и обыгрывания графо-орфографической формы слова» [Перцов 2001: 216]. Т. В. Попова терминологизирует данное явление как графодеривацию, поскольку в основе гибридных лингвокреативных техник лежит «способ образования новых слов с использованием приемов графической языковой игры», сами результаты процесса именуются как графодериваты [Попова 2007: 230]. А. С. Пучинина предлагает сам процесс считать графическим словообразованием, а его результат, графодериват, описывает как более емкую в структурно-семантическом плане единицу [Пучинина 2013:103].

Корректность выводов о тождестве или близости процесса графодеривации к словообразованию подвергается сомнению в работе Т. М. Шкапенко и С. С. Ваулиной, указывающих, что в случае игрового миксирования элементов двух языковых систем речь идет о процессе, противоположном словообразованию. Внутренний механизм графодеривации описывается лингвистами как дистинктивно-компаративный, поскольку основан на выделении в слове фрагмента, содержаще-

го в себе потенциал графической деривации и его репрезентации с помощью элементов альтернативных семиотических систем. В случае монографической фиксации (создание новообразований при помощи графических средств одного языка) речь идет о процессе, обратном словосложению, «об играх со знаком, эффект прочтения которых не дает более смыслоемкого знака, а, напротив, обращает внимание адресата на случайную, «незаконную» смысловую связь вычлененных в графическом облике слова компонентов» [Шкапенко, Ваулина 2020: 211]. Явление полиграфической фиксации, основанной на использовании элементов разных языков, базируется, по мнению данных авторов, на разрушении основанных на естественной онтологии языкового знака правил его фиксации с помощью графем, входящих в состав национального алфавита [Там же].

Дополним, что графодериват не равен слову и с точки зрения его функционирования. В первых, он возникает, реализуется и «живет» только в графической форме, он не входит в словарный состав языка, не приобретает морфологической парадигмы, не способен употребляться в рамках целостного синтаксического высказывания без привязки к конкретному объекту номинации. Слово, задуманное как прагматический аттрактор, призванное привлечь внимание адресата своей оригинальностью, является лингвоинновацией однократного употребления. В системно-эволюционном плане оно представляет собой такую же тупиковую и бесперспективную разновидность гибрида, как мул, плод экспериментального скрещивания осла и кобылы, так и оставшийся «ни лошадью, ни ослом».

Анализируя механизмы языковой и литературной гибридизации, Й. Ужаревич указывает, что «гибридизации, как созданию нового, должно логически и действительно предшествовать расслоение (распадение) старого или хотя бы расчлененность старого» [Ужаревич 2014: 21]. При анализе свойств гибрида автор также ставит чрезвычайно важный вопрос о характере соотношения в нем своего и чужого, частей и целого. «Проблему можно сформулировать следующим образом: преобладают ли в гибриде части над целым, чу-

жое над своим, и старое над новым, или, наоборот, целое превышает (синтезирует) свои части в качественно новом единстве и таким образом из чужого (несовместимого) делает свое, а из старого — новое?» [Там же].

Рассматривая с этой точки зрения процесс освоения иноязычных лексем в принимающем языке, его результаты следует признать синтетическим образованием. В процессе ассимиляции иноязычные элементы уже не осознаются как гетерогенные, гибридный шов между ними и автохтонными формантами перестает ощущаться. Эффект дегибридизации наблюдается и в случае образования слов из разноязычных элементов: *автомобиль, суперобложка, телевидение* и т.п. не воспринимаются как гибридные формации. Причина их эволюционной гомогенизации является очевидной: они функционируют в речи в соответствии с фонетическими или грамматическими законами того языка, в рамках которого используются. Если же речь идет о гибридных техниках номинации коммерческих объектов, то они базируются на нарушении регулярных норм словоупотребления, стремятся к выводу лексической единицы из привычных, рутинных форм своего существования и обеспечивают перманентное качество гибридности.

Таким образом, одного сочетания элементов различных языковых систем недостаточно для того, чтобы результат их соединения можно было квалифицировать как гибрид. Как указывает К. Санчез-Штокхаммер, «гибридизация представляет собой процесс, в котором отдельные и разрозненные сущности или процессы порождают другую сущность или процесс (гибрид), разделяющий определенные черты с каждым из своих источников, результат которого, однако, не является чисто композиционным» [Sanchez-Stockhammer 2012: 135] — (*Перевод наш — Т. Ш., Е. З.*). Связанный с отсутствием структурно-смысловой композиционности эффект гибридизации имеет место только в том случае, если соединение гетерогенных элементов является преднамеренным актом лингвокреативного творчества, одной из основных сфер реализации которого является коммерческий нейминг.

Классификация гибридных номинаций

Среди различных подходов к типологизации гибридных явлений в современном русском языке следует, в первую очередь, выделить те, которые включают в себя системный уровень взаимодействия языков. Т. Н. Ломтева и С. В. Пахаренко считают, что массовое проникновение в русский язык англо-американских заимствований приводит к гибридизации картины мира принимающей лингвокультуры. В соответствии с этим в классификации гибридных явлений предлагается выделять лексический уровень (заимствование иностранных слов) [Ломтева, Пахаренко 2015]. Кроме того, в качестве уровней гибридизации указываются: графический (смешение латинского и кириллического написания); морфологический (словообразование с использованием иностранных морфем или придание слову новых грамматических категорий); синтаксический (оформление предложения согласно правилам иностранного языка) и орфографическом уровнях (передача слов и грамматических значений согласно иноязычным нормам) [Там же].

О. К. Ирисханова также предлагает дифференцировать гибриды в зависимости от языковых уровней, на которых происходит процесс сочетания разнородных элементов. В перечень уровней включаются: «фонетический (например, ассимиляция); лексический (словосложение); фразеологический (совмещение двух фразеологизмов в одном или контаминация) и межтекстовый уровни (интертекст, гипертекст) [Ирисханова 2010: 33].

А. В. Кравченко рассматривает явление гибридизации на текстовом уровне, приводя примеры высказываний, в которых англо-американские заимствования или «вкрапления» соседствуют с русскими словами. В зависимости от способа письменного воспроизведения англоязычных слов ученый предлагает выделять:

1) употребление английских слов в транслитерации языка-реципиента, например, турагентство «ЛавлиТур»

2) вкрапление англицизмов в их оригинальной форме, например, «Сигара — право на качественный life style»

3) гибридизация на уровне словообразования, когда создают либо новое слово, состоящее из частей, принадлежащих разным языкам («Tuborg — почувствуй вибрацию вечегreenки»), либо заимствованное английское слово начинают употреблять в соответствии с грамматическими нормами языка-реципиента («Территория shoppinga») [Кравченко 2012: 81–83].

Часть классификаций относится непосредственно к области коммерческого нейминга, то есть тех гибридных номинаций, которые возникают только в графической форме на вывесках с наименованиями коммерческих объектов. Так, Е. М. Спивакова, рассматривая способы введения иноязычных элементов в эмпоронимы (имена торговых учреждений) и сервисонимы (имена предприятий сферы обслуживания), предлагает следующую классификацию:

1. Собственно иноязычные сервисонимы и эмпоронимы:
 - иноязычные вкрапления,
 - заимствованные слова;
2. Единицы, искусственно созданные носителями языка на основе иноязычных элементов
 - соединение иноязычных слов без учёта их синтаксических и морфологических свойств, только на основе их лексического значения,
 - создание неологизма из иноязычных морфем,
 - транскрипция,
 - транслитерация,
 - гибридизация,
 - введение отдельной иноязычной графемы,
 - языковая игра, основанная на парцелляции одной графемы и прочтения её «как в алфавите»,
 - языковая игра, основанная на созвучии иноязычного слова и части русского слова [Спивакова 2020: 99–100].

К уровню собственно гибридизации автор относит только «образование новой единицы из исконного и иноязычного элемента». Например, «Maki-studio», «Myata-studio», «Matreshka-studio», «MafiaПарикмахеров» [Там же].

Иной способ классификации графических гибридов, или граводериватов, предлагается в работе Т. В. Поповой [Попова 2013: 149-150]. В качестве основного критерия исследователь избирает тип материальных средств (знаков), использующихся с целью образования графодериватов. На этом основании выделяются монографикация (создание новообразований графическими средствами одного языка), полиграфикация, или графогибридикация (создание новообразований при использовании графических средств разных языков) и кодографикация (создание новообразований при помощи сегментных средств различных кодовых систем, одна из которых не является естественно-лингвистической). Заметим, что в данной работе в качестве эквивалентных монографикации и полиграфикации используются термины «моносемиотический» и «полисемиотический» уровни гибридикации.

Основные способы гибридикации эмпоримов г. Калининграда

Всего нами было выявлено 785 наименований предприятий индустрии красоты (салоны красоты, парикмахерские, барбершопы, спа-центры, имидж-лаборатории и т.п.), около 53 % которых (411 неймов) составили гибридные номинации различного типа. 279 из них основаны на использовании латиницы, 132 представляют собой кириллические написания. Основным способом присвоения названий в первой группе является использование английских слов или их сочетаний в оригинальном написании (134 примера из 279). Свойство гибридикации в данном случае реализуется на лексическом, внешнем по отношению к русскому языку уровне – эффект миксирования возникает как результат функционирования английских слов на фоне российского лингвистического ландшафта.

Лексические элементы, восходящие к другим языкам, встречаются значительно реже: 17 названий относятся к итальянскому (*Bellagio, Dolce Vita, Sole Mio, Vita Nova, Capriccio* и др.), 10 к французскому (*Charmant, Mon Ami, Mon salon, Allure* и др.) и 5 к немецкому языку (*Frau Marta, DeScharm* и др.). Преобладание итальянских вкраплений

можно объяснить высоким статусом Италии во всемирной индустрии красоты и моды, в связи с чем любое использование итальянских слов и словосочетаний рассматривается номинатором как знак причастности заведения к этому приятельному миру. Среди немецких элементов статус регулярного лексического «инклюза» получил универб *Kёниг* (сокр. от *Kёнигсберг*), например, *Kёниг Hair*, являющийся высокочастотным коллоквиализмом в речи калининградцев. При этом используется как немецкое написание *König*, так и смешанное, в котором буква немецкого алфавита *ö* заменяется на кириллическую букву *ё*. Несколько входящих в названия заведений индустрии красоты немецких вкраплений относятся к топонимам бывшей Пруссии: Мемель (современное название — Клайпеда), Кранц (современное название — Зеленоградск), Ластадиэ (исторический район Кёнигсберга), Самбия — (название исторической области Пруссии, расположенной на территории современной Калининградской области). Их использование, однако, дополняется английскими лексемами, идентифицирующими заведение по его профессиональной направленности: *Memel Beauty House, Kenig Hair, Sambia, Spa Cranz, Lastadie beauty*. Отсылки другого типа, апеллирующие к немецким реалиям, встречаются крайне редко: это название спа-салона *Frau Marta*, а также салона-парикмахерской *Solingen*, одноименное с немецким городом, многие столетия славящимся производством ножей и других режущих инструментов, в т. ч. ножниц и маникюрных принадлежностей.

Большинство номинаций, содержащих французские слова, содержит уже заимствованные русским языком элементы, получившие кодифицированное транскрибированное написание кириллицей: *Дежа-вю* (франц. *déjà vu* — 'уже видел'), *Бонжур* (франц. *Bonjour* — 'добрый день'), *Комильфо* (*Comme il faut* — 'как следует, как надо'). Два записанных латинскими буквами названия относятся к азиатскому пространству индустрии красоты: студия массажа и СПА *Ban Sabai* (бенгальск. — 'Добро пожаловать домой!') и салон красоты *Yokibi* (от названия линии элитной японской косметики).

Абсолютное большинство гибридных номинаций основано на использовании лексических единиц английского языка. Значительная их часть использует в своем составе широко известные, знакомые россиянам со школьной скамьи и «раскрученные» в современном англоязычном фэшн-дискурсе слова и словосочетания, среди которых чаще всего встречаются слова *beauty* (красивый, красота) и *hair* (волосы). Некоторые названия, включающие в свой состав слово *beauty*, полностью состоят из английских слов: *Beauty Club*, *Beauty Mafia*, *Beauty splash* и т.п. Другие включают в себя одно английское и одно латинизированное русское слово, например, *Beauty Dom*, или же применяют коды сразу нескольких семиотических систем. Так, название студии красоты *Beauty Пространство #1* представляет собой сочетание английской и русской лексем, записанных соответственно латиницей и кириллицей, знак решётки, соответствующий обозначению номера в США, и цифру 1, призванную указать на высокое место данного заведения в конкуренции салонов красоты.

Чаще всего *Beauty* используется в названиях как прилагательное, находясь в препозиции к различным английским существительным — *Beauty studio*, *Beauty Space 107*, *Beauty splash*. В номинации данной группы также часто входят имя и фамилия, по всей вероятности, людей, которым принадлежат данные заведения: *BEAUTY STUDIO Alexandra Rogachuk*, *Beauty Studio Natalya Shaveko*, *Beauty room Natalie Geyman* и др. Тенденция к латинизации имен и фамилий, принадлежащих к русской антропонимической системе, проявляется и в наименовании заведения по фамилии или имени и фамилии владельца: *Bebeshko*, *Slava Krupskaya*, *VLADLENA KAMINSKAYA* и др. Реже встречаются номинации, в которых *beauty* употребляется как существительное и стоит после определяемого прилагательного: *Wizard beauty* (волшебная красота), *Magic beauty* (магическая красота). Слово *beauty* столь часто используется в русском дискурсе красоты, что в попытках избежать повтора некоторые вывески прибегают к транскрипции английского слова средствами русского языка, например, *Бьюти*, *Иллен Бьюти*.

Второе по частоте использования в эмпирических материалах английское слово *hair* (волосы) встречается всегда в сочетании с другими английскими словами, чаще всего в функции прилагательного. Определяемый член указывает на тип заведения или конкретизирует вид оказываемых услуг: *Hair design*, *The hair shop*, *HAIR_STUDIO.39*, *Hairbar39*, *HAIRCUT SKILL*, *HAIR'S SECRET* и др. Следует заметить, что номинаторы достаточно вольно обращаются с английским языком, используя такие метафоры как: *Happyhair* (счастливые волосы) или *Hair music* (музыка волос? волосяная музыка?). Данные вольности в обращении с языком можно объяснить, с одной стороны, учетом целевой аудитории, для которой английский язык не является родным, а с другой, напротив, предположением о билингвизации потенциального потребителя, расчетом на то, что он не будет переводить изобретенные названия и озвучивать их перевод на русский язык. Русскоязычная версия названий типа *Волосяной бар*, *Бар волос*, или *Студия волос* и *Волосяная студия* вряд ли способна вызвать положительное восприятие у русского потребителя.

О расчете на достаточно высокий уровень владения английским языком потенциальным потребителем свидетельствуют и другие номинации. Например, сложное в написании и произношении английское существительное *Scissors* (ножницы); не совсем понятное в своем прагматическом послысло слово *OWN* (собственный), то ли призванное обозначить частную форму предприятия, то ли внушающее, что каждый клиент может почувствовать себя здесь как у себя дома. Не совсем понятно использование в названиях таких английских слов как *Force* (сила) для наименования салона красоты, *Hide* (прятаться, скрываться) для наименования салона массажа или студии красоты *Just* (просто так) — просто зайти, просто загляни?

Встречаются распространенные англоязычные наименования, состоящие из двух или трех слов, например: *All Stars*, *AVENUE My Secret*, *Avocado Beauty Studio*, *Salon Royal Hair* и др. Среди них имеются высказывания, которые непосредственно обращены к клиенту, *ALL FOR YOU* (Все для тебя) или *Say wow* (Скажи вау).

Наряду с номинациями, основанными на использовании слов английского языка, встречаются и их комбинации с русскими словами. Кроме приведенных выше *Beauty Dom*, *Beauty Пространство #1*, это названия типа *НИТ стрижка*, *ВИШНЯ club*, *X-Fit ПИОНЕР*, *БАРИН & BARBER*. Небольшая часть англо-русских гибридов основана на латинизации только одной графемы, например: *Ваниль* и *ВОБРАЗЕ*, в которых первая буква *В* заменяется на английскую букву *V*. В названии заведения *ЛЕОНИКА*, профиль которого идентифицируется как «цирюльня», включение одной латинской буквы в состав не существующего слова призвано, очевидно, обозначить раздел названия на два имени: мужского *Лео* и женского *Ника*.

Часть гибридных наименований (17 примеров) основана на использовании приема латинизированного написания русских слов. Кроме указанных выше русских имен и фамилий, это различные апеллятивы, связанные тематически с областью индустрии красоты: *BORODACH*, *KONURA*, *PRObor*, *ATAS*, *Folga*, *Luna*, *MARAFET*, *MATRIOШКА*, *Pudra* и др.

Соединение лексем русского и английского языков часто сопровождается использованием элементов других знаковых систем. 26 номинаций наряду с вербальными элементами включают в свое название цифровые элементы. Как устойчивую тенденцию, локализирующую заведение по месту его «проживания» в лингвистическом ландшафте Калининграда, можно квалифицировать включение в состав названия цифры 39 (6 примеров), являющейся кодом калининградского региона на автомобильных номерах: *HAIR_STUDIO.39*, *Sculptor39*, *Sharm 39*, *Figura39*, *Hairbar39*, *Salon39*. Другие цифровые элементы отсылают к названиям улиц, например: салон красоты *9 avenu* находится на улице 9 апреля, и в то же время представляет собой аллюзию на *5 avenu*, одну из самых уважаемых и дорогих улиц мира, расположенную в центре Манхэттена в Нью-Йорке. Встречаются также названия, мотивация использования в которых определенных цифр представляется непонятной: *Beauty Space 107*, *STUDIO 26*, *Studio 601*.

Высококачественным способом соединения элементов внутри одного наименования яв-

ляется использование амперсанда: *Cut & color*, *LOVE & BEAUTY studio*, *ORANGE Style & SPA*, *Se&MBeautyStudio*, *БАРИН & BARBER*, *ОН & ОНА*, *Чуб&Чёлка*. Несмотря на иконическое изображение, данная логограмма широко известна как графический субститут сочинительного союза *and*, что с легкостью считывается рядовым потребителем, даже слабо знакомым с английским языком. В отдельных номинациях & выполняет также функцию игрового идентификатора, например, разделяя русское слово *стрижка* на две части: *Стриж & КА*.

Если дезинтеграция слова практически всегда связана со стремлением визуализировать какую-либо его часть, омонимичную с целым словом, то процесс интеграции, или графического склеивания в одно целое всех элементов номинации, как правило, не несет специальной смысловой нагрузки. Его все большее распространение, с одной стороны, можно объяснить влиянием интернет-технологий, в которых синтаксические склейки являются способом написания хештегов. С другой стороны, слитное написание позволяет достичь визуального эффекта целостной номинации, например: барбершопы *WestMen* и *WILLMADE*, салоны красоты *BackStage* и *InStyle* и т. п.

Отдельного внимания заслуживают гибридные номинации, нацеленные на создание игрового эффекта. Часть из них основана на использовании лингвокреативного потенциала только одного языка. Так, название студии красоты *HairPlay* отсылает к созвучному, отличающемуся только первой согласной буквой сочетанию *FairPlay* (честная игра). В результате создается эффект двойного прочтения, зависящий от уровня знания английского языка: для одного адресата название будет ограничено его прямым смыслом «игра с волосами», более сведущему потребителю будет понятно желание владельцев салона подчеркнуть то, что они ведут честный бизнес.

Другая часть игровых гибридов использует лингвокреативный потенциал двух языков — русского и английского. Например, кириллическо-латинское название барбершопа *БАРИН & BARBER* основано на созвучии двух слов, сочетание кото-

рых можно интерпретировать как обещание обслужить клиентов со всем надлежащим классу господ почтением. Русский барин будет отдавать приказы, а иностранный парикмахер, *barber*, будет их выполнять.

Интересным примером полисемиотического конструирования игрем может послужить название барбершопа *Bro33ers*. Замена букв *th* в английском слове *brothers* (братья) на цифры 33 дает эффект смысловой дезинтеграции, выделяя часть *bro*. Данный элемент уже стал популярным неформальным обращением, произносимым как «бро» и близким по своей прагматике русскому «брат, братан». Можно также предположить, что вставка цифры 33 является аллюзией на 33 богатырей из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина, что производит совокупный эффект мужественности и мужской солидарности. Создание игровых номинаций, основанных на выделении обращения *bro/bro*, достигается и другими средствами, чаще всего с помощью капитализации или точки, например: *BRO.loft*, *bro.SHAMAN*.

Интересный эффект многослойного прочтения достигается в названии барбершопа *БРО-ДОБРЕЙ*. С одной стороны, устаревшее слово *бродобрей* подвергается эрративному написанию, чтобы выделить в нем БРО как символ братского отношения к посетителю, с другой стороны, подчеркивается вторая основа сложного слова: *БРЕЙ*. Наконец, возможно и цельное прочтение двух последних элементов *ДОБРЕЙ* как своего рода залог доброго настроения, доставляемого клиентам данного заведения.

Заключение

Техники гибридной номинации становятся важнейшим средством создания наименований калининградских предприятий индустрии красоты. Среди них преобладают иноязычные, в первую очередь, англоязычные «вкрапления», основанные на использовании английских слов и словосочетаний в их оригинальном написании. К другим популярным способам моносемиотической гибридной номинации относятся латинизация русских слов и кириллизация английских, а также сочетание в одном наименовании разноуровневых элементов русского

и английского языков. Полисемиотический уровень гибридной номинации основан на сочетании вербального, цифрового и графического кодов. Активное применение разнообразных лингвокреативных техник связано с прагматическим стремлением номинатора вызвать интерес массового потребителя.

ИСТОЧНИКИ

ЭСС 1987 — *Советский энциклопедический словарь*. Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская Энциклопедия. Изд. 4-е, 1987. 1600 с.

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова 1966 — Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.

Голомидова 1998 — Голомидова М. В. *Искусственная номинация в русской ономастике*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1998. 232 с.

Ирисханова 2010 — Ирисханова О. К. О языковой гибридной номинации, лексических гибридах и фокусе внимания. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2010 (603): 27–44.

Кравченко 2012 — Кравченко А. В. Взаимодействие культуры и гибридная номинация языка. В сб.: *НОМО COMMUNICANS: человек в пространстве межкультурных коммуникаций*. Янашек К., Митурска-Бояновска Й., Гаваркевич Р. (ред.). Щецин: GRAFFORM, 2012. С. 80–86.

Ломтева, Пахаренко 2015 — Ломтева Т. Н., Пахаренко С. В. Процессы языковой гибридной номинации в картине мира принимающей лингвокультуры. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. (12, Ч.4): 129–133.

Марузо 2004 — Марузо Ж. *Словарь лингвистических терминов*. Пер. с фр. Н. Д. Андреева. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС, 2004. 436 с.

Перцов 2001 — Перцов Н. В. *Инварианты в русском словоизменении*. М.: Языки русской культуры, 2001. 280 с.

Попова 2007 — Попова Т. В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX — начала XXI в. В сб.: *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы*. М., МГУ, 2007. С. 230–231.

Попова 2013 — Попова Т. В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. В кн.: *Лингвистика креатива–1*. 2-е изд. Гридина Т. А. (ред.). Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. С. 147–175.

Пучинина 2013 — Пучинина А. С. Графодериваты как особые единицы речи. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2013, (16/307): 102–104.

Спивакова 2020 — Спивакова Е. М. Иноязычные элементы в эмпоронимах и сервисонимах Биробиджана. *Вестник Приамурского университета им. Шолом-Алейхема*. 2020, (2/

39): 97–101.

Ужаревич 2014 — Ужаревич Й. Теория гибридности Михаила Бахтина и проблема литературных микроформ. В сб.: *Гибридные формы в славянских культурах*. Злыднева Н. В. (ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 19–34.

Фридман 1968 — Фридман Л. А. *Английские заимствования во французской медицинской терминологии*. Автореферат диссертации канд. филол. наук. М., 1968. 27 с.

Шкапенко, Ваулина 2020 — Шкапенко Т. М., Ваулина С. С. Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2020, Т. 19 (6): С. 204–215.

Kachru 1992 — Kachru B. *World Englishes: approaches, issues and resource*. Language Teaching. Cambridge UP. 1992, V. 25, pp. 1–14.

Sanchez-Stockhammer 2012 — Sanchez-Stockhammer C. Hybridization in Language. In: *Conceptualizing Cultural Hybridization. A Transdisciplinary Approach*. Stockhammer P. (eds). Heidelberg: Springer, 2012. pp. 133–158.

SOURCES

SES 1987 — *Soviet Encyclopedic Dictionary*. A. M. Prokhorov (ed.). Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia. Izd. 4-e, 1987.

REFERENCES

Ахманова 1966 — Akhmanova O. S. *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1966.

Голомидова 1998 — Golomidova M. V. *Artificial Nomination in Russian Onomastics*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1998.

Ирисханова 2010 — Iriskhanova O. K. On Language Hybridization, Lexical Hybrids And Focus Shifts. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye Nauki*. 2010 (603): 27–44.

Кравченко 2012 — Kravchenko A. V. Cross-cultural Interaction and Language Hybridization. In: *HOMO COMMUNICANS: chelovek v prostranstve mezhkul'turnykh kommunikatsii*. Janaszek K., Miturska-Bojanowska I., Gawarkiewicz R. (ed.). Szczecin: GRAFFORM, 2012. P. 80–86.

Ломтева, Пахаренко 2015 — Lomteva T. N., Pakharenko S. V. Processes of Language Hybridization in Worldview of Receiving Linguo-Culture. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. (12, Ch.4): 129–133.

Марузо 2004 — Maruzo Zh. *Dictionary of Linguistic Terms*. Transl. form Fench N. D. Andreeva. Moscow: URSS, 2004. (In Russian)

Перцов 2001 — Pertsov N. V. *Invariants in Russian Inflection*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2001.

Попова 2007 — Popova T. V. Graphical Derivation in Russian Word Formation of the Late XX — Early XXI Century. In: *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo iazyka. Trudy i materialy*. Moscow, MGU, 2007. P. 230–231.

Попова 2013 — Popova T. V. Creolized Derivatives as an

Element of Russian Written Communication at the Turn of the XX–XXI Centuries. In: *Lingvistika kreativa–1*. Gridina T. A. (ed.). Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2013. P. 147–175.

Пучинина 2013 — Puchinina A. S. Graphical Derivatives as Unique Units of Speech. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 2013, (16 / 307): 102–104.

Спивакова 2020 — Spivakova E. M. Foreign elements in emporonyms and serviceonyms of Birobidzan. *Vestnik Priamurskogo universiteta im. Sholom-Aleikhema*. 2020, (2 / 39): 97–101.

Ужаревич 2014 — Užarević J. Mikhail Bakhtin's theory of hybridity and the problem of literary microforms. In: *Gibridnye formy v slavianskikh kul'turakh*. Zlydneva N. V. (ed.). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2014. P. 19–34.

Фридман 1968 — Fridman L. A. *English loanwords in French medical terminology*. Avtoreferat dissertatsii kand. filol. nauk. Moscow, 1968.

Шкапенко, Ваулина 2020 — Shkopenko T. M., Vaulina S. S. Problems on Terminology and Theoretical Description of Language Derivation Levels. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Iazykoznanie*. 2020, V. 19 (6): P. 204–215.

Kachru 1992 — Kachru B. *World Englishes: approaches, issues and resource*. Language Teaching. Cambridge UP. 1992, V. 25, P. 1–14.

Sanchez-Stockhammer 2012 — Sanchez-Stockhammer C. Hybridization in Language. In: *Conceptualizing Cultural Hybridization. A Transdisciplinary Approach*. Stockhammer P. (ed.). Heidelberg: Springer, 2012. P. 133–158.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДИКАТА СОСТОЯНИЯ С ОПОРОЙ НА ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

YUWEI XU

TYPOLICAL STUDY OF PREDICATE OF STATE BASED ON THEIR SEMANTIC FEATURES

Статья посвящена дискуссионной проблеме — типологии предикатов состояния в русском языке. **Актуальность** работы заключается в том, что в ней рассматриваются критерии, на основании которых может быть построена семантическая классификация, опирающаяся на синтаксический анализ указанного типа предикатов. Следовательно, **целью статьи** становится выделение таксономических типов указанных предикатов на фоне значения актуализированных семантических признаков, присущих этим языковым единицам. **Методологической основой исследования** служит гипотеза выделения семантических признаков, выдвинутая О. Н. Селиверстовой и Т. В. Булыгиной, а также тезис Д. Дэвидсона, что дает возможность отличить предикаты состояния от других предикатов. В качестве **материала** исследования выступают извлеченные из Национального корпуса русского языка и Твиттера тексты с предикатами состояния. Рассмотренные нами исследования и материал позволяют утверждать, что в современном отечественном языкознании наметилась тенденция к изучению сущности предикатов в типологическом аспекте. **Новизна статьи** заключается в использовании модели речевого акта для описания предикатов с учетом того, что предикаты состояния обусловлены такими семантическими признаками, как неагентивность, фазовость, статичность и квантифицируемость, ограниченные темпорально-пространственной локализацией. С этих позиций в статье делается **вывод** о том, что общее грамматическое значение предикатов состояния связано с выражением состояния в самом широком его понимании (состояния человека, животного, природы и окружающей среды, модальной оценки состояния субъекта) с присущей ему нединамичностью.

Ключевые слова: типологическое изучение; предикаты состояния; семантические признаки; динамичность и статичность; синтаксическая типология; модель речевого акта.

Сюй Юйвэй

Соискатель кандидата филологических наук, аспирант

► ixuyuweiy@yandex.ru

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Россия, 117485, Москва,
ул. Академика Волгина, 6

Yuwei Xu

Pushkin State Russian Language Institute
6 Ac. Volgin Str., Moscow, 117485, Russia

The article is devoted to a controversial problem: the typology of predicates of state in the Russian language. The relevance of this work lies in the fact that it examines the criteria allowing to build a semantic classification of such predicates, based on their syntactic analysis. Therefore, the purpose of the article is to specify the taxonomic types of predicates against the background of the meaning of the actualized semantic features inherent in these language units. In terms of the methodological basis of the study, the author relies on the hypothesis about the allocation of semantic features offered by Olga Seliverstova and Tatiana Bulygina, as well as Dan Davidson's ideas, allowing to distinguish predicates of state from other predicates. The research material is the texts with predicates of state extracted from the National Corpus of the Russian Language and Twitter. The studies and material taken into account by the authors prove that in modern Russian linguistics there has been a tendency to study the essence of predicates in a typological aspect. The novelty of the article lies in the use of the speech act model for describing predicates,

Работа выполнена в рамках Фонда философской и социальной науки провинции Хэйлунцзян «На основе корпусов семантический анализ глаголов поступка и поведения в русском языке», номер проекта: 19YUC147

taking into account the fact that predicates of state are determined by such semantic features as non-agentivity, phase, static character and quantifiability, limited by temporal-spatial localization. Within this approach, the article concludes that the general grammatical meaning of the predicates of state is associated with the expression of a state in its broadest sense (the state of a person, animal, nature and environment, modal assessment of the subject's state), denoting non-dynamism.

Keywords: typological study; predicates of state; semantic features; dynamism and static character; syntactic typology; model of a speech act.

«Предикаты — это особые семантические сущности, их категоризация представляет собой «обобщение объективных явлений бытия» [Степанов 1980: 312–323], следствием чего является их роль определяющих членов синтагмы по отношению к «характеру подлежащего или модели предложения в целом» [Селиверстова 1982: 3], что лежит в основе их классификации.

Распределение предикатов по рубрикам имеет давнюю традицию, базируясь на различных критериях выделения. Так, первоначально они относились к «действиям», «свойствам», «состояниям» (идеи Аристотеля), что соответствует разнообразным типам денотативных ситуаций [Davidson 1980; Vendler 1967: 103]. Л. В. Щербой были выделены предикаты со значением «1) действия, процесса; 2) состояния; 3) качества» [Щерба 2007: 26]. Опираясь на гипотезу Аристотеля, Ю. С. Степанов делит типы предикатов по значению, относя их к предикатам «сущности, состояния или свойства и предикатам отношения» [Степанов 1981: 162]

Классификация предикатов, предложенная Т. Б. Алисовой [Алисова 1971], основана на выделении их дифференциальных семантических признаков с учётом активных и неактивных отношений в их связях с фактором локализации. Этот принцип был реализован в двух подходах анализа, прежде всего в тезисах Т. В. Булыгиной и О. Н. Селиверстовой [Булыгина 1982; Селиверстова 1982]. Выделенные ими типы предикатов, учитывающие временную локализацию, широко используются в современных исследованиях. В теории Вендлеровских классов для выделения групп предикатов применительно к английскому глаголу выявлены 4 класса, то есть *states* (стативы), *activities* (деятельности), *accomplishments* (совершения)

и *achievements* (достижения) [Падучева 2009: 3–20]. Для русского языка предикат состояния, который составляет предмет данного исследования, естественно относится к числу типов стативных ситуаций по признаку **неагентивности** [Падучева 1996: 107; Циммерлинг 2017: 17] и **статичности**.

Очевидно, что каждая из классификаций, отмеченных выше, содержит в себе некоторые особенности, что объясняется неоднородностью критериев выделения. В нашей работе проводимый анализ предикатов состояния основан на учёте морфосинтаксической модели предложения, а также объединённых семантических признаков, которые описывают общий характер предиката. То есть структура состояния может определяться по отношению к носителю состояния и его продуцируемым признакам, причем референт предикативов одновременно воздействует на интерпретацию признаков и факт существования его субъекта. При анализе предикатов состояния как одного из типов предикатов с учетом их регулярной семантической связи учитываем мнение о том, что «состояние занимает промежуточное положение между процессами и действиями» [Барамыгина 2007], хотя в общем состояние отличается и от процесса и от действия. Такая же точка зрения была высказана М. И. Откупщиковой, которая считает, что состояние, будь то человека, природы или всего окружающего мира, констатируется участником речевого акта как факт, «не связанный непосредственно с процессом, протеканием действия» [Откупщикова 1995: 140]. Притом «состояние» представляется исключительно стабильной сущностью предметов или субъекта, так что русская лингвистическая традиция не определяет возможности описать обобщенную ситуацию состояния субъекта.

Такие предикаты (*Predicates of State in Russian* [Циммерлинг 2018б: 45–64]), как *горе*₂¹, *комфортно*₂, *надо*, *беспокойно*₂, *хорошо*₂, *к спеху* и т. д., выделенные в работе Л. В. Щербы в так называемую категорию состояния — особую часть речи, выражают семантическое значение «состояния». По В. В. Виноградову [Виноградов 1972], разрабатываемый вопрос о предикате состояния скорее не является релевантным с действием каких-либо

внешних сил или человека. Обратимся к следующим примерам:

- (1) $_{DAT}$ *Васе* $_{Pred}$ *беспокойно*₁ за здоровье *Алеши*;
- (2) $_{NOM.SG.M}$ *Вася* $_{3SG.M}$ *беспокоится* $_{PN}$ [о здоровье $_{NOM.SG.N}$ *Алеши*];
- (3) $_{NOM.SG.M}$ *Вася* $_{VP}$ [$_{PST.3SG.M}$ *лежал* $_{ADV}$ *беспокойно*₂];
- (4) *Жизнь* $_{NOM.SG.F}$ *беспокойна* $_{ADJ.SG.F}$ у него *была* $_{PST.SG.F}$.

На наш взгляд, можно утверждать, что *беспокойно*₁ (предикат состояния) в (1), *беспокоится*-3SG (2) и *беспокойный*-ADJ.SG.F (4) в предложениях выполняют роль предикатов, а омонимичное для предиката состояния *беспокойно*₂ слово *беспокойно*₂ ADV в предложении (3) выполняет функцию второстепенного члена предложения, оформляемого предикатом *лежать*, как обстоятельство образа действия.

По В.В. Виноградову, состояние приписывается «тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние» [Виноградов 1972: 332]. Предикаты состояния принадлежат к числу предикативов дативно-предикативной структуры ДПС [Поспелов 1955; Циммерлинг 1998, 20176], что отмечается в форме дательного падежа для X при отсутствии активности [Lakoff 1966]. Состояние для субъекта должно быть страдательным, как в предложении (1). В этом отношении из приведенных выше примеров видно, что определенное событие или ситуация совпадает с моментом речи, фазы состояния для говорящего альтернативны и случайны, то есть, слушатель будет отправлять разные реакции или отзывы относительно разных информационных, основанных на выходном пути 1 (*Васе беспокойно*) и выходном пути 2 (*Васе не беспокойно*), исходящих от говорящего. К тому же, скорее всего, фазовая частотность наблюдается при **дисконтинуальном режиме**, вряд ли обозначения состояния ориентированы на постоянные состояния, а именно разные возможные состояния одного и того же субъекта могут быть состоянием либо эмоционально-психологическим (например, слова *сладко*₂, *смех* и др.), либо физическим и физиологическим (например, слова *дремотно*, *дурно*, *душно*₂, *сыто* и др.), либо морально-этическим

с субъективной оценкой (например, слова *грех*₂, *позор*, *ужас*, *умно* и др.) в разные временные периоды. А сообщая о данном событии, говорящий «Вася» находится как раз на фазе беспокойства за «здоровье Алеши», то есть <X (Вася) испытывает беспокойство Y, у X-а возникло беспокойство Y за Z (здоровье Алеши)>. См. рисунок 1. Кроме того, локализуемое состояние на оси времени учитывается как отрезок, процессы которого «непосредственно лежат на временной оси» [Селиверстова 1982: 121; Vendler1967: 99; Lyons1977: 483].

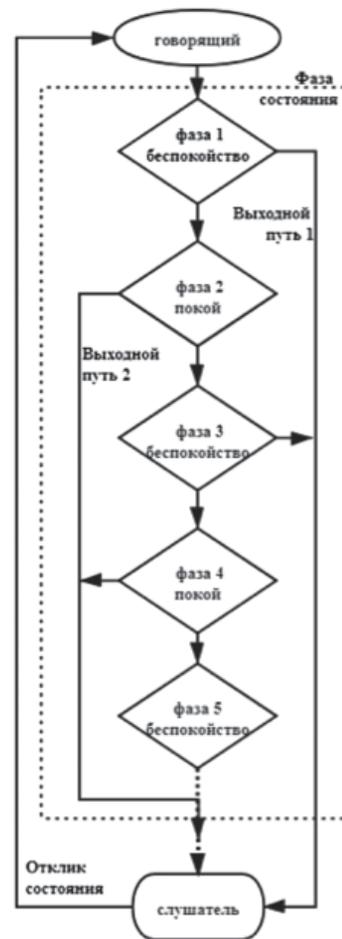

Рис. 1. Модель речевого акта «Васе беспокойно, за здоровье Алеши»

Что касается предложения (2) *Вася беспокоится о здоровье Алеши*, речевой акт реализуется на временной точке действия, действие же может протекать и изменяться во времени. При этом расхождения между состояниями и действиями

из предлагаемых моделей речевого акта свидетельствуют о том, что состояние реализуется в **актуализованности** (признак для предиката состояния в теории Г. Карлсона, т. н. *stage-level predicates*² в английском языке) [Циммерлинг 2017: 17–41] в темпоральном дейксисе. Протяженность состояний во многом зависит от актуализованной ситуации, в которой фаза существования денотата не изменяется, не протекает во времени, его движения, деятельности, развития на временной оси, лишь длится пока последующая фаза начинается, см. рисунок 1; если сравнивать действие, его временная точка изменяется, развивается и имеет единственную координату на пространственно-временной оси, см. рисунок 2.

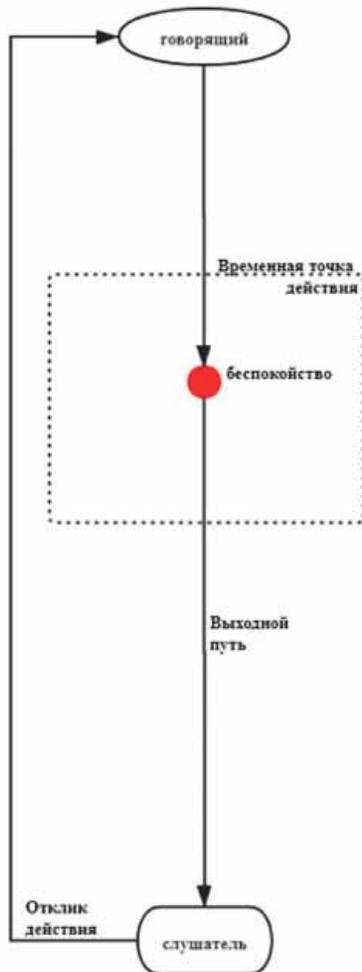

Рис. 2. Модель речевого акта «Вася беспокоится о здоровье Алеши»

Вместе с тем, по онтологической теории, второй участник — **наблюдатель Q** — имплицитно существен в предложении, стоя на своем пространственном локусе и выражая оценку и мнение о данном событии или ситуации. Таким образом, мы полагаем, что ситуация «*Васе беспокоитно₁ за здоровье Алеши*» зависит от субъективной эмпирии наблюдателя / говорящего, то есть *Q считает, что <у X-а возникло беспокойство Y за Z>*. Это происходит не только в случае дательного предложения с инактивным субъектом, но и характерно для активного предложения как *Вася беспокоится о здоровье Алеши*. Но скорее существенна ситуация с единичным участником, в которой «наблюдатель» подразумевается как сам по себе инактивный субъект, то есть в случае если субъект ограничен первым лицом: *Мне беспокоитно₁*. В этом отношении во временно-пространном дейксисе существует единичная возможность для данной ситуации. Притом, субъект может быть каузативным в состоянии, а состояние может быть оценено и самим по себе субъектом, и говорящим.

Можно сказать, отличительным признаком для предикатов состояния в отличие от предикатов процессов и действий становится своего рода «отсутствие притока энергии, отсутствие агентивного субъекта» [Циммерлинг 2017: 17]. «Состояние» осмысливается как инактивное действие, связанное со статической ситуацией, где агенса нет. Соответственно, примеры в работах [Циммерлинг 2010: 181–184; Ломтев 1972: 181–184] показывают, что в состав основной массы дательных предложений с неагентивным субъектом входят не только предикаты состояния, но и глаголы, и наречные элементы. Иными словами, значения состояния [Циммерлинг 2016], ср. [Davidson 1980; Carlson 1980; Vendler 1980] соответствуют разным типам денотативных ситуаций. По-видимому, вряд ли отсутствие агенса является убедительным аргументом для выделения предикатов состояния в особый предикатный тип. Более убедителен признак **неконтролируемости** [Циммерлинг 2017: 17; Булыгина 1982: 68] для предикатов состояния, что означают скорее слова со значением эмоционально-психического состояния, такие как *беспокойно₁*, *больно₁*, *гадко₁*, *легко₁* и др.; слова

со значением сенсорной реакции, такие как *видано*, *видно*, *слыхано*, *слышно* и др.; слова со значением волюнтивной оценки: *надо*, *возможно*, *можно*, *необходимо*, *нельзя*, *невозможно* и др. в «дативных» безличных предложениях. Приведем следующие примеры:

- (5) $_{DAT}$ *Васе* $_{PST.3SG.C}$ *стало* $_{Pred}$ [*скучно и гадко*];
 (6) $_{Pred}$ *Видно* $_{PST.3SG.C}$ *было*, $_P$ [*что он задыхается от волнения*]; (пример из НКРЯ)
 (7) *Иногда это* $_{Pred}$ *необходимо*, $_{Pred}$ *важно* $_{VP}$ [*учиться принимать отказ и отпущать*]. (пример из Твиттера)

Видно, что конструкции типа *X-у гадко / надо* или *Видно, что P* в синтаксическом плане существенны при несогласуемом субъекте с маркером дательного падежа или без него [Золотова 1998: 105]. Носитель состояния может выражаться и именительным падежом, как в примере (7), что утверждается неконтролируемостью для физиологической реакции субъекта в плане скрытых категорий семантики и синтаксиса, «не находящихся самостоятельного (морфологического) выражения в языке, но существенных для построения и понимания высказывания» [Кацнельсон 1972: 82-85; Серебренников 1990: 396]. Притом, наблюдается нулевой субъект в (6), когда говорящий может быть имплицитным, в этом случае имеется в виду обобщенный объект, который не включает говорящего. Внутренние состояния также наблюдаемы в следующих случаях: *Жить стало скучно!* Неконтролируемость реализуется при отсутствии волевой активности, не завися от воли субъекта и носителя состояния, объединяя в себе инвариантное грамматическое значение. Можно сказать, что без признака неагентивности говорить о неконтролируемости невозможно. Отметим также, что конструкция *Видно, что P*, относящаяся преимущественно к внешним состояниям для субъекта, подразумевает каузирующую состояние причину¹ [Селиверстова 1982: 330]. Каузирующая состояние причина может, очевидно, приниматься как факультативный элемент ситуации с оценкой состояния. К этой группе чаще относят

слова со значением интеллектуальной реакции: *важно*, *известно*, *интересно*, *понятно*, *странно* и др. В предложении (7) предикатив состояния сочетается с инфинитивным оборотом, образуемый <Важно+Inf> в дативно-инфинитивной структуре (ДИС), которая чаще выражает внешние состояния.

К тому же, как демонстрируется в предложении (5), лексемы *скучно* и *гадко* выражают состояние субъекта в прош. вр. лишь при глагольной связке *стало*, которая обозначает неопределенное на временной оси **начало состояния**, являющееся прямым дейксисом для начала времени, одновременно косвенно интерпретирует имплицитное значение изменения в фазовых цепочках из одного состояния в другое: начало — изменение — конец.

Признаки, связанные с фазовым состоянием на оси времени или с моментом речи, преимущественно отличаются от предикатов «качества» и «свойства», которые, описывая актуализированную ситуацию, обозначают вневременные особенности, привязанные к заданным индивидам. В качестве иллюстраций приведем следующие примеры:

- (8) $_{NOM.SG.M}$ *Вася* $_{3SG.M}$ *живет в комфортном* *доме*;
 (9) $_{DAT}$ *Васе* $_{Pred}$ *комфортно*₂ *в этой комнате*;
 (10) $_{NOM.SG.N}$ *Вася* $_{PST.3SG.M}$ *был* $_{Pred}$ *навеселе*;
 (11) $_{NOM.SG.N}$ *Вася* $_{Pred}$ [*был в галстук*]_{PN};
 (12) *Сегодня* $_{PST.3SG.C}$ *было ветрено* $_{Pred}$.

В нашем понимании, предложение (8) подразумевает пространственно-временной континуум, реализуясь в настоящем времени, не отождествляясь с предложением (9). Прежде всего, в (8) глагол *жить-3SG.M.НАС.ВР.* в качестве предикатива, очевидно, рассматривается в действии с устойчивым признаком, притом *комфортный* в адъективном словосочетании семантически означает качество. Данное качество, по-видимому, подразумевает как существенное, неслучайное. А в предложении (9) выражается оценка состояния: *комфортно / некомфортно*. Очевидно, что в этом усматривается различие между (8) и (9),

в котором подчёркивается, что лишь «в этой комнате» Вася испытывает комфорт. Итак, мы имеем дело с **квантифицируемостью**, локализованной в пространственной категории, характерной для предикатов состояния.

На наш взгляд, для примера *Васе всегда комфортно₂ в этой комнате* не входит в соотношение с примером **Вася всегда живет в комфортном доме*, скорее подходит пример *Вася всегда живет в доме*. Так что квантифицируемость, локализованная во временной категории в предложениях с предикатами состояния, представляется относящейся к самому субъекту, а не к предикативу; а квантифицируемость во времени для предложений с глаголом в качестве предикатива соотносится с качественным значением. Кроме того, в случае, если устраним субъект «Вася», в высказывании *Комфортно₂ в этой комнате* перед нами оценка положения дел, не ограниченного временем или ситуацией, а не оценки состояния.

Как отмечено Г. Карлсоном, предикаты состояния типа *комфортно₂ <X испытывает комфорт Y, у X-а возник комфорт Y при условии (в этой комнате) Z>*, обладая актуализованным признаком во времени или в пространстве (*в этой комнате*), противопоставлены предикатам свойства *комфортный*, поскольку свойства проявляют себя как «привязанные к заданным индивидам» [Циммерлинг 2017: 25]. В предложениях (9) и (12) предикаты состояния *комфортно₂* и *ветрено* выступают в роли сказуемого односоставного предложения, более того, *комфортно₂* соотносено с формой дат. п. лица *Васе*, обозначая внутреннюю эмоцию носителя; а *ветрено* не контролирует субъекта, означая состояние природы и окружающей среды для носителя состояния. В (12) реализуется *<в T-е каково Y>* (T означает временный дейксис). Наличие же дейктического наречия *T-сегодня* указывает на расположение события на временной оси относительно момента речи, а именно, указывает на то, что определенное событие или ситуация совпадает с моментом речи. Легко заметить, что пространственный дейксис Z и временный дейксис T рассматриваются как решающие для реализации речи факторы в данном локусе. В предложениях (10) и (11) глагольная связка *был* согласуется с подлежащим *Вася*.

Очевидно, что значение «состояния» передаётся и морфологически неизменяемым словом, и предложным сочетанием (*навеселе* и *в галстуке*). Но по существу составные предикативы $<V_{LINK} + Pred>$ как *был навеселе* и *был в галстуке* согласуются в роде и числе с подлежащим, что принципиально противоречит признаку каузальной независимости состояния. Притом, *был в галстуке* обозначает, что данное состояние поддерживает постоянную неизменность с момента начала этого состояния, представляясь непрерывным на временной оси в соответствии с активным агенсом «Вася». Это отождествляет примеры (10) и (11).

Отмечается, что сами по себе «состояния» делятся на «внутренние состояния» как в предложениях (1), (5) и (9), связанные с перцептивным субъектом, и «внешние состояния», локализованные во времени и пространстве, не предполагающие наличия семантического субъекта как в предложениях (6), (7) и (12), в которых наблюдается нулевой субъект ([Зализняк 1992; Циммерлинг 1999; 2018a]).

В **Заключении** следует отметить, что в русском языкознании возрастает интерес к типологической таксономии. На фоне семантических признаков становится возможным верифицировать статический статус для предикатов состояния в отличие от динамических предикатов «действия» и «процесса». В грамматическом плане значения состояния могут реализоваться с разными референтами. В частности, предикаты состояния в дательно-предикативной структуре, выражая значение статического состояния, воспринимаются применительно не только к внутреннему состоянию человека, но и к внешнему окружению в конкретно референтной ситуации, локализованной в разных пространственно-временных координатах.

Предикаты состояния отличаются от предикатов «качества» и «свойства» следующими признаками: неагентивностью и неконтролируемостью по отношению к субъекту или носителю; актуализованностью и фазовостью, характеризующимися ограниченностью во времени; статичностью и квантифицируемостью, фиксированной в рамках пространства и времени.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

DAT — дательный падеж
 VP — группа глагола
 ADV — наречие
 InfP — группа инфинитива
 NOM — именительный падеж
 ADJ.ANAL — аналитическое прилагательное
 V — глагол
 PL — множественное число
 ДПС — дативно-предикативная структура
 ДНС — дативно-номинативная структура
 PRED — предикатив
 SG — единственное число
 ADVP — группа обстоятельства
 NP — именная группа
 Ø — нулевое подлежащее
 PN — предложная конструкция
 V_{LINK} — глагольная связка
 SG — единственное число
 ДИС — дативно-инфинитивная структура
 PST — прошедшее время

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В нашей работе учитывается *горе* как существительное *горе*₁ и предикат состояния *горе*₂, а также и наречия *комфортно*₁, *беспокойно*₁ и *хорошо*₁, и предикат состояния *комфортно*₂, *беспокойно*₂ и *хорошо*₂.

² В 1970-е гг. Г. Карлсон на материале английского языка сблизил предикат состояния и stage-levelpredicates (SLP), предикатов свойства и individual-levelpredicates (ILP) [Carlsson 1977; Maienborn 2011; Циммерлинг 2017].

³ Каузирующая состояние причина отмечена как “каузальная независимость состояния” [Циммерлинг 2017: 17] и “каузативность” [Кильдебекова 1985].

ЛИТЕРАТУРА

Алисова 1971 — Алисова Т.Б. *Очерки синтаксиса современного итальянского языка: (Семантическая и грамматическая структура простого предложения)*. М., 1971. 293 с.
 Барамыгина 2007 — Барамыгина И.Б. *Семантика и синтаксис предикатов состояния, отношения и оценки*. Иркутск, 2007. 251 с.
 Булыгина 1982 — Булыгина Т.В. *Семантические типы предикатов*. М., 1982. 365 с.
 Виноградов 1972 — Виноградов В.В. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Г.А. Золотова (отв. ред.). М.: Рус. яз., 2001. 717 с.
 Зализняк Анна 1992 — Зализняк Анна А. *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. München: Sagner, 1992. 201 с.
 Золотова 1998 — Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 524 с.

Кацнельсон 1972 — Кацнельсон С.Д. *Типология языка и речевое мышление*. М.: УРСС, 2002. 215 с.

Ломтев 1972 — Ломтев Т.П. *Предложение и его грамматические категории*. М., 1972. 200 с.

Откупщикова 1995 — Откупщикова М.И. Безлично-предикативные слова (категория состояния) в «Новом академическом словаре». В сб.: *Очередные задачи русской академической лексикографии*. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1995. С. 140–144.

Падучева 1996 — Падучева Е.В. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

Падучева 2009 — Падучева Е.В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру. *Вопросы языкознания*. 2009, (6): 3–20.

Поспелов 1955 — Поспелов Н.С. В защиту категории состояния. *Вопросы языкознания*. 1955, (2): 55–65.

Селиверстова 1982 — Селиверстова О.Н. *Семантические типы предикатов*. М.: Наука, 1982. 365 с.

Серебренников 1990 — Серебренников Б.А. Части речи. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 578–579.

Степанов 1980 — Степанов Ю.С. *Гипотеза в современной лингвистике*. М., 1980. 384 с.

Степанов 1981 — Степанов Ю.С. *Имена, предикаты, предложения*. М., 1981. 361 с.

Циммерлинг 1999 — Циммерлинг А.В. Субъект состояния и субъект оценки. Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. (ред.). В сб.: *Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке*. М.: Индрик, 1999: 221–228.

Циммерлинг 2010 — Циммерлинг А.В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Международной конференции «Диалог 2010»*. М.: РГГУ, 2010, (9(16)): 549–558.

Циммерлинг 2017 — Циммерлинг А.В. Внутри и снаружи: к типологии предикатов состояния. В сб.: *Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке*. М., 2017. С. 17–41.

Циммерлинг 20186 — Циммерлинг А.В. Предикативы и предикаты состояния в русском языке. *Slavistična revija*. 2018, (66(1)): 45–64.

Циммерлинг 2020 — Циммерлинг А.В. Автореферентность и классы предикативных слов. В сб.: *Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий*. М.: Дом ЯСК, 2020. С. 16–36.

Щерба 2007 — Щерба Л.В. *Языковая система и речевая деятельность*. М., 2007. 320 с.

Carlson 1980 — Carlson G.N. *Reference to Kinds in English: Ph.D. thesis / G.N. Carlson; University of Massachusetts, Amherst. New York: Garland Press. 1980. 311 p.*

Davidson 1980 — Davidson D. *The individuation of events. Essays on Actions and Events*. Oxford, 1980. 163 p.

Lakoff 1966 — Lakoff G. *On the Nature of Syntactic irregularity*. Indiana University diss., 1966.

Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*. London; New York, 1977. Vol. 1–2. 897 p.

Vendler 1967 — Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca: Cornell University Press. XI, 1967. 216 p.

REFERENCES

Алисова 1971 — Alisova T.B. *Essays on the syntax of the modern Italian language: (Semantic and grammatical structure of a simple sentence)*. Moscow, 1971. 293 p. (in Russian)

Барамыгина 2007 — Baramygina I.B. *The Semantics and syntax of state predicates, relations and evaluation*. Irkutsk. 2007. 251 p. (in Russian)

Булыгина 1982 — Bulygina T.V. *Semantic types of predicates*. Moscow, 1982. 365 p. (in Russian)

Виноградов 1972 — Vinogradov V.V. *Russian language (grammatical doctrine of the word)*. G. A. Zolotova (ed.). Moscow: Rus. iaz., 2001. 720 p. (in Russian)

Зализняк Анна 1992 — Zalizniak Anna A. *Research on the semantics of predicates of the internal state*. Mnchen: Sagner, 1992. 201 p. (in Russian)

Золотова 1998 — Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidорова М. И. *Communicative grammar of the Russian language*. Moscow, Filol. fak. MGU im. M.V. Lomonosova, 1998. 524 p. (in Russian)

Кацнельсон 1972 — Katsnel'son S.D. *Typology of language and speech thinking*. Moscow, URSS, 2002. 215 p.

Ломтев 1972 — Lomtev T.P. *The sentence and its grammatical categories*. Moscow, 1972. 200 p. (in Russian)

Откупщикова 1995 — Otkupshchikova M.I. Impersonal predicative words (category of condition) in the «New Academic Dictionary». In: *The next tasks of Russian academic lexicography*. St. Petersburg: Izd-vo ILI RAN. 1995. P. 140–144. (in Russian)

Падучева 1996 — Paducheva E. V. *Semantic research (Semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative)*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010. 480 p. (in Russian)

Падучева 2009 — Paducheva E.V. Lexical aspectuality and predicate classification according to Maslov-Vendler. *Voprosy iazykoznanii*. 2009, (6): 3–20. (in Russian)

Поспелов 1955 — Pospelov N.S. In defense of the status category. *Voprosy iazykoznanii*. 1955, (2): 55–65. (in Russian)

Селиверстова 1982 — Seliverstova O.N. *Semantic types of predicates*. Moscow: Nauka, 1982. 365 p. (in Russian)

Серебренников 1990 — Serebrennikov B. A. Parts of speech. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, 1990. P. 578–579. (in Russian)

Степанов 1980 — Stepanov Iu.S. *Hypothesis in modern linguistics*. Moscow, 1980. 384 p. (in Russian)

Степанов 1981 — Stepanov Iu. S. *Names, predicates, sentences*. Moscow, 1981. 361 p. (in Russian)

Циммерлинг 1999 — Zimmerling A.V. The subject of the condition and the subject of the assessment. In: *Logicheskii analiz estestvennogo iazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i iazyke*. Arutyunova N.D., Levontina I.B. (ed.). Moscow: Indrik, 1999: 221–228. (in Russian)

Циммерлинг 2010 — Zimmerling A. V. Nominal predicatives and dative sentences in European languages. In: *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2010»*. Moscow: RGGU, 2010, (9(16)): 549–558. (in Russian)

Циммерлинг 2017 — Zimmerling A.V. Inside and out: towards a typology of state predicates. In: *Logicheskii analiz iazyka. Chelovek v inter'ere. Vnutrenniaia i vneshniaia zhizn' cheloveka v iazyke*. Moscow, 2017. P. 17–41. (in Russian)

Циммерлинг 20186 — Zimmerling A.V. Predicatives and predicates of the state in the Russian language. *Slavistična revija*. 2018, (66(1)): 45–64. (in Russian)

Циммерлинг 2020 — Zimmerling A.V. Autoreference and classes of predicative words. In: *Problemy funkcional'noi grammatiki: Otnoshenie k govoriashchemu v semantike grammaticheskikh kategorii*. Moscow, Dom IaSK. 2020. P. 16–36. (in Russian)

Щерба 2007 — Shcherba L.V. *Language system and speech activity*. Moscow, 2007. 320 p. (in Russian)

Carlson 1980 — Carlson G.N. *Reference to Kinds in English: Ph.D. thesis*. University of Massachusetts, Amherst. New York: Garland Press. 1980. 311 p.

Davidson 1980 — Davidson D. *The individuation of events. Essays on Actions and Events*. Oxford, 1980. 163 p.

Lakoff 1966 — Lakoff G. *On the Nature of Syntactic irregularity*. Indiana University diss., 1966.

Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*. London; New York, 1977. Vol. 1–2. 897 p.

Vendler 1967 — Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca: Cornell University Press. XI, 1967. 216 p.

К ВОПРОСУ ОБ ИЛЛОКУТИВНОЙ СИЛЕ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЗАГОВОРАХ

EKATERINA N. KULIKOVSKAYA

ON ILLOCUTIONARY FORCE OF PERFORMATIVE VERBS IN RUSSIAN CHARMS

Настоящая работа представляет собой продолжение наших исследований перформативности заговора¹. Актуальность обусловлена наличием методологических проблем, связанных с перформативной лексикой, в заговоре проявляющей свои характерные свойства, позволяющие внести уточнения в общую проблему её вычленения. Рассмотрение иллокутивной направленности заговоров и отдельных речевых актов в составе заговоров позволяет сделать шаг к установлению критериев разграничения заговорных перформативных и неперформативных лексических единиц. Предметом данного исследования является иллокутивная сила перформативных глаголов в заговорах. Заговоры анализируются нами как косвенные речевые акты. В соответствии с теорией речевых актов мы выделяем структурно-семантические типы высказываний, которым соответствует определённая иллокутивная направленность (эксплицитные формы просьбы, приказа и пр.), хотя и при отсутствии строгой симметрии между иллокутивной силой и вербальной формой. Для высказываний, в которых передача иллокутивной силы высказывания происходит посредством не «своей» вербальной формы, мы используем термин «косвенный речевой акт». В статье рассматривается соотношение иллокутивной силы заговоров и использованных в них перформативных глаголов (приказываю, прошу, заговариваю, заклинаю, молю, призываю). Проанализированы случаи иллокутивной разнонаправленности заговорного речевого акта, оформляемого перформативным глаголом, который при употреблении в ритуально-магическом контексте, превращают просьбу в заговор. Привлечение заговорного материала позволяет расширить представление о перформативном глаголе и включить в состав перформативов заговорные магические акты, совершаемые с использованием речи: акты физического воздействия на объект, например, очищения или разрушения, акты ритуального движения, изменения состояния объекта и его перемещения (умываюсь, подрезаю, стрелю, перерубаю, секу, запираю, бросаю, черпаю, заламываю, облакаюсь, топчу). В результате наблюдения за иллокутивными характеристиками перформативных заговорных глаголов была выстроена их классификация с выделением лексико-семантических групп.

Ключевые слова: русские перформативные глаголы; иллокутивная сила; лингвистическая прагматика; русские заговоры.

The article continues author's research on the performativity of Russian charms (zagovory), which is urgent due to the presence of methodological problems associated with the performative vocabulary in the genre of charm: first of all, with the problems of this vocabulary's selection. The analysis of the illocutionary force of charms and individual speech acts in the charms makes it possible to approach to criteria for distinguishing between performative and non-performative words in charms. The research is devoted to the illocutionary force of performative verbs in charms. Charms are analyzed as indirect speech acts. The theory of speech acts identifies structural and

¹ Куликовская Е.Н. Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов // МИРС. 2019. №2.

**Екатерина Николаевна
Куликовская**

аспирант

► kulikovskaya.eka@yandex.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
г. Санкт-Петербург, Пушкин,
Петербургское шоссе, д.10

Ekaterina N. Kulikovskaya

Leningrad State University
named after A.S. Pushkin
St. Petersburg sh., d. 10., Pushkin,
196605, St. Petersburg

semantic types of utterances, which are corresponding to a certain illocutionary force (explicit forms of requests, orders, etc.), although there is not strict symmetry between the illocutionary force and the verbal form. The acts of transferring the illocutionary force of one act through another are called indirect speech acts. The author discusses the relationship between the illocutionary force of charms and the performatives used in them ("I order, ask, exorcise, pray, summon") and analyzes the cases of illocutionary multidirectionality of a charm speech act formed by a performative verb, and a charm containing this act. For example, the verbs of the act of request, used in a ritual-magical context, turn a request into a charm. Due to the involvement of charm material, it is possible to expand the explanation of the performative verb. In author's analysis of performatives, not only speech acts, but some other acts are included, such as charm magic acts performed through speech: acts of physical impact on an object, for example, purification or destruction, acts of ritual movement, acts of changes in the state of the object and its movement ("I wash up, trim, shoot, cut in two, whip, close, throw, scoop, wring, enclothe, tramp"). As a result of observation of the illocutionary characteristics of performative charm verbs, their classification was built with the allocation of lexical-semantic groups.

Keywords: Russian performative verbs; illocutionary force; linguistic pragmatics; Russian charms.

Введение

Перформативные исследования представляют собой достаточно широкую научную область. С точки зрения теории речевых актов перформатив изучали Дж. Остин [Остин 1986], Дж. Серль [Серль 1986], З. Вендлер [Вендлер 1985], Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1976], О. А. Россолова [Россолова 2011], И. В. Четыркина [Четыркина 2002] и др.

Семантические свойства перформативного глагола как лексической единицы изучали Э. Кошмидер [Кошмидер 1962], Ю. Д. Апресян [Апресян 1986], Э. Бенвенист [Бенвенист 1974], Д. Войводич [Войводич 1999], М. Ю. Михеев [Михеев 2003], Е. А. Красина [Красина 1999] и др.

Современные исследователи применяют к перформативности и иные методологические парадигмы: Н. В. Горбачева рассматривает перформативность как когнитивно-дискурсивное явление, применяя к её анализу деятельностный подход [Горбачева 2015]; В. И. Тюпа также понимает перформативность как дискурс [Тюпа 2013]; С. Г. Прокурин описывает культуру как сеть, состоящую из узлов (перформативных высказываний) и нитей, их соединяющих (комментариев к перформативам) [Прокурин 2011].

Заговоры, с одной стороны, уже выступали как объект перформативных исследований. В качестве перформатива заговорно-заклинательный текст в целом рассматривали С. Б. Адоньева [Адоньева 2005], Е. Н. Левкиевская [Левкиевская 2002], Н. И. Коновалова [Коновалова 2004], М. Вильякайнен [Viljakainen 2011], Д. Вукелич [Vukelić 2019], Д. Николич [Nicolić 2019] и др. А. А. Романов, Е. А. Романова, Е. Г. Федосеева [Романов, Романова, Федосеева 2013] рассматривают заговор как вид ритуальной коммуникации, обладающий свойством перформативности наряду с другими сакральными коммуникативными актами. Н. В. Гультьева, исследовав лексику русского заговора, делает замечание о том, что ядром заговорной перформативности являются глаголы [Гультьева 2013].

С другой стороны, до сих пор отсутствует подробное исследование, посвящённое глаголам как перформативным единицам в составе заговора. Ранее мы уже обосновывали необходимость такого исследования [см.: Куликовская 2019: 13]. Главным образом, эта необходимость обусловлена тем, что заговоры предоставляют богатейший материал перформативных глаголов. Исследование русского перформативного глагола без учёта данного материала было бы неполным. Также следует отметить, что изучение глагольной перформативности вносит вклад в исследование русского заговора как особого типа текста.

Итак, поскольку перформатив представляет собой сложное многоаспектное явление и изучается как речевой акт, как текст и как глагол, заговор также может быть исследован как перформативный текст, как перформативный акт и как источник, содержащий перформативные лексические единицы (глаголы). Базовой единицей нашего анализа являются перформативные глаголы, эксплицирующие ритуально-магические акты. Данные акты совершаются при участии речи, зафиксированы в письменном виде и обнаруживаются в составе заговорных текстов.

Цель

Целью данной статьи является рассмотрение иллюкутивной силы как важнейшей характеристики речевого акта и применение данного понятия

к анализу перформативных глаголов в русских заговорах. Материалом явились сборники «Великорусские заклинания» Л. Майкова [Майков 1869] и «Календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока» [Болонев, Мельников, Леонова 1997], а также некоторые материалы новейшего сборника заговоров «Магические практики севернорусских деревень» [Адоньева, Степанов 2020] и сборника материалов экспедиций 1998 г. [Аникин 1998]. Объём проанализированного материала: 987 лексических единиц. Мы проанализировали соотношение иллокутивной силы заговора и иллокутивной силы перформативных глаголов, использующихся в заговоре, выявив определённые закономерности. Также мы приводим разработанную нами классификацию лексико-семантических групп перформативных глаголов, показывая, что семантика перформативного глагола в заговоре значительно шире устоявшегося представления о перформативной глагольной семантике (связывающейся, как правило, в трудах по лексикологии со значением речи).

Методы

При анализе глаголов и эксплицируемых ими речевых актов нами используются методы семантических примитивов, семного анализа. С точки зрения философско-методологической парадигмы мы опираемся на теорию речевых актов. В рамках теории речевых актов Дж. Остина была разработана концепция локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов (Остин 1986). Несколько упрощая, можно сказать, что анализ локутивного акта позволяет выявить вербальные средства, использованные говорящим; анализ иллокутивного акта позволяет выявить намерение говорящего; наконец, анализ перлокутивного акта показывает, каким образом высказывание воздействует на адресата. Иллокутивный акт отличается от локутивного тем, что подразумевает направленность, которая лежит за рамками высказывания как такового. Как указывает В.Н. Василина, «иллокутивный акт проецируется на высказывание, с помощью которого он совершается, в виде иллокутивной силы. Число иллокутивных актов, совершаемых гово-

рящим при произнесении высказывания, равно числу иллокутивных сил, которыми обладает высказывание» [Василина 2005: 2].

Проблема выявления и описания иллокутивной силы заключается в том, что иллокутивная сила не закреплена за какими-либо структурно-семантическими типами высказываний. С отсутствием отношений симметрии между иллокутивной силой акта и структурно-семантическим типом предложения связан вопрос о косвенных речевых актах. По Сёрлю, косвенные речевые акты представляют собой случаи, когда один иллокутивный акт осуществляется посредством другого [Сёрль 1986]. Однако такое представление о косвенном речевом акте предполагает, что всё-таки существует вербальная форма, закреплённая за определённым иллокутивным актом и (как правило, но не обязательно) распознаваемая в качестве именно этого акта. Как далее указывает Дж. Сёрль в той же работе «Для того чтобы быть вероятным кандидатом на выражение косвенного речевого акта, предложение должно быть прежде всего идиоматично. Довольно легко вообразить себе ситуации, в которых предложение *Are you able to reach that book on the top shelf?* 'Способны ли вы достать эту книгу с верхней полки?' может быть высказано в качестве просьбы. Но гораздо труднее представить себе ситуацию, в которой аналогичным образом могло бы использоваться предложение *Is it the case that you at present have the ability to reach that book on the top shelf?* Почему дело обстоит таким образом?» [Сёрль, там же].

Итак, хотя и существуют формы высказываний, распознаваемые как просьбы, обещания, клятвы и пр., однако в тех же обстоятельствах для той же цели могут использоваться совершенно другие типы высказываний. Выявить иллокутивную направленность высказывания позволяет анализ прагматического контекста высказывания.

Обсуждение

Прагматический контекст заговора может быть выявлен разными способами. Во-первых, даже ранние собиратели и составители заговоров интуитивно классифицировали заговоры по цели — «для чего» / «от чего» этот заговор. Во-вторых, (особенно это касается современных изданий) издание

может быть снабжено обширными прагматическими комментариями, содержать фрагменты бесед с информантами. Наконец, прагматика заговора может быть установлена учёным непосредственно при общении с информантом в условиях полевой работы.

Цель заговора связана с магической функцией языка и, как правило, не относится к попыткам каким-либо образом повлиять на собеседника в рамках речевого акта. Влияние на природу или других людей осуществляется иным путём: за счёт веры в онтологические возможности слова и ритуала. Заговор может произноситься с целью исцеления от физических и психологических недугов, с целью вызвать любовь, ненависть или уважение, защититься от начальства и судей, сохранить и укрепить семью, достичь успехов в полевых работах и на охоте и т. д. Указанные виды направленности обычно и ложатся в основу классификаций.

Наряду с тем, что заговоры подразделяются на разные виды по направленности, заговор существует и как особый иллокутивный тип, выделяемый на основании иллокутивной цели. Данную цель можно сформулировать следующим образом: речевое воздействие на социальные или природные отношения, явления или людей, с использованием магической функции языка, не связанное с убеждением или внушением. В основе заговора как особого акта лежит интенция недовольства существующей ситуацией (нужда) и стремление достичь какой-либо новой ситуации (желание).

В рамках заговора существуют единицы, в которых прямо выражается цель заговора:

Всех бы я подружек была бассей и милей, все бы на меня зрили и глядели: красны девицы, молоды молодичицы, пожилы мужики, неженатенькие [Аникин 1998].

Однако заговор редко сводится к прямому (или с использованием сравнения) выражению пожелания. Зачастую цель заговора достигается посредством некоторого действия, которое выступает как *способ* осуществления желаемого.

Это ритуальное действие может совершаться в молчании (например, положить немного дерна в каждый угол жилища для защиты от вампиров) или же с использованием текста, в

котором это ритуальное действие называется. Например:

Раба Божия Анна у раба Божьего Ивана *заедаю, загрызаю* тридцать-единую грыжу, тридцать-единый сустав, головную, мозговую, глазную, носовую, ротовую, ручную, локотную и подлокотную, и кожную, и ногтевую, и кровяную [Адоньева, Степанов 2020, Т. 1: 78].

Безусловно, «заедаю» и «загрызаю» не являются констативами, несмотря на то, что проговаривание может сопровождаться обрядовым действием («пригрызания» суставов у младенца). Это перформативно употреблённые неперформативные глаголы. Произнесение такого глагола, даже сопровождаемое называемым действием, представляет собой такую же часть обряда, как и само действие. Особенно хорошо это заметно в заговорах, подобных следующему:

Я не порог *топчу*, я его, раба (имярек), *топчу*, я ему (имярек) сердце *топчу*, я ему (имярек) резвость *укрощаю* [Болонев и др. 1997: 379].

В таких формулах скрытого сравнения устанавливается метафорическая связь между ритуальным действием и тем желаемым действием, которое должно произойти в реальности в результате обряда. В приведённом примере действие («наступить на порог») становится ритуальным при помощи вербальной части обряда, а именно конструкции с цепочкой однородных сказуемых в перформативной форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл., которые вводят метафору и раскрывают её содержание. Метафорический перенос осуществляется по двум направлениям. Во-первых, по признаку действия «топтать», в котором акцентируется значение «главенствовать», связанное с базовой универсальной оппозицией «верх-низ». Кроме того, семантически глагол «топтать» связан со всеми предметами, которые могут быть объектом такого действия: в том числе огонь может затапываться с целью погасить его. В приведённом примере — «сердце топчу» — актуализировано именно такое значение, что подтверждается синонимией глаголов «сердиться» — «яриться» и уточнением «резвость укрощаю». Во-вторых, по признаку символического значения порога дома как границы между внутренним пространством дома

и внешним миром, переступаемой заговаривающей. Наступая на порог, новобранная стремится обезопасить себя от возможной «резвости» будущего мужа и хозяев этого дома, его родителей, посредством ритуального и в то же время обыденного действия – «топтанья» порога, причём без называния и толкования данного действия оно не может стать символическим.

Ср. другой пример, с такого же рода разъясняющим, толкующим значение обряда перформативным глаголом:

Нож в землю *втыкаю* — злым людям и колдунам язык *подрезаю* [Болонев и др. 1997: 397].

Совсем необязательно заговор сопровождается называемыми действиями: обряд может это не предусматривать, действие может быть технически неосуществимым либо же архаичным:

Так же раб (имярек) *беру* ту же калену лукову стрелу и *состреливаю* с раба (имярек) порчу: с его тела, с его крови, с его легкой печени, с семидесяти семи жил, с семидесяти семи суставов на пни, на колоты, на зыбучие болота [Болонев и др. 1997: 462].

Глаголы в эксплицитной форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. особенно интересны, поскольку, называя акт, они выражают его иллюкутивную направленность, показывая, как его следует «интерпретировать». Данная иллюкутивная функция особенно важна для заговоров, так как магические речевые действия особенно нуждаются в толковании — в указании на то, *чего именно* хочет достичь говорящий при помощи этих действий. Посредством эксплицитного перформативного глагола устанавливается и достигается связь между ритуальным действием и целью обряда. Можно предположить, что называние действия, которое служит магическим способом достижения цели, делает упомянутую связь отрефлексированной, осознанной и за счёт этого наполняет действие смыслом:

Сяду я на кнут, *погоняю* кнут кнутом, оловянным прутом из своего огорода серого воробья, серого червяка, черную букарку. [Болонев и др. 1997: 302].

Называние способа достижения цели обычно содержится в так называемой «акциональной» части заговора, противопоставленной нарративным

элементам, служащим подготовительным целям, а также «закрепке». В зачине заговорного текста находятся глаголы, обозначающие действие, которое не ведёт к достижению цели заговора, а является маркером подготовительного этапа:

Еду я из поля в поле, во зеленые луга, в дальние места по утренним зорям и вечерним закатам, *умываюсь* медной росой, *утираюсь* солнцем, *облекаюсь* облаками, *опоясываюсь* чистыми звездами и *еду* я, *еду* [Болонев и др. 1997: 336].

Этот пример показывает особую значимость вербальной составляющей обряда: называние воображаемых действий служит задаче перемещения в мифологический топос, в котором магические практики становятся реализуемыми, и психологической подготовке заговаривающего, защите от страха перед возможными последствиями этих практик: перед магическими нападениями, перед неудачей, ощущением вины и греховности.

В свою очередь, в заключительной части заговора широко распространены перформативы с семантикой закрытия:

Закрываю крепким замком и ключ — в воду [Болонев и др. 1997: 349].

Данные перформативы также направлены не на достижение основной цели заговаривающего, а на то, чтобы сделать заговор действенным, обеспечить заговору его магические свойства.

Особый интерес представляет роль эксплицитных перформативных глаголов в композиционной структуре заговора. Как нам удалось выявить, эти глаголы не называют основное ритуальное действие (за исключением глагола «заговариваю» и его дериватов, занимающих промежуточное положение между каноническими перформативными глаголами и полуперформативами). Какую же роль играют канонические перформативы в заговорных текстах?

Батюшка Истинный Исус Христос, Матушка Пресвятая Богородица, *прошу* вас: поставьте у рабы (имярек) мозги в головоньке крепко-накрепко, крепче старых, как при рождении, как на роду наречено, во веки веков [Болонев и др. 1997, с. 458].

Очевидно, глагол «прошу» называет иллюкутивный акт просьбы, но значит ли это, что данный заговор тождествен речевому акту просьбы? Нет: заговор остаётся актом заговора, целью которого

является воздействие на здоровье заговариваемого. Однако в состав заговора включён речевой акт просьбы, выполняющий вспомогательную функцию указания на адресованность. Проанализированный материал показывает (это видно и из приведённого примера), что адресатом заговора практически никогда не является реальное лицо, на которое заговаривающий намеревается оказать речевое воздействие. Реальные люди выступают лишь как объекты воздействия, осуществляемого без их участия, вне зависимости от их реакции на заговор; действующими субъектами, исполнителями воли заговаривающего, являются мифологические, религиозные персонажи: Бог, Иисус Христос, Богородица, святые, змеиная царица, заря и пр. Задачей эксплицитного перформатива является адресовать, направить заговор тому «получателю», который в традиционной культуре ассоциируется с выполнением желаемого действия, причём адресовать с учётом коммуникативных конвенций, принятых при обращении к данному персонажу:

(к змеиной царице) Я тебе *приказываю*: — Иди, приведи мне мать с отцом, братьев и сестер и всех детей! [Болонев и др. 1997: 298]

Просьба или приказ могут быть выражены без использования глагола в эксплицитной форме. Так же, как и другие ритуальные действия могут быть совершены и без него, а при помощи императива или вообще без использования глагола.

Ангел мой, хранитель мой, *спи* со мной на правом плечике, на ретивом сердечушке [Адоньева, Степанов 2020, Т. I: 503]

Если эксплицитировать иллокутивную силу этого оберега, то текст примет следующий вид:

Прошу тебя: ангел мой, хранитель мой, *спи* со мной на правом плечике, на ретивом сердечушке.

Подобные просьбы и приказы, включенные в структуру заговора, представляют собой, с одной стороны, композиционные элементы заговора, с другой стороны (взяты как отдельные иллокутивные акты), они относятся к косвенным речевым актам, так как, несмотря на то, что по форме это просьбы, прагматика их использования совершенно иная.

Особым статусом обладает глагол «заговариваю» (и его возможные дериваты, которые ши-

роко распространены в заговорах: «отговариваю», «переговариваю», «наговариваю», «выговариваю», «уговариваю» и т.д., а также возвратные формы). Данный глагол называет не какой-либо иллокутивный акт, входящий в структуру заговора, а сам заговор как таковой. По сути, «заговариваю» — это наиболее общий перформативный глагол. Можно считать, что он имплицитно входит в глубинную структуру любого заговора.

Уговариваю раба Божія (имя рекъ) отъ цынги и ломоты, зубныя щемоты [Майков 1869, с. 36].

Заговариваю я, рабъ Божій (имя рекъ), сими словами, и святыхъ угодниковъ на помощь призываю и умоляю ихъ [Майков 1869, с. 117].

Во морскомъ озерѣ, во святомъ колодцѣ черпаю я воду, *отговариваю, приговариваю* отъ той отъ лютой отъ мѣдяницы, отъ золотой головы [Майков 1869: 73].

Лексическое значение слова «заговариваю» можно представить в развёрнутом виде как «осуществляю речевое воздействие с ритуально-магической целью». Представляет интерес тот факт, что употребление данного глагола (разумеется, именно в рассматриваемом значении) превращает в заговор совершенно любой речевой акт, даже находящийся за пределами ритуального контекста. Можно вообразить речевую ситуацию, в которой один из коммуникантов пожаловался на зубную боль, на что второй коммуникант ответил:

Я заговариваю твою зубную боль.

Такой речевой акт будет воспринят как заговор вне зависимости от контекста, кроме тех случаях, когда фрейм транспонирован (например, эта же фраза говорится в шутку или в форме игры). Употребление перформативного глагола с иллокутивной силой заговора является маркером заговора как речевого акта, причём для однозначной интерпретации требуется именно эксплицитная форма, а также дейктический элемент. Ср. акты:

Я заговариваю зубную боль.

Сергей *заговаривает* зубную боль.

Данные акты могут являться сообщениями-констативами.

Произнося «заговариваю», коммуникант присваивает себе способность совершать магические действия при помощи слова; перформативно

употребляя данный глагол с отсылками к ситуации «здесь-сейчас», коммуникант осуществляет магический акт. Дейксис может быть подразумеваемым или выраженным: ср. в приведённых выше примерах «имя рек» (указание на воздействие на присутствующего здесь человека), «сими словами», «той от медяницы», «твою зубную боль». При отсутствии других критериев именно элементы дейксиса позволяют понять, является ли глагол перформативом или констативом, реализуется ли актуальное настоящее время, необходимое для перформативного употребления.

Существуют заговорные перформативные формулы, которые выражают иллокутивную силу заговора, однако ответственность за магическое действие передаётся от «я» заговаривающего к «он/она» сверхъестественного существа:

Не я говорю, не я *выговариваю*; *выговаривая*, *отговаривая* сама Божья матушка, Пресвятая Богородица, со всѣмъ своимъ соборомъ, съ Миколаемъ Угодникомъ, великимъ помощникомъ, и съ небеснымъ воеводою [Майков 1869: 70].

Это интересный пример квазиперформатива (использования перформативного глагола в неперформативной форме), нетипичный для обыденной речи и строго обусловленный ритуальным контекстом.

Выводы

Итак, мы разработали следующую классификацию заговорных перформативных глаголов с точки зрения их иллокутивных характеристик:

1) Глаголы, иллокутивная цель которых является способом достижения цели заговора (*отсекаю*, *перерубаю*, *топчу* и пр.);

2) Глаголы, цель которых равна цели заговора (*одеваюсь*, *умываюсь*, *покрываюсь*, *закрываю* и пр.);

3) Глаголы, цель которых равна цели отдельного речевого акта в составе заговора, но не цели всего заговора (*приказываю*, *молю* и пр.);

4) Глаголы, цель которых равна коммуникативному намерению заговаривающего (*заговариваю* и пр.).

Глаголы первой и второй группы обладают семантикой действия, направленного на физическое изменение, перемещение, изменение состоя-

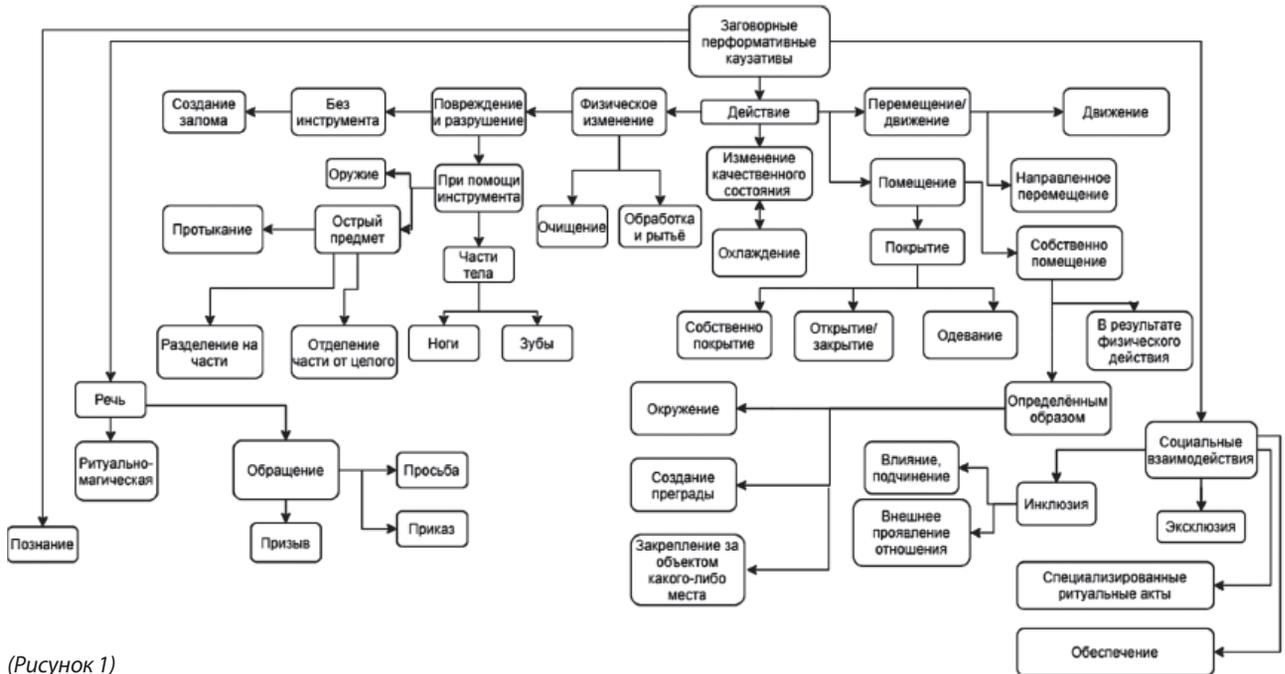
ния какого-либо объекта. Отличие глаголов второй группы от первой заключается в том, что они просто констатируют некое действие, совершаемое заговаривающим в ходе обряда и не обладают метафорической, ритуально-магической связью с желаемым результатом. Их перформативность обусловлена только контекстом. Глаголы третьей группы — это глаголы, как правило, наделённые семантикой речевого или социально-институционального акта (также присутствует глагол «справляться» в значении «спросить, узнать»). Наконец, в четвёртую группу входит глагол «заговариваю» со всеми его дериватами.

Всю многообразную совокупность заговорных перформативных глаголов, во избежание терминологического смешения, мы обозначили как «заговорные перформативные каузативы»; канонический перформативный глагол — глагол с семантикой речевого или социально-институционального действия, полуперформативный глагол — глагол неречевого действия, каузирующего переход от Ситуации 1 к Ситуации 2, наконец, квазиперформатив — перформативный глагол в неперформативной форме. Иллокутивная направленность и связанная с ней семантика данных глаголов представлена на схеме (Рисунок 1).

Помимо построения классификации, анализ примеров позволил нам сделать важные наблюдения, касающиеся соотношения иллокутивной силы глагола и иллокутивной силы заговора в случае каждой группы. Была показана метафорическая связь между семантикой глагола, называющего способ достижения цели заговора, и самим желаемым результатом. Проанализированы конструктивные позиции глаголов разной иллокутивной направленности в зачине, нарративной, акциональной частях, «закрепке» заговора. Установлено, что заговорный перформативный каузатив выполняет важную функцию экспликации иллокутивного акта (подразумеваемого речевого воздействия), а также эксплицирует прочие ритуально-магические акты, совершаемые при участии речи, но несводимые к ней.

ЛИТЕРАТУРА

Адоньева 2014 — Адоньева С.Б. Конвенции ритуально-магических актов. В сб.: *Заговорный текст. Генезис и структура*

(Рисунок 1)

ра. Невская Л. Г., Свешникова Т. Н., Топоров В. Н. (ред.). М.: Индрик, 2005. С. 385–401.

Апресян 1986 — Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре. *Известия АН СССР. Сер.: Литературы и языка.* 1986, (3): 208–223.

Арутюнова 1976 — Арутюнова Н.Д. *Предложение и его смысл.* М.: Наука, 1976. 383 с.

Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. *Общая лингвистика.* М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Вендлер 1985 — Вендлер З. *Иллокутивное самоубийство.* В сб.: *Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. Лингвистическая прагматика.* Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. (сост.). М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 238–251.

Василина 2005 — Василина В.Н. Иллокуция как коммуникативная характеристика высказывания. *Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология.* 2005, (2): 44–53.

Войводиц 1999 — Войводиц Д. О валентности перформативных глаголов в славянских языках. *Зборник Матице српске за славистику.* 1999 (56–57): 71–94.

Горбачёва 2015 — Горбачева Е.Н. *Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры.* Астрахань: Астраханский университет, 2015. 303 с.

Гульятёва 2000 — Гульятёва Н.В. *Язык русского заговора: лексика:* Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. 19 с.

Коновалова 2004 — Коновалова Н.И. Лечебные заговоры как суггестивный текст. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена.* 2004 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lechebnye-zagovory-kak-suggestivnyy-tekst> (дата обращения: 13.06.2021).

Кошмидер 1962 — Кошмидер Э. Очерк науки о видах поль-

ского глагола. Опыт синтеза. В кн.: *Вопросы глагольного вида.* Ю.С. Маслов (ред.). М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 105–166.

Красина 1999 — Красина Е.А. *Семантика и прагматика русских перформативных высказываний:* Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 310 с.

Куликовская 2019 — Куликовская Е.Н. Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов. *Мир русского слова.* 2019 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performativnye-glagoly-v-russkih-zagovorah-kak-obekt-teorii-rechevyh-aktov> (дата обращения: 13.07.2021).

Михеев 2003 — Михеев М.Ю. Перформативное и метатекстовое высказывание, или Чем можно испортить перформатив? В кн.: *Логический анализ языка.* Арутюнова Н.Д. (ред.). М.: Наука, 2003. С. 251–260.

Остин 1986 — Остин Дж. Слово как действие. В сб.: *Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр.* М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. 423 с.

Проскурин 2011 — Проскурин С.Г. К вопросу о тематической сети языка и культуры: Древние перформативы, космос и римское право. *Критика и семиотика.* 2011 (15): 24–30.

Романов и др. 2013 — Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. *Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации.* М.: Тверская ГСХА, 2013. 241 с.

Россолова 2011 — Россолова О.А. Перформатив как показатель адресованности высказывания. *Вестник КРАУНЦ.* 2011 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-ofutterance-addressness> (дата обращения: 19.05.2020)

Серль 1986 — Серль Дж. Косвенные речевые акты. В сб.: *Новое в зарубежной лингвистике.* М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 195–223.

Тюпа 2014 — Тюпа В.И. Перформативные основания лирики. В сб.: *XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды*. С.И.Богданов, Ю.В.Меньшикова (ред.). СПб., 2014. С. 306–312.

Четыркина 2002 — Четыркина И.В. Перформативность как универсальная черта текстов прагматической направленности (на материале древнегерманских заговоров и современных рекламных текстов). В сб.: *Сфера языка и прагматика речевого общения: Междунар. сб. научных тр.* Краснодар, 2002. Т. 1. С. 226–232.

Nicolici 2019 — Nicolici D. Rational argumentation in irrational discourse: Argumentative techniques of verbal charms and folk prayers. In: *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, 2019. Pp. 69–86.

Viljakainen 2011 — Viljakainen M. How Miina Huovinen's incantations are structured. In: *Oral Charms in Structural and Comparative Light: Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research's (ISFNR) Committee on Charms, Charmers and Charming. 27–29 October 2011*. Т.А. Mikhailova, J. Roper, A.L. Toporkov, D.S. Nikolaev (eds.). Moscow, 2011. P. 201–207.

Vukelić 2019 — Vukelić D. Micro-analysis of Uroci (evil charms and spells) in the Croatian tradition. In: *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, 2019. P. 69–86.

ИСТОЧНИКИ

Адоньева, Степанов 2020 — Адоньева С., Степанов А. Магические практики севернорусских деревень: заговоры, обереги, лечебные ритуалы, СПб: Пропповский центр, 2020. Т. 1: 704 с., Т. 2: 568 с.

Майков 1869 — Майков В. Великорусские заклинания. СПб., 1869. 164 с.

Аникин 1998 — Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. Аникин В.П. (ред.). М.: Изд-во МГУ, 1998. 480 с.

Болонев и др. 1997 — Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры. Болонев Ф. Ф., Мельников М. Н., Леонова Н. В. (сост.). Новосибирск: Наука Сибирское предприятие РАН, 1997. 605 с.

REFERENCES

Адоньева 2005 — Adonyeva S. B. Conventions of ritual-magic acts. In: *Zagovornyi tekst. Genesis i struktura*. Nevskaya L. G., Svshnikova T. N., Toporov V. N. (eds.). Moscow: Indrik Publ. P. 385–401. (in Russian)

Апресян 1986 — Apresian Iu. D. Performatives in grammar and vocabulary. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*. 1986, (3): 208–223. (in Russian)

Арутюнова 1976 — Arutjunova N. D. *The sentence and its meaning*. Moscow: Nauka Publ. 383 p. (in Russian)

Бенвенист 1974 — Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Moscow: Progress Publ, 1974. (in Russian)

Василина 2005 — Vasilina V. N. Illocution as a communicative characteristic of an utterance. *Vestnik MGLU. Seriiia 1. Filologiiia*. 2005, (2): 44–53. (in Russian)

Вендлер 1985 — Wendler Z. Illocutionary suicide. In: *Novoe*

v zarubezhnoi lingvistike, iss. 16. Lingvisticheskaia pragmatika. Moscow: Progress Publ, 1985. P. 238–251. (in Russian)

Войводич 1999 — Voivodich D. On the valency of performative verbs in Slavic languages. In: *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*. 1999, (56–57): 71–94. (in Russian)

Горбачева 2015 — Gorbacheva E. N. *Discursive performativity: features, types, genres*. Astrakhan: Astrakhan University Publ, 2015. 303 p. (in Russian)

Гультяева 2000 — Gulytaeva N. V. *On the valency of performative verbs in Slavic languages*. Author's abstract. dis. ... Cand. philol. Ekaterinburg, 2000. 19 p. (in Russian)

Коновалова 2004 — Konovalova N. I. Healing charms as suggestive text. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena* (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lechebnye-zagovory-kak-suggestivnyy-tekst> (request date: 13.06.2021). (in Russian)

Кошмидер 1962 — Koshmider E. Outline of the science of the types of the Polish verb. Synthesis experience. In: *Voprosy glagol'nogo vida*. Maslov Iu. S. (ed.). Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1962. P. 105–166.

Красина 1999 — Krasina E. A. *Semantics and pragmatics of Russian performative utterances*. Dr. Hab. diss. Moscow, 1999. 310 p. (in Russian)

Куликовская 2019 — Kulikovskaia E. N. Performative verbs in Russian spells as an object of the theory of speech acts. *Mir russkogo slova*. 2019, (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performativnyye-glagoly-v-russkikh-zagovorah-kak-obekt-teorii-rechevyh-aktov> (request date: 13.07.2021). (in Russian)

Михеев 2006 — Mikheev M. Iu. Performative and metatext utterance. In: *Logicheskii analiz yazyka*. Arutiunova N. D. (ed.). Moscow: Nauka Publ. P. 251–260. (In Russian)

Остин 1986 — Austin J. How to do things with words. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike, iss. 17. Teoriiia rechevykh aktov*. Moscow: Progress Publ. P. 22–131. (in Russian)

Проскурин 2011 — Proskurin S. G. On the issue of the thematic network of language and culture: Ancient performatives, space and Roman law. *Kritika i semiotika*. 2011, (15): 24–30. (In Russian)

Романови др. 2013 — Romanov A. A., Romanova L. A., Fedoseeva E. G. *Performative ritual acts of sacred communication*. Moscow: Tver State Agricultural Academy Publ., 2013. 241 p. (In Russian)

Россолова 2011 — Rossolova O. A. Performative as an indicator of utterance addressness. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Section «The Humanities»*. 2011, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-of-utterance-addressness> (date of access: 19.05.2020). (In Russian.)

Сёрль 1986 — Searle J. Indirect speech acts. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17*. Moscow: Progress Publ, 1986. P. 195–223. (In Russian)

Тюпа 2014 — Тюпа В.И. The performative basis of lyrics. In: *XLII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 11–16 marta 2013 g.: Izbrannye Trudy*. Bogdanov S. I., Menshikova Iu. V. (eds.). St. Petersburg, 2014. P. 306–312. (In Russian)

Четыркина 2002 — Chetyrkina I. V. Performativity as a universal feature of pragmatic texts (on the basis of ancient germanic charms and modern marketing texts). In: *Sfera jazyka i pragmatika rechevogo obshhenija*. Krasnodar, 2002. Vol. 1. P. 226–232. (In Russian)

ОЦЕНОЧНЫЕ НАРЕЧИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АНОМАЛИИ

ANASTASIA A. MOISEEVA
EVALUATIVE ADVERBS AS A MEANS OF ANOMALY EXPRESSING

В статье рассматривается роль оценочных наречий в формировании семантики отклонения от нормы. Такие известные исследователи как Е.М. Вольф, Ю.Д. Апресян и Н.Д. Арутюнова определяют норму и противостоящую ей аномалию как лингвоаксиологические категории. Известно, что норма довольно слабо представлена в языке, в отличие от ее антинормы. Нарушения привычного хода событий, нечто необычное и не вписывающееся в рамки стандарта вызывает у носителей языка больший интерес и, соответственно, чаще обсуждается. Несмотря на то, что категории оценки в целом посвящено множество работ в самых разных направлениях лингвистики, в том числе в лингвокультурологии, теории функциональной грамматики, в когнитивной лингвистике и др., оппозиция «норма-аномалия» все еще мало описана. Актуальность исследования, таким образом, заключается в необходимости более полного изучения средств выражения нормы и аномалии в русском языке. В настоящей работе осмысляются разные подходы к определению аномалии. Особое внимание уделяется специфичным средствам выражения аномалии на лексическом уровне русского языка. Подвергается анализу взаимосвязь категорий оценки и интенсивности, а также способы формирования семы аномалии в структуре лексического значения наречий. Определяется специфика выражения наречий-интенсификаторов типа *слишком*, *излишне*, *чересчур* на примерах идиом и цитат из текстов художественной литературы, а также выявляются закономерности в лексической сочетаемости рассматриваемых наречий. Подвергаются анализу экспрессивно-оценочные возможности фразеологизмов. Представленные результаты вносят вклад в теорию лингвистической категории оценки.

Ключевые слова: категория оценки; интенсивность; оценочные наречия; норма; аномалия; семантика; фразеология.

**Анастасия Андреевна
Моисеева**

Магистр филологии, аспирант
► stagiosina@mail.ru

Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И.Н. Ульянова

Площадь Ленина, дом 4/5, г. Ульяновск,
432071, Россия

Anastasia A. Moiseeva

Ilya Ulyanov State Pedagogical University
Lenin Square, 4/5, Ulyanovsk, 432071, Russia

The article examines the role of evaluative adverbs in the formation of the semantics of deviation from the norm. Such well-known researchers as E. M. Wolf, Yu. D. Апресян and N. D. Arutyunova define norm and anomaly by opposing them as linguo-axiological categories. It is known that the norm is rather poorly represented in the language, in contrast to its antinomy. Violations of the usual course of events, something unusual and not fitting into a standard framework arouses more interest among native speakers and, accordingly, is discussed more often. Although category of assessment is well researched in many scholarly works in various areas of linguistics, including cultural linguistics, the theory of functional grammar, cognitive linguistics and others, the opposition 'norm vs. anomaly' remains poorly described. The relevance of this article, therefore, lies in the need for a more complete study of the means of expressing norms and anomalies in the Russian language. The author conceptualizes different approaches to the definition of the anomaly, paying particular attention to the specific means of expressing the anomaly at the lexical level, analyzes relations between the categories of assessment and intensity, as well as the ways of forming the seme of anomaly in the structure of adverbs' lexical meaning. The specificity of intensifier adverbs' expression, such as "overly", "excessively", "too much" is determined using examples of idioms and quotations from fictional texts, and the

patterns of these adverbs' lexical compatibility are also revealed in the article, as well as the expressive-evaluative possibilities of phraseological units. Presented results may contribute to the theory of the linguistic category of value.

Keywords: evaluation category; intensity; evaluative adverbs; norm; anomaly; semantics; phraseology.

Введение

В настоящее время лингвоаксиологические исследования носят антропоцентричный характер. Это выражается в особом внимании к проблемам взаимосвязи языка и духовной сферы, языка и культуры, а также к вопросу отражения в языке оценок личности и общества в целом. Центральным понятием в лингвоаксиологии является категория оценки — закрепленное в семантике языковых единиц имплицитное или эксплицитное представление языковой личности о хорошем и плохом, о правильном и неправильном, о своем и чужом и т. д. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «в языке отражается взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный: объективный мир делится говорящим с точки зрения его ценностного характера — добра и зла, пользы и вреда и тому подобное, и это вторичное членение, обусловленное социально — весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Арутюнова 1988: 45.].

Объектом нашего научного анализа является оппозиция «норма-аномалия», которая по классификации, представленной Н. Д. Арутюновой, входит в группу нормативно-оценочных значений наряду с оппозицией «хороший-плохой», «доброкачественный-недоброкачественный», «правильный-неправильный» и др.

Согласно мнению многих лингвистов, как заметила В. В. Квашина, лингвистический аспект категории оценки представляет собой совокупность средств и способов ее выражения, включая фонетические, морфологические, лексические и синтаксические [Квашина 2013: 183]. Этот факт позволяет обратить внимание на разные уровни языка при анализе тех или иных оценочных значений.

Говоря о нормальном и аномальном как о категориях оценки, следует отметить, что суще-

ствует два подхода в определении нормы и, соответственно, ее антиномии. Аксиологический подход предполагает, что «хороший» означает «соответствующий норме», тогда как параметрический подход определяет норму как срединное значение оценочной шкалы.

Н. Д. Арутюнова отмечает, что «норма имеет слабый выход в лексику» [Арутюнова 1999: 65]. Норма находится в середине градуальной шкалы. Ей соответствуют прилагательные *нормальный, средний, стандартный*, а иногда и *посредственный*. При этом они имеют широкую область тем и предметов приложения. Для названных прилагательных не находится соответствующих экспрессивных синонимов, потому что обыденное, нормальное и привычное не вызывает у носителей языка ни интереса, ни живых эмоций.

В области аксиологических понятий, как уже было отмечено, норма скорее находится на позитивном краю шкалы. Вместе с тем «соответствие аксиологической норме может быть стандартизировано только в применении к серийным артефактам или искусственно выводимым естественным родам (сортам, породам)» [Арутюнова 1999: 68]. Иначе говоря, аксиологическая норма во многом зависит от вида объекта или явления, о которых идет речь, кроме того, она чаще всего является устремлениями языковой личности, а не фактом: в жизни не всегда достижима.

Такие лингвисты, как Е. М. Вольф, Т. В. Маркелова, С. Е. Родионова и С. В. Шустова подчеркивают взаимосвязь категории оценки и категории интенсивности. С. Е. Родионова обращает внимание на то, что «важнейшим для категории интенсивности является прагматический аспект: «Не случайно В. Матезиус под интенсификацией подразумевал «оценочным оттенком сопровождаемое выражение высокой степени качества или же интенсивности действия или состояния», отмечая, что простое выражение количества, хотя и значительно большего, интенсификацией не является» [Родионова 2005: 156]. Также градуальная природа обеих этих категорий была отмечена Е. М. Вольф: «При любой оценке, количественной или качественной, частной или общей, в «картине мира» участников коммуникации существует шкала оце-

нок и соответствующий стереотип» [Вольф 2002: 49]. Категория интенсивности также обладает оценочным свойством. В результате аксиологической интерпретации создаваемых языковой личностью текстов возникает интенсификация.

Одним из способов взаимодействия категорий оценки и интенсивности является использование в речи оценочных наречий, таких как *хорошо, превосходно, отлично, неприлично* и т. д. Оттенок интенсивности несет в себе наречие *слишком* и оно же может выступать в роли маркера аномалии.

В данной статье слово *слишком* и синонимичные ему наречия рассматриваются с целью выяснения их экспрессивно-оценочных возможностей и роли в выражении семантики отклонения от нормы. В качестве основных методов исследования используется лингвокультурологический и метод лексикографического описания, на основе которых В. Н. Телия и ее последователями был разработан «Большой фразеологический словарь русского языка» (2019). Для примеров были выбраны цитаты из текстов русской литературы (сайт Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [<https://ruscorpora.ru/>]) и фразеологизмы, представленные в вышеуказанном словаре.

Оценочные наречия в качестве средства выражения аномалии

Наречие *слишком*, находясь в одном ряду с общеоценочными наречиями *хорошо, прекрасно, отлично, превосходно* и др., может выступать в роли интенсификатора, кроме того, оно способно указывать как на степень проявления признака, так и на его качество. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова определяет слово *слишком* следующим образом: «Свыше меры, чересчур, переходя какую-н. норму, границу» [ТСР 1935–1940].

Наиболее близкими по значению к наречию *слишком* являются слова *излишне, чересчур, чрезмерно*. А также в его функционально-семантическое поле входят: *шибко, весьма, больно, крайне, изрядно, дюже, зело, до перебора, очень жирно [будет], более чем, не в меру, уж очень, до чертиков, чертовски, безбожно, неприлично,*

преступно и др. Все перечисленные языковые единицы имеют экспрессивно-оценочный оттенок. Во многих случаях *слишком* является частью устойчивых выражений.

Стоит, однако, заметить, что наречие *слишком* (излишне) при этом не всегда изменяет оценку с положительной на отрицательную и, как следствие, не всегда порождает семантику аномалии. Так Ю. Д. Апресян анализирует конструкции типа «слишком А, чтобы Р». Рассматривая в качестве примеров высказывания «*Она слишком умна, чтобы обижаться по пустякам*» и «*Он слишком глуп (туп), чтобы понять этот намек*», он заключает: «свойство А имеет место в такой высокой степени, что это делает невозможным, чтобы имело место Р. Следовательно, *слишком* в подобных случаях не меняет положительную или отрицательную оценку свойства. В этой конструкции может быть употреблено практически любое прилагательное, независимо от содержащейся в нем оценки» [Апресян 2006: 498]. Положительные характеристики могут быть признаны неуместными вследствие крайне выраженной интенсивности, когда *слишком* сочетается с такими прилагательными как *умный, рассудительный, благоразумный, трезвый*.

Тем не менее, в определенных случаях положительное свойство может оцениваться негативно. Во-первых, отрицательная оценка становится очевидна, когда хорошего слишком много (*Что дюже, то не здраво* — Зимин 2020). Признак, который характеризуется наречиями-интенсификаторами, превращается для говорящего в избыточный, превышающий норму. Именно это превышение вызывает негативную реакцию автора высказывания. Так *слишком* выражает отрицательную оценку в сочетании с качественными прилагательными, характеризующими человека: *слишком умный, слишком правильный, слишком быстрый* и т. д. Например: *На экспертизе сказали: слишком умный, таких в природе не бывает* (Ахмедова НКРЯ); — *В какой другой стране слово «интеллигент» вызывает столь мощный взрыв отрицательных эмоций? «Интеллигент вишивый!» «Слишком умный!» «А еще в шляпе!» и так далее* (Левин НКРЯ); *Прочел часть автобио Исаковского — хорошо, но слишком*

правильный «слог» деревенского грамотея, множество паразитических, но импонирующих ему оборотов: «Вообще говоря», «таким образом» и т. п. (Твардовский НКРЯ); Один мальчик мечтатель и раздражает своей медленностью, другой **слишком быстрый** и дерзкий (Пришвин НКРЯ). В этом случае наречию слишком синонимично устойчивые выражения *не в меру, через меру*: Повелитель вод Дракон **через меру щедр** на юге и **слишком скуп** на севере (Овчинников НКРЯ); Венн накрыл ладошкой **не в меру храброго** летуна (Семенова НКРЯ). Обращают на себя внимание высказывания с негативно-оценочными наречиями, которые используются для описания избыточности положительных качеств, схожих по семантике со *слишком* и *излишне*. Например: *Не будь я так **непростительно добр** с вами, вы бы меня уважали; а то вы всякое уважение ко мне потеряли* (Тургенев НКРЯ); *Во-вторых, Микулицын **преступно добр**, добр до крайности* (Пастернак НКРЯ).

Как аномалия может оцениваться и чрезмерно выраженная красота. Например: *Его жена была **невероятно, вызывающе красива**, и Коля все никак не мог поверить, что она вышла за него замуж по любви, все искал подвох, постоянно подозревал ее в неверности, во лжи, в корысти.* (НКРЯ); — *Какая **порочная красота!** Кто это?.. **Вызывающе красива**, не правда ли? — Ольга восхищенными глазами указала на Аксинью* (Шолохов УП НКРЯ) *И все из-за того, что по заводскому цеху прошла, шуриша платьем, **преступно прекрасная** женщина* (Толстой НКРЯ); *Она ей показалась **слишком нарядною, легкомысленно-веселую и тщеславную*** (Толстой НКРЯ).

Отклонением от нормы может считаться и молодость, особенно бросающаяся в глаза молодость зрелого человека. Например: *Майя Михайловна **вызывающе молода**, когда она шла с сыном, приятели отзывали его в сторону и спрашивали: завел себе подружку постарше?* (Терехов НКРЯ).

Во-вторых, нечто хорошее, обыденное, нормальное может одновременно тяготить и вызывать раздражение. Так, аккуратность или пунктуальность с практической точки зрения являются положительными качествами. Однако люди,

обладающие ими, порой обременяют окружающих в ситуациях, когда эти характеристики уже не столь важны и воспринимаются как излишние беспокойства. Например: *Портили картину лишь телевизионные антенны на крышах и **чересчур аккуратные** ограды палисадников из штампованного пластикового штaketника* (Ерпылев НКРЯ); *Люди деликатные обыкновенно бывают очень и даже **чересчур выносливы*** (Салтыков-Щедрин НКРЯ).

В-третьих, оценка может быть признана отклонением от нормы, когда положительное свойство повлечет отрицательные последствия для самого субъекта. Например: *Честное слово, вы **слишком любопытны!** Нельзя быть таким Отелло!* (Ильф и Петров НКРЯ); *Я был **слишком сильный** и здоровый человек, и я тогда плевал на всё это. Теперь — снотворные не помогают* (НКРЯ).

Аномалия как категория оценки рассматривается нами на примере устойчивых оборотов речи: идиом и поговорок. Фразеологические единицы обладают коннотативно-оценочными возможностями. Это связано со свойством образности. Как объективная характеристика многих фразеологизмов, образность выражается через предметно-вещественную ассоциативность и наглядные представления об окружающем мире. Коннотация определяется как «экспрессия, эмоции, оценки, сложная гамма отношений к миру объективных явлений, к предмету речи, к собеседнику, к самой ситуации речи и т. д.» [Чернышева 1977: 38]. К коннотациям, как правило, относят экспрессивно-образное, эмоционально-образное, эмоционально-оценочное и морально-оценочное содержание. Оценочность, таким образом, является одной из функций фразеологизмов. Этот факт позволяет анализировать категории нормы и аномалии на материале фразеологических единиц языка.

Эксплицитно наречие *слишком* используется во фразеологизмах не столь активно. Например, во фразеологизме *брать/взять на себя [слишком] много* это наречие подчеркивает превышение человеком его возможностей, прав и т. п.: — *Слушай, не лезь не в свое дело! — Теперь он смотрел пря-*

мо в глаза Крылову. — Ты **слишком** много берешь на себя. (Гранин БФСРЯ). Отмечается, что этот фразеологизм «содержит антропную метафору, в которой отображено восприятие человеком своего «Я» как некоторой внутренне замкнутой системы, противопоставленной окружающему миру, в котором лежит и деятельностная сфера самого человека. В данном случае человеческое «Я» выступает в первую очередь как деятельностное начало. Образ фразеологизма мотивирован представлением о переносе деятельности и ответственности за нее на человека в целом, о чем свидетельствует пространственный предлог «на» в сочетании с вин. п.» [БФСРЯ 2019: 47].

Кроме идиомы *брать/взять на себя* [слишком] много можно отметить такие выражения как: *слишком много (себе) позволить (позволять), зайти слишком далеко, это (уж) слишком*. Например: — *Амалия Карловна, вы слишком много себе позволяете!.. — Вскипела, наконец, Раиса Павловна... — Я, кажется, ничего не сказала такого...* (Мамин-Сибиряк БФСРЯ). *Прогноз на будущее развитие автор дает крайне неблагоприятный. Кратко его можно сформулировать следующим образом: ассимиляционные процессы зашли слишком далеко, повернуть их вспять практически невозможно.* (Кривоногов БФСРЯ). *Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышась о добродетели и редких свойствах души его, почёл долгом принести лично дань уважения; но спохватился и почувствовал, что это слишком* (Гоголь БФСРЯ). *Мэро почувствовал лёгкий запах вина. Это было уже слишком, поведение норвежца сделалось вызывающим* (Паустовский БФСРЯ); *Ну это уже слишком, товарищ, вы что себе позволяете!* (Павлов НКРЯ).

Однако чаще слишком присутствует в устойчивых выражениях в виде синонимов (*Это уж чересчур! Это вы уж чересчур хватили!*) или имплицитно. Превышение нормы может передаваться семантикой нарушения границы, например: — *Глядите на меня, как на зверя. Кричит, мол, старый хрен без толку, без смысла, черт бы его драл. <...> Ну, ладно, погорячился я, перехватил через край* — разве можно на старика сердиться? (Куприн НКРЯ). Экспрессивно-эмоциональная

окраска фразеологизма усиливается в сочетании с глагольными компонентами в значении нарушения границ — *хватить, бить, переливаться, перехлестывать, переливать*.

Семантика чрезмерности также может быть выражена в фразеологизмах, основанных на метафоре, которая «уподобляет крайнюю степень чего-либо неисчислимости нечистой силы» [БФСРЯ 2019: 188] или отсутствию божественного начала. Например: *Не молод он. Устал... До черта обозлен* (слишком обозлен), / *Себя и то не жалко* (Твардовский БФСРЯ); *Семижилов воротился домой пьяный до чертиков* (слишком пьяный), *не узнал своей жены* (Лейкин БФСРЯ). В первом значении фразеологизм выступает в роли образца предельно переживаемого эмоционального состояния, находящегося за гранью нормы. В основе второго — лежит религиозно-антропоморфный культурный код, обозначающий «представителей нечистой силы и их отличительные характеристики, особенности поведения. В данном случае он соотносится с представлением об исключительной множественности чертей и о губительности пьянства для души человека» [БФСРЯ 2019: 188]. Помимо избыточного количества (*И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много* (5:9), образ чёрта, как известно, обладает характеристикой нарушителя божественных норм.

Заключение

Итак, норма как категория оценки обнаруживается на разных уровнях русского языка. Вместе с тем её оппозиция чаще находит выход в лексику. Одним из средств выражения аномалии являются оценочные наречия. В частности, для наречия *слишком* и синонимичных ему характерна способность к развитию степенных значений, что обусловлено тесными отношениями между категориями интенсивности и оценочности. Наречия-итенсификаторы широко передают семантику нарушения и несоответствия принятым нормам, в некоторых случаях они способны изменять положительные свойства человеческих качеств, предметов и явлений на отрицательные. В основе вариативности коннотации таких вы-

сказываний лежат различия в их прагматическом значении. На фразеологическом уровне языка наречия *слишком* и *чересчур* также служат маркерами аномалии, присутствуя эксплицитно или, чаще всего, имплицитно — через метафоры.

ИСТОЧНИКИ

Белянин, Бутенко 1994 — Белянин В. П., Бутенко И. А. *Живая речь. Словарь разговорных выражений*. М.: Смысл, 1994.

БФСРЯ — *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. Телия В. Н. (отв. ред.). — М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019.

Зимин 2020 — *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* — <https://ruscorpora.ru/>

Ожегов, Шведова 1995 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: АЗЪ, 1995.

Ушакова 1935–1940 — *Толковый словарь русского языка*. Ушаков Д. Н. (ред.). М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.)

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 2006 — Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Санников А. В., Урысон Е. В. Языковая картина мира и системная лексикография. Ю. Д. Апресян (отв. ред.). М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.

Артамонов, Уба 2019 — Артамонов В. Н., Уба Е. В. Аномалия как мотив наименования (на материале русских фамилий). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2019, (1): 8–15.

Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М., 1988. 340 с.

Арутюнова 1995 — Арутюнова Н. Д. Неопределенность признака в русском дискурсе. В сб.: *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке*. М.: Наука, 1995. С. 182–189.

Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Безрукова 2004 — Безрукова В. В. *Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка)*. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 222 с.

Верзилова 2020 — Верзилова А. А. Категория оценки в идеоматике русского языка. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2020, (5): 134–138.

Виноградов 1947 — Виноградов В. В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. М.: Учпедгиз. 1947. 784 с.

Вольф 2002 — Вольф Е. М. *Функциональная семантика оценки*. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 280 с.

Ивин 2010 — Ивин А. А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы. *Философский журнал*. 2010, (1(4)): 66–78.

Квашина 2013 — Квашина В. В. Проблемы аксиологии в современном языкознании. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2013, (2): 181–189.

Кислякова 2011 — Кислякова Е. Ю. Инакость в системе лингвистических категорий. *Известия ВГПУ*. 2011, (7): 7–11.

Кустова 2011 — Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn`ы-прилагательные). В сб.: *Слово и язык: сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна*. Москва, 2011. С. 256–268.

Лекант 2011 — Лекант П. А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке. В кн.: *Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка*. Лекант П. А. (ред.). М.: МГОУ, 2011. С. 130–136.

Маркелова 2013 — Маркелова Т. В. *Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке*. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. 300 с.

Моисеева 2019 — Моисеева А. А. Аксиологические проблемы современной лингвистики. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2019, (08/2): 74–76.

Родионова 2005 — Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке. В кн.: *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*. СПб.: Издательство «Наука», 2005. С. 150–169.

Тер-Минасова 2000 — Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, 2000. 624 с.

Усачева 2016 — Усачева О. А. Оценочные наречия как средство выражения интенсивности различных признаков. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология...* 2016, (3.2): 213–217.

Чернышева 1977 — Чернышева И. И. Актуальные проблемы фразеологии. *Вопросы языкознания*. 1977, (5): 34–42.

Bierwisch 1989 — Bierwisch M. The semantics of gradation. In: *Dimensional Adjectives: Grammatical Structure and Conceptual Interpretation*. Manfred Bierwisch & Ewald Lang (eds.). Springer – Verlag Berlin Heidelberg, 1989. P. 71–261.

Judge 1985 — Judge B. *Thinking about Things: A philosophical Study of Representation*. Edinburgh: Scott, acad. Press, 1985. 248 p.

Rokeach 1968 — Rokeach M. *Beliefs, attitudes and values. A Theory of Organisation and Change*. San Francisco, Washington, London: Jossey-Bass Inc., Publishers, 1968. 214 p.

SOURCES

Белянин, Бутенко 1994 — Belianin V. P., Butenko I. A. *Live speech. Dictionary of colloquial expressions*. Moscow: Smysl, 1994. (In Russian)

БФСРЯ — *The Big Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Use. Cultural commentary*. Teliia V. N. (ed.). Moscow: AST-PRESS ShKOLA, 2019. (In Russian)

Зимин 2020 — *Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions*. Moscow: AST-PRESS ShKOLA, 2020. (In Russian)

НКРЯ — *National corpus of the Russian language* — <https://ruscorpora.ru/> (In Russian)

Ожегов, Шведова 1995 — Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu.

Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: AZ, 1995. (In Russian)

Ушакова 1935–1940 — *Explanatory dictionary of the Russian language*. Ushakov D.N. (ed.). Moscow: Gos. in-t «Sov. entsikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1935–1940. (4 t.) (In Russian)

REFERENCES

Апресян 2006 — Apresian V. Iu., Apresian Iu. D., Babaeva E. E., Boguslavskaja O. Iu., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Linguistic picture of the world and systemic lexicography*. Apresian Iu. D. (ed.). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2006. 912 p. (In Russian)

Артамонов, Уба 2019 — Artamonov V. N., Uba E. V. Anomaly as a motive for the name (based on Russian surnames). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Russkaja filologija*. 2019, (1): 8–15. (In Russian)

Арутюнова 1988 — Arutiunova N. D. *Types of linguistic meanings: Value. Event. Fact*. Moscow: 1988. 340 p. (In Russian)

Арутюнова 1995 — Arutiunova N. D. Uncertainty of a sign in Russian discourse. In: *Logical analysis of language. Truth and verity in culture and language*. Moscow: Nauka, 1995. P. 182–189. (In Russian)

Арутюнова 1999 — Arutiunova N. D. *Human language and world*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999. 896 p. (In Russian)

Безрукова 2004 — Bezrukova V. V. *Intensification and Intensifiers in Language and Speech (Based on the Material of the English Language)*. PhD thesis. Voronezh. 2004. 222 p. (typescript). (In Russian)

Верзилова 2020 — Verzilova A. A. Assessment category in the ideomatics of the Russian language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020, (5): 134–138. (In Russian)

Виноградов 1947 — Vinogradov V. V. *Russian Language (Grammatical Teaching about the Word)*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1947. 784 p. (In Russian)

Вольф 2002 — Vol'f E. M. *Functional semantics of value*. Moscow: Editorial URSS, 2002. 280 p. (In Russian)

Ивин 2010 — Ivin A. A. Modern axiology: some topical problems. *Filosofskii zhurnal*. 2010, (1 (4)): 66–78. (In Russian)

Квашина 2013 — Kvashina V. V. Problems of axiology in modern linguistics. *Vestnik Cheliabinskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. (2): 181–189. (In Russian)

Кислякова 2011 — Kisliakova E. Iu. Otherness in the system of linguistic categories. *Izvestia VGPU*. 2011, (7): 7–11. (In Russian)

Кустова 2011 — Kustova G. I. Highly Significant Words: Semantic Models and Semantic Mechanisms (Magn's are adjectives). In: *Slovo i iazyk: sb. st. k 80-letiiu akad. Iu. D. Apresiana*. Moskva: 2011. P. 256–268. (In Russian)

Лекант 2011 — Lekant P. A. Subjective Analytical Category of Intensive in Russian. In: *Analitizm v leksiko-grammaticheskoj sisteme russkogo iazyka*. Moscow: MGOU Publ., 2011. P. 130–136. (In Russian)

Маркелова 2013 — Markelova T. V. Pragmatics and semantics of means of expressing evaluation in Russian. Moscow: MGUP imeni Ivana Fedorova, 2013. 300 p. (In Russian)

Моисеева 2019 — Moiseeva A. A. Axiological problems of modern linguistics. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Series: Gumanitarnye nauki*. 2019, (08/2): 74–76. (In Russian)

Родионова 2005 — Rodionova S. E. Semantics of Intensity and Its Expression in Modern Russian. In: *Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. P. 150–168. (In Russian)

Тер-Минасова 2000 — Ter-Minasova S. G. Language and intercultural communication. Moscow: Slovo, 2000. 624 p. (In Russian)

Усачева 2016 — Usacheva O. A. Evaluative adverbs as a means of expressing the intensity of various features. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologija*. 2016, (3.2): 213–217. (In Russian)

Чернышева 1977 — Chernysheva I. I. Actual problems of phraseology. *Voprosy iazykoznanija*. 1977, (5): 34–42. (In Russian)

Bierwisch 1989 — Bierwisch M. The semantics of gradation. In: *Dimensional Adjectives: Grammatical Structure and Conceptual Interpretation*. Manfred Bierwiech & Ewald Lang (eds.). Springer – Verlag Berlin Heidelberg, 1989. P. 71–261.

Judge 1985 — Judge B. *Thinking about Things: A philosophical Study of Representation*. Edinburg: Scott, acad. Press, 1985. 248 p.

Rokeach 1968 — Rokeach M. *Beliefs, attitudes and values. A Theory of Organisation and Change*. San Francisco, Washington, London: Jossey-Bass Inc., Publishers, 1968. 214 p.

ТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЩЕНИЯ ИМЕНИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА: ИМЕНОВАНИЯ Г. А. ПОТЕМКИНА И Е. И. ПУГАЧЕВА В ПАНЕГИРИКЕ И ИНВЕКТИВЕ

NATALIA V. KAREVA, EVGENIY M. MATVEEV

TROPOLOGICAL SUBSTITUTIONS OF A PERSONAL NAME IN RUSSIAN POETRY OF THE 18TH CENTURY:
GRIGORY POTEMKIN'S AND EMELYAN PUGACHEV'S APPELLATIONS IN PANEGYRIC AND INVECTIVE

Наталья Владимировна Карева

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
► natasha.titova@gmail.com

Институт лингвистических
исследований РАН

Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

Евгений Михайлович Матвеев

кандидат филологических наук, доцент
► e.matveev@list.ru, ematveev@list.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет

Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9

Natalia V. Kareva

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

Tuchkov per., 9 St. Petersburg, Russia

Evgeniy M. Matveev

St. Petersburg State University

Universitetskaya emb. 7/9, St. Petersburg,
Russia

В рамках статьи на примере различных форм именованя двух исторических персонажей — Григория Потемкина (1739–1791) и Емельяна Пугачева (1742–1775) — исследуются принципы тропологического замещения имени в русской поэзии XVIII века. Рассматриваются три разновидности тропологических замен: антономазия, олицетворение и перифраза. Способы именованя Потемкина многообразны. Наиболее частотным является называние героя по фамилии, иногда — с добавлением титула или военного чина. Появление тропологических замещений — в первую очередь, разнообразнейших перифраз — связано с воспеванием его как полководца, государственного деятеля и покровителя искусств. Иногда само имя *Потемкин* становится антономазией со значением ‘грозный военачальник’. Фамилия *Пугачев*, а также гипокористическое имя Емелька часто используются в расширенном метонимическом значении: ‘Пугачев и его войско’. Сам исторический персонаж чаще именуется через перифразы и антономазии и лишь изредка — по фамилии. В произведениях Сумарокова и Державина Пугачев сопоставляется со знаменитыми самозванцами прошлого — Разиным, Отрепьевым, Смердисом. Ряд использованных в поэтических текстах апеллятивов фиксируются также в официальных документах 1770-х гг., в том числе в вынесенном Пугачеву приговоре. Представленный материал демонстрирует, что большая часть семантических переосмыслений имени связано с уподоблением одного персонажа другому — эта идея в русской поэзии XVIII века реализуется в олицетворениях, перифразах и антономазиях. Разнообразные по форме тропологические замещения имен позволяют панегирику сформировать образ идеальной реальности, а инвективе — реализовать функцию обличения.

Ключевые слова: XVIII век; русская поэзия; Потемкин; Пугачев; панегирик; инвектива; тропологические замены; собственные имена.

The article is devoted to the principles of tropological substitutions of a proper name in Russian poetry of the 18th century. As examples, the authors take various forms of the naming of two historical characters, Grigory Potemkin (1739–1791) and Emelyan Pugachev (1742–1775), and analyze three types of tropological substitutions: antonomasia, impersonation, and paraphrase. Potemkin's naming methods are diverse. The most common is calling the hero by his last name, sometimes with the addition of a title or military rank. The appearance of tropological substitutions — first of all, of the most diverse paraphrases — is associated with the glorification of him as a commander, statesman and patron of the arts. Sometimes the very name “Potemkin” becomes antonomasia, meaning ‘formidable military leader’. The surname “Pugachev”, as well as the hypocoristic name “Emelka”, are often used in an extended metonymic sense: ‘Pugachev

and his army'. The historical character himself is often referred to through periphrases and antonomasias, and only occasionally by his last name. In Sumarokov's and Derzhavin's works, Pugachev is compared with the famous impostors of the past – Razin, Otrepiev, Smerdis. Several appellatives used in poetic texts are also recorded in official documents of the 1770s, including Pugachev's verdict. The presented material demonstrates that semantic rethinking of a personal name is associated with the assimilation of one character to another. The idea is realized in personifications, periphrases, and antonomasias. Tropological substitutions of personal names in Russian poetry of the 18th century allow the panegyric poetry to form an image of an ideal reality, and the invective poetry allows to realize the function of denunciation.

Keywords: 18th century; Russian poetry; Grigory Potemkin; Emelyan Pugachev; panegyric; invective; tropological substitutions; personal names.

Ономастическое поле русской поэзии XVIII века: проблемы изучения и актуальные задачи

Антропонимы и примыкающие к ним теонимы и мифонимы в русской словесной культуре XVIII века исключительно важны для формирующегося в эту эпоху литературного языка. В России в это время идет интенсивное создание ономастического поля как особой лингвистической и историко-культурной категории и складывается антропонимический тезаурус новой европеизированной культуры. Е. В. Душечкина отметила уникальность ономастического поля русской литературы XVIII века, который «по количеству и разнообразию имен <...> несравним с именниками ни одного другого столетия»; в русской словесности выявляется «многообразие ономастических полей в этот период, их принадлежность к различным стилистическим системам, которые сменяли друг друга, а порой сосуществовали одновременно» [Душечкина 2015: 105]. Исследовательница выделяет следующие ономастические поля: 1) мифологические и исторические античные имена, 2) библейские имена, 3) имена пантеона славянских языческих богов, 4) имена князей в трагедиях, 5) говорящие имена в комедиях, 6) имена правителей и героев в торжественных одах, 7) вымышленные и реальные имена в сатирах, 8) выдуманные имена в эклогах, элегиях и идиллиях, 9) реальные имена в заглавиях окказиональных стихотворений, 10) имена в русских романах XVIII века, 11) имена в сенти-

ментальных повестях, проложившие дорогу к литературному именнику XIX века [Душечкина 2015: 105–107]. Помимо количества и разнообразия имен, литературный ономастикон XVIII столетия интересен еще в одном отношении: обращает на себя внимание и обилие, и разнообразие тропологических замен имени. Как отметил П. Е. Бухаркин, посвятивший раздел специального исследования таким заменам в русской трагедии XVIII века, «тропологические замещения личного имени четко очерчивают аксиологические параметры текста, оценки, которые получает в пьесе тот или другой персонаж» [Бухаркин, Матвеев 2020: 10]. Именно с оценкой чаще всего связаны и случаи замены антропонима в русской поэзии XVIII века.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим замены имен двух исторических персонажей второй половины XVIII века: Григория Потемкина и Емельяна Пугачева. Эти замены особенно заметны в поэтическом контексте панегирика и инвективы. Мы рассмотрим три основные разновидности тропологических замен: антономазию, олицетворение и перифразу. Под антономазией (прономинацией) понимается «метафорическая фигура, состоящая в экспрессивном использовании имени собственного в значении имени нарицательного» [Москвин 2007: 592], а также обратное: «замена имени собственного именем нарицательным» [Москвин 2007: 597]. Под олицетворением в контексте нашей работы будут пониматься примеры использования для наименования исторического лица мифологического имени или имени другого исторического персонажа. Такие случаи, когда имя выполняет функцию устойчивого эпитета или «имени-титула» [Проскура 2006: 59] можно рассматривать в качестве особой формы олицетворения [Войнова 1977: 126]. Перифраза — это «описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования» [Москвин 2007: 551].

Именования Г. А. Потемкина

Способы именования Г. А. Потемкина в русской поэзии XVIII века многообразны. Наиболее частотным и нейтральным является именование героя по фамилии, например:

Сокровищница мужа щедр / Стоит отверста, как сама природы недра. / Видь, коль **Потемкина** ни дарствует рука, / Он полон как река!» (Петров «Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину» («В ином течет натура чине!...»)).

В самих стихотворных произведениях используется изолированная фамилия *Потемкин*, а в заглавиях — фамилия с добавлением титула (*граф, князь, его сиятельство, его светлость, его высокопревосходительство*), военного чина (*генерал-фельдмаршал*) и почетного «географического» титула (*Таврический*):

Его сиятельству князю Григорью Александровичу Потемкину (Петров). Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину (Петров). Его Высокопревосходительству Григорию Александровичу Потемкину (Майков). Описание торжества, бывшего по случаю взятия города Измаила, в доме генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического, близ Конной Гвардии, в присутствии императрицы Екатерины II, 1791 года 28 апреля (Державин). Плач на кончину его светлости князя Григорья Александровича Потемкина-Таврического 1791 года, октября 5 дня (Петров). Смерть князя Потемкина (Дмитриев). Сонет графу Григорию Александровичу Потемкину (Майков).

С «географическим» титулом связана и встречающаяся в поэзии перифраза *князь Тавриды*:

Чей одр — земля; кров — воздух синь; / Чертоги — вокруг пустыньны виды? / Не ты ли, Счастья, Славы сын / Великолепный **князь Тавриды**? (Державин «Водопад»). Осьмнадцать лет служил при **князе я Тавриды**; / Но к горести моей и к чувству обиды / Тот, кто трудившихся при оном представлял / Умершим знать меня сочтя, не написал (Рубан «Письмо Его Сиятельству графу П. А. Зубову»).

Большинство тропологических замещений имени Потемкина связано с воспеванием трех сторон его личности: полководец — государственный деятель — покровитель поэтов / поэт.

На первом плане оказывается образ Потемкина-полководца. Для обозначения его воинских заслуг в поэзии часто всего используются перифразы: *напастьми искушенный воин, метатель Перуна, Ея <Екатерины II> архистратиг, вождь россиян градоборных, Российский Марс, подвижник славы, подвижник знаменитый в брани* и др. Приведем примеры из поэзии Петрова и Державина²:

Дерзай вступи́ти во чертог, / **Напастьми искушенный воин**; / Твой подвиг почестей достоин, / Тебе сопутник — мира бог (Петров «Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину» («Средь благ, которы очеси...»)). **Метатель** на врагов **перуна** / Полн ведений, как сеять мир: / Премудрости его фортуна / Послушна, низких душ кумир (Петров «Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину» («Востани, муза! Петь достоин...»)). О! Ежели бы он <султан Абдул-Хамид I> увидел / **Ея архистратига** сам; / Душей бы брань возненавидел (Петров «На взятые Очакова»). Так **вождь россиян градоборных**, / Закон победы начертал / ... Преступа треск появыи слухом, / Сорадуется бодрым духом (Петров «На взятие Измаила»). **Российский** только **Марс**, Потемкин, / Не ужасается зимы (Державин «Осень во время осады Очакова»). **Подвижник славы**, успокойся; / Почий от тягостных трудов (Петров «На взятые Очакова»). **Подвижник знаменитый в брани!** / В ком счастья общего залог; / У коего меч грозный в длани, / С Екатериной в сердце Бог / ... Ты скорь воззвучишь трубою (Петров «На взятые Очакова»).

В державинском «Водопаде» встречаем пример олицетворения, Потемкин назван именем древнегреческого героя *Ахилла*:

Взять шлем Ахиллов не робеет, / Нашедши в поле, Фирс? — Увы! / И плоть и грудь коль истлевет: / Что ж нашу славу составляет? (Державин «Водопад»).

Здесь прилагательное *Ахиллов* используется в значении «относящийся к Потемкину». В «Объяснениях на сочинения» Державин расшифровывает использованное им уподобление: «Фирс, или Терсит <...> превеликий трус, который однако охудал Ахиллеса; отношение к кн. Зубову, который, счастием приобретши власть, охудал иногда дела кн. Потемкина, но при восшествии на престол имп. Павла показал, что сам не имел великой души» (Державин 1864–1883: 1, 486; 3, 642).

В поэзии В. П. Петрова встречаются перифразы, характеризующие Потемкина как выдающегося государственного деятеля екатерининской эпохи. Будучи сподвижником и фаворитом императрицы, Потемкин назван *Екатерининым другом*:

Потемкин здесь лежит, **Екатеринин друг**, / Не полон дней числом, бессмертен тьмой заслуг (Петров «Плач на кончину его светлости князя Григорья Александровича Потемкина-Таврического 1791 года»).

В оде Потемкину 1778 г. Петровым использованы перифразы *отец народов* и — более вычурная и менее очевидная — *ловец словесных*:

Словесных радуйся ловец! / Твой строй в кровавой
бывый пене / Не имать в сем участья плене. / Народов радуйся
отец! / Твои, твои суть чада сии, / Твой разум их родил Рос-
сии (Петров «Его светлости князю Григорью Александровичу
Потемкину» («Средь благ, которые очеси...»)).

В этих строках Потемкин (азовский, ново-
российский и астраханский генерал-губернатор)
прославляется как организатор переселения
в 1778 году крымских христиан на территорию
России в Азовскую и Новороссийскую губернии³.
Смысл перифразы *отец народов* легко объясним,
если учесть, что среди переселяемых были греки,
армяне, грузины и «волохи» (румыны и молдава-
не) [Дейников 2014: 163]. Перифразу же *ловец сло-
весных* помогает интерпретировать содержащаяся
в ней аллюзия на евангельский текст: «Проходя же
близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев:
Симона, называемого Петром, и Андрея, брата
его, закидывающих сети в море, ибо они были
рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сде-
лаю вас ловцами человеков <курсив наш — Н. К.,
Е. М.>» (Мф. 4: 18–19). Таким образом, Потемкин,
переселяющий христиан из Крымского ханства
в Российскую империю, уподоблен апостолу.

Предметом прославления в поэзии Петрова
и Державина становятся также и действительный
или мнимый поэтический творческий потенциал
Потемкина. О нем с панегирическим преувели-
чением писал Петров в оде «Его светлости князю
Григорью Александровичу Потемкину» (1779),
сравнивая своего друга с Гомером:

Чести певца Троянской брани / Был, пишут, Алексан-
дров вкус: / Как сот, Потемкина гортани / Твой стих, великий
отче муз <Аполлон> <...> Не тяжек славных слов примесом, /
Красот во слоге он <Потемкин> пример; / Когда б он не был
Ахиллесом, / Всемерно был бы он Гомер (Петров «Его светло-
сти князю Григорью Александровичу Потемкину» («Востани,
муза! Петь достоит...»))⁴.

Параллель с Аполлоном, покровителем ис-
кусств, актуализируется в двух наименованиях
Потемкина, которые использованы Петровым
и Державиным. Это перифразы *Феб новый* и *друг
Аполлона*:

То рекши, бог <Аполлон> едва в путь должный обра-
тился, / Как в сердце ты моем, **Феб новый**, ощутился (Петров
«Его светлости князю Григорью Александровичу Потемки-

ну»). Не ты ль наперсником близ трона / У северной Минервы
был: / Во храме Муз **друг Аполлона**, / На поле Марса вождем
слыл (Державин «Водопад»).

Державинский пример прокомментирован
Я. К. Гротом следующим образом: «Другом Апол-
лона назван Потемкин потому, что он не только
любил литературу, но и сам в молодости писал
стихи» (Державин 1864–1883: 1, 474).

На особое покровительство Потемкина Пе-
трову намекает Державин, применяя олицетворе-
ние *Меценат*:

Оливы свежи и зелены / Принес и бросил Мир из рук;
/ Родства и дружбы вопли, стоны / И Муз ахейских жалкий
звук / Вокруг Перикла раздается; / Марон по **Меценате** рвется
(Державин «Водопад»).

О семантике двух олицетворений (*Марон*
и *Меценат*) говорится в «Объяснениях» Г. Р. Дер-
жавина: «Марон, или Virgilius, славный писа-
тель латинский, в эклогах своих прославлял Ме-
цената, любимца Августа, а г. Петров, переводив-
ший Virgilius на российский язык, писал элегию
на смерть кн. Потемкина, который его покрови-
тельствовавал, как Меценат Virgilius» (Державин
1864–1883: 3, 641).

В семантике некоторых тропологических
замещений могут объединяться разные стороны
личности Потемкина. В поэзии Петрова Потем-
кин неоднократно называется словом *герой*. Эта
антономазия в некоторых случаях подчеркивает
его военные заслуги, как, например, в оде «На взя-
тье Очакова»:

И се **герой** преобразует / Мечеть Всевышнему
во трон, / И всем соратным показывает, / Кому победой должен
он (Петров «На взятие Очакова»).

В оде «На приобретение Крыма» это же наи-
менование подчеркивает дипломатические спо-
собности Потемкина:

В обращении к Екатерине II. Ах, ежели во мне нелож-
но / Пророчество правдивых муз, / Султана убедить возмож-
но / Избавить пленников от уз. / Не движа с мест ни бомб, ни
строя, / Пошли к нему того **героя**, / Кем ханов уразднил
трон. / Услыша твоего витию, / Он сам оставит Византию /
И выйдет из Европы вон (Петров «На приобретение Кры-
ма»).

В следующем примере семантика слова *герой* шире. Речь идет о выдающихся заслугах Потемкина вообще, благодаря которым он войдет в историю:

В обращении к музе Клио. Поя в герое добродетель, / Учи других за ним парити, / Кажу орла близ дальних звезд (Петров «Его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину» («Сними с стены висящу лиру...»)).

Не случайно в державинском «Водопаде» Потемкин также описан в числе *героев*. Их слава, как представляется сначала, превращается в пыль, но потом оказывается, что историческая память о ней сохранится в веках:

*Единый час, одно мгновенье / Удобны царствы поразить, / Одно стихиев дуновенье / Гигантов в прах преобразить; / Их ищут места — и не знают: / В пыли героев попирают! // Героев? — Нет! Но их дела / Из мрака и веков блистают; / Нетленна память, похвала / И из развалин вылетают; / Как холмы, гробы их цветут; / Напишется **Потемкин труд**. // Театр его — был край Эвксина, / Сердца обязанные — храм; / Рука с венцом — Екатерина; / Гремяща слава — фимиам; / Жизнь — жертвенник торжеств и крови, / Гробница — ужаса, любви (Державин «Водопад»).*

В использованном здесь сочетании *Потемкин труд* можно увидеть уподобление выдающейся военной и государственной деятельности Потемкину подвигам Геракла. Ср. сочетание *Алцидов труд* в значении 'Подвиги Геракла' у Ломоносова:

*Хвалить хочу Атрид, / Хочу о Кадме петь, / А Гуслей тон моих / Звенит одну любовь. / Стянул на новый лад / Недавно струны все, / Запел **Алцидов труд**, / Но лиры звон моей / Поет одну любовь (Ломоносов «Хвалить хочу Атрид...»).*

В «Водопаде» Державина также фигурирует олицетворение *Алцибиад*. Оно объединяет в себе похвалу государственному деятелю и полководцу:

*Пришедши, старец надпись зрит: / «Здесь труп Потемкина сокрыт!» / **Алцибадов прах!** — И смеет / Червь ползать вокруг его главы? (Державин «Водопад»).*

Любопытно державинское примечание к этим строкам: комментируя, поэт ничего не говорит о том, что и Алкивиад, и Потемкин были государственными деятелями и полководцами, а упоминает другое, менее очевидное, основание для уподобления: «По роскошной жизни здесь

кн. Потемкин уподобляется Алцибиаду» [Державин 1864–1883: 3, 641].

Еще одно олицетворение Потемкина — *Перикл* — также обладает двуплановостью:

*И Муз ахейских жалкий звук / Вокруг **Перикла** раздается (Державин «Водопад»).*

Наиболее очевидное основание для уподобления: государственный деятель и полководец сравнивается с государственным деятелем и полководцем прошлого. Однако в комментарии Г. Р. Державина снова подчеркивается другой аспект уподобления — любовь к наукам и красноречию: «Евгений, славный архиепископ славянский <Евгений (Булгарис), архиепископ Славянский и Херсонский — Н. К., Е. М.>, на греческом языке написал кн. Потемкину эпитафию: то и уподобляется он в этом стихе Периклу, любившему науки и красноречие» [Державин 1864–1883: 3, 641].

Два приведенных примера олицетворений и их истолкований демонстрируют одну из особенностей державинского комментария к своим произведениям: создавая «Объяснения», он намеренно избегал толкования очевидной и банальной семантики онимов, останавливая внимание своих читателей на более тонких семантических нюансах, объясняющих уподобления. При этом отсутствие очевидного истолкования образов в «Объяснениях» не означает, что эти очевидные смыслы отсутствовали в поэтическом тексте — они, по-видимому, лишь не требовали для читателей XVIII века специальных комментариев.

Помимо рассмотренных случаев замещения имени Потемкина именами героев прошлого, в русской поэзии XVIII века встречаются примеры, когда само это имя выступает в роли тропологического замещения. Подвергаясь апелляции (деонимизации), оно становится антономазией со значением '*грозный военачальник*' и может использоваться во множественном числе:

*Стране, где храбры в бой исходят / И где **Потемкины** предводят, / Вотще ползущий ков грозит (Петров «На взятие Измаила»).*

Именования Е. И. Пугачева

Рассмотрим способы наименования Е. Пугачева в контексте инвективы. В отличие от Потемкина, наименование героя по фамилии не является здесь наиболее частотным. Наименование предводителя крестьянского восстания 1773–1775 гг. по фамилии встречается, например, у А. П. Сумарокова:

Осетил Пугачев себе людей безумных, / Не знающих никак нимало божества. / Прибавил к ним во сеть людей, пьянством шумных, / Извергов естества (Сумароков «Станс граду Синбирску на Пугачова»).

Чаще фамилия героя используется не просто для его наименования, а в расширенном метонимическом значении *‘Пугачев и его сторонники, его войско’*. Ср. примеры из поэзии Державина:

В обращении к Екатерине II. Не будут жатвы попле-
ненны, / Не будут села поपालены, / Не прольет **Пугачов** кро-
вей. / Твоя кротчайшая природа / Утешит все страны народа,
/ Коль будет в власти все твоей (Державин «Ода на день рож-
дения Ея Величества»). О князе П. М. Голицыне. Он первый
опроверг в укреплениях **Пугачова**; / Изменникам дал страх, отвагу
нам вперил (Державин «Эпистола к генералу Михельсону»). Сви-
репый, злобный тигр, рыкающий на лов, / Как сонмы многих вод,
вломился **Пугачов**. / Грубейшая толпа, разжжена
изуверством, / Прельщенна кознями, грабительством и звер-
ством, / Как волки хищные порыскали на труп (Там же).

Кроме фамилии, в поэзии может фигурировать гипокористическое имя *Емелька*, которое, как и фамилия, может приобретать как прямое, так и расширенное метонимическое значения:

Емелька с Катилиной — змей; / Разбойник, распрен-
ник, грабитель / И царь, невинных утеснитель, — / Равно
вселенной всей злодей (Державин «Ода на знатность»). В *об-
ращении к И. И. Михельсону*. Хотя в истории дела твои и труд
/ Потомки поздные увидят и прочтут; / Хотя известно всем то
будет непременно, / **Емельку** что ты гнал везде неутомленно
(Державин «Эпистола к генералу Михельсону»).

В первом приведенном державинском при-
мере речь идет непосредственно о Емельяне Пугаче-
ве, во втором — о Пугачевском войске.

Именование Пугачева в поэзии (в основном у Державина) часто осуществляется при помощи тропологических замещений — антономазии и перифразы. Любопытно, что державинские антономазии могут развиваться как по метафорическому,

так и по метонимическому типу. К первому можно отнести такие антономазии, как *змий (змеи), чудовище, тигр, хищник*:

Но что за гром мне ударяет? / Екатерине мир взыва-
ет: / Ты свергла **Змия** и Луну! (Державин «Ода на великость»).
Взвертел тогда тут **змеи** свое в гортани жало: / Нельзя пре-
дательству усердия попать, — / Велел предместие пожару
пожирать (Державин «Эпистола к генералу Михельсону»).
О несостоявшемся поединке П. С. Потемкина и Пугачева. По-
темкин, сердце, дух имея и проворство, / Хотел **чудовище**
воззвать в единоборство (Там же). Свирепый, злобный **тигр**,
рыкающий на лов, / Как сонмы многих вод, вломился Пуга-
чов (Там же). В *обращении к И. И. Михельсону*. С сибирских
почти стран до донския стремнины, / Прошел — и поражал
бегущих сопостат / И **хищника** разбил — ты знаешь, сколько
крат! (Там же).

Ко второму типу относятся такие распро-
страненные апеллятивы, как *самозванец, злодей, варвар*:

Бегут свирепые, кровями блещет взгляд, / И всякий
умереть за **самозванца** рад (Там же). *О наступлении пугачев-
цев на Казань*. Тревожный глас и вопль по улицам несется: /
Идет **злодей**⁵ на град! Слух в граде раздается (Там же). Лю-
бовь монархини и мать в ней забывая, / За **варвара** живот
и душу полагая (Там же).

Как отмечает Д. В. Руднев, Пугачев назы-
вался *варваром, самозванцем и злодеем* в офици-
альных документах, в т. ч. в протоколах допросов
и в вынесенном ему приговоре [Руднев 2021: 600–
605]. Приведем два найденные им примера:

Сентенция, 1775 года января 10. О наказании смертною
казнию **изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева** и его
сообщников («Манифесты и указы, относящиеся к пугачевско-
му бунту»). 1774-го года сентября 16 дня в отделенной секрет-
ной комиссии, что в Яицком городке, **государственной зло-
дей**, похитивший имя в бозе почивающего императора Петра
Третьяго, **Емелька Пугачев** допрашиван («Емельян Пугачев
на следствии. Сборник документов и материалов»).

Ср. также наименование *самозванец* в прозе
Г. Р. Державина:

Чрез несколько минут представлен **самозванец** в тяж-
ких оковах по рукам и по ногам, в замасленном, поношенном,
скверном широком тулупе (Державин «Записки из известных
всем произшествиев и подлинных дел»).

Перифрастические наименования Пугаче-
ва также оказываются весьма разнообразными.

Сумароков использует перифразы *Новый Разин* и *Разин нынешний*:

Но сколько всем сердцам ты, **новый Разин**, мерзок, /
Колико духом подл и мужеством ты мал (Сумароков «Станс
граду Симбирску на Пугачева»). <В обращении к г. Симбир-
ску> А **Разин нынешний** в твои падет оковы, / И во стенах
твоих окованный сидит (Там же).

Основанием для сумароковского сопоставления Пугачева с Разиным было не только то, что оба они были предводителями крестьянских восстаний, но и то обстоятельство, что разгром обоих восстаний был связан с Симбирском, который воспевают Сумароков. Под Симбирском в 1670 г. были разбиты правительственными войсками отряды С. Т. Разина; сюда же после передачи сообщниками правительственным войскам был переведен Пугачев, здесь он находился под следствием [Берков 1957: 535; Мавродин 1973: 51].

Обширная серия перифраз использована Державиным в «Эпистоле к генералу Михельсону» — *скверных скопищ вождь, бич здешних стран, преемник Гришки, Смерда, соотчик Разина*:

Носился вихрями ревущих ядер град, / Уж **скверных скопищ вождь** хотел идти назад (Державин «Эпистола к генералу Михельсону»). Тогда **бич здешних стран, преемник Гришки, Смерда, / Соотчик Разина**, разбойника злосерда, / Свирепый, злобный тигр, рыкающий на лов, / Как сонмы многих вод, вломился Пугачов (Там же).

В последнем обширном перифрастическом кусте Пугачев сопоставлен с двумя самозванцами, чьим «преемником» он виделся. Первый из них — это Лжедмитрий I, Григорий Отрепьев, названный в тексте гипокористическим именем *Гришка*. Второй — Смердис (также Лжебардия и Гаумата) — самозванец, выдавший себя за младшего брата царя Камбиса II Бардию и захвативший власть в Персидской империи [Smith 1867: 844; Суялер 1988]. Представляется, что замена *Смердиса* на *Смерда* неслучайна: благодаря этой замене происходила актуализация внутренней формы имени персидского самозванца и оно, получив дополнительную отрицательную оценочную коннотацию, начинало ассоциироваться со словом *смерд* («подлой, в черной работе обращающийся, к черни принадлежащий» [САР 5, 587]) — ассоциация более

чем уместная по отношению к беглому казаку. Далее Пугачев назван *соотчиком* (т. е. соотечественником [САР 4, 667]) Разина. Как и Сумароков, Державин вместо упоминания общего очевидного основания для уподобления (оба героя — предводители крестьянских восстаний) комментирует нечто более специфическое: оба предводителя были уроженцами станицы Зимовейская⁶.

Д. В. Ларкович выявил эволюцию именования Пугачева в державинских стихотворениях: если в «читалагайских» одах 1774 г. (в «Оде на день рождения ея величества» и в «Оде на смерть генерал-аншефа Бибикова») используется нейтральный антропоним «Пугачев», то в «читалагайских» одах 1775 г. («На знатность» и «На великость»)⁷ Державин «использует в одном случае экспрессивно ангажированную форму «Емелька» и дважды — антропонимизированный апеллатив «змей», тем самым как бы вообще табуируя именное обозначение фигуры предводителя мятежников <...> Если в одах 1774 г. Пугачев выступает лишь как частное проявление злодейских поступков и намерений <...>, то в одах 1775 г. его масштаб вырастает до уровня предельного обобщения сил мирового зла, выраженного в форме мифориторической фигуры «Змей» [Ларкович 2007: 36]. В «Эпистоле генералу Михельсону» (1775) образ Пугачева уже не ограничивается единичными однословными обозначениями, он «представлен многочисленными номинациями, обладающими разнообразными семантическими нюансами («зло», «злодей», «злой враг», «нахальный враг», «страшный враг», «изменник», «изувер», «варвар», «росский вред», «ехидна», «змей», «презренная тварь», «хищник», «чудовище», «скверных скопищ вождь», «самозванец»), нередко переходящими в развернутые образно-сравнительные определения [см. приведенные выше примеры перифраз — Н. К., Е. М.] и вовлекающими его в широкий историко-культурный контекст» [Ларкович 2007: 38].

Заключение

Представленный материал демонстрирует, о большинство выявленных нами форм семантических переосмыслений имен в поэзии связано с уподоблением одного персонажа другому.

При этом идея уподобления может содержаться не только в олицетворениях и перифразах с именем собственным, но и в антономазиях, как в случае с апеллятивом *змей*. В. А. Кузнецов проанализировал характерные для эпохи классицизма поэтические уподобления писателям, «на чей эстетический опыт ориентирована данная национальная литература, с чьим именем связана отправная или функционально важная точка в развитии жанра» [Кузнецов 1993: 74], такие как: Кантемир — *наш Ювенал*, Ломоносов — *русский Пиндар*, Сумароков — *полночный Расин*. Та же персонифицированность классицистического сознания проявляется и в уподоблениях героев высокой поэзии мифологическим, библейским и историческим персонажам. Во многом именно за счет этих описанных нами разнообразных по форме тропологических замещений имени в панегирике формируется образ идеальной реальности, а инвектива реализует свою функцию обличения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выделяя разновидности тропологических замен имени, мы опираемся на классификацию форм преобразования имен собственных в русской панегирической поэзии XVIII века, разработанную для готовящегося в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН «Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века». См. о проекте словаря: [Матвеев 2020].

² В настоящей работе мы не касаемся вопроса о различиях в изображении Потемкина в поэзии Петрова и Державина. Сопоставлению принципов номинации Потемкина в произведениях этих двух поэтов посвящена специальная готовящаяся к публикации статья проф. У. Екуч [Екуч 2022].

³ Подробнее о «новороссийском проекте» Потемкина и отражении его колонизаторской деятельности в одической поэзии см. [Зорин 2001: 106–108].

⁴ Известно, что Потемкин, сравниваемый здесь с Александром Македонским, читал Гомера вместе с Петровым. Вероятно, Потемкин рассчитывал, что Петров переведет Гомера, однако поэт обманул надежды своего покровителя [Позднев 2018].

⁵ «Злодей» в языке XVIII в. — ‘преступник’, ‘человек, преступающий закон’ [Сл. РЯ XVIII в. 8, 188].

⁶ Версия о том, что Разин, как и Пугачев, был уроженцем станции Зимовейская, была высказана А. Ригельманом в 1778 г. [Ригельман 1846: 58].

⁷ Уточнение гротовской датировки «читалагайских» од см.: [Алексеева 1993: 77–78].

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева 1993 — Алексеева Н. Ю. Державинские оды 1775 года (К вопросу о реформе оды). В сб.: *XVIII век. Кочеткова Н. Д.* (ред.). Сб. 18. СПб.: Наука, 1993. С. 75–92.

Берков 1957 — Берков П. Н. [Примечания]. В кн.: Сумароков А. П. *Избранные произведения*. Л.: Советский писатель, 1957. С. 513–577.

Бухаркин, Матвеев 2020 — Бухаркин П. Е., Матвеев Е. М. Антропонимы в русской литературе XVIII века: о некоторых аспектах функционирования имени в оде и трагедии. *Русская литература*. 2020, (3): 5–19.

Войнова 1977 — Войнова Л. А. Функционально-семантические особенности мифологических собственных имен и показ их в историческом словаре XVIII в. В сб.: *Проблемы исторической лексикографии*. Сорокин Ю. С. (ред.) Л.: Наука, 1977. С. 121–129.

Дейников 2014 — Дейников Р. Т. К вопросу о выводе христиан из Крымского ханства в 1778 г. *Вопросы истории*. 2014, (4): 153–168.

Державин 1864–1883 — Державин Г. Р. *Сочинения / с объяснительными примечаниями Я. Грота*: в 9 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864–1883.

Душечкина 2015 — Душечкина Е. В. Антропонимическое пространство русской литературы XVIII в. (заметки к теме). В сб.: *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. 7–11 сентября 2015 г.* Березович Е. Л. (ред.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. С. 105–107.

Екуч 2022 — Екуч У. Имя Потемкина в одах В. Петрова и Г. Державина. В сб.: *Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века*. Бухаркин П. Е., Матвеев Е. М. (ред.) СПб., 2022 (в печати).

Елисеева 2016 — Елисеева О. *Григорий Потемкин*. М.: Молодая гвардия, 2016.

Зорин 2001 — Зорин А. *Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX вв.* М.: НЛО, 2001.

Кузнецов 1993 — Кузнецов В. А. Поэтические уподобления в русской литературе XVIII века: (К вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания). *Вестник СПбГУ. Сер. 2*. 1993, (1/2): 73–78.

Ларкович 2007 — Ларкович Д. В. Пугачевский бунт в лирическом осмыслении Г. Р. Державина. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2007, (2): 33–41.

Мавродин 1973 — Мавродин В. В. *Крестьянская война под руководством Пугачева*. М.: Знание, 1973.

Матвеев 2020 — Матвеев Е. М. О проекте словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века. В сб.: *Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Выпуск 3. 2017–2019 годы*. Волков С. С., Карева Н. В., Матвеев Е. М. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 71–117.

Позднев 2018 — Позднев М. М. Гомер Потемкина. *Philologia Classica*. 2018. № 13(2). С. 288–302.

Проскурина 2006 — Проскурина В. *Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II*. М.: НЛО, 2006.

Руднев 2021 — Руднев Д. В. Имя человека в деловой коммуникации XVIII в. (особенности именованья Пугачева в документах 1770-х гг.). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (3): 590–608.

Ригельман 1846 — Ригельман А. *История или повествование о донских казаках*. М.: Университетская тип., 1846.

Smith 1867 — Smith W. (ed.) *A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology*. Vol. III. Boston, 1867.

Cuyler 1988 — Cuyler Young T., Jr. The Consolidation of the Empire and its Limits of Growth under Darius and Xerxes. In: *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IV: Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 BC. J. Boardman, Hammond N. G. L., Lewis D. M., Ostwald M. (ed.). Cambridge, 1988. P. 53–111.

СЛОВАРИ

Москвин 2007 — Москвин В. П. *Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры: Терминологический словарь*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.

САР — *Словарь Академии Российской, производным путем расположенный*. Ч. I–VI. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1789–1794.

Сл. РЯ XVIII в. — *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–6. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 7–22–. СПб.: Наука, 1992–2019–.

REFERENCES

Алексеева 1993 — Alekseeva N. Iu. Derzhavin's odes of 1775 (on the reform of the ode). In: *XVIII vek*. Kochetkova N. D. (ed.). St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. P. 75–92. (In Russian)

Берков 1957 — Berkov P. N. [Comments]. In: Sumarokov A. P. *Selected works*. Leningrad: Sovetskij pisatel Publ., 1957. P. 513–577. (In Russian)

Бухаркин, Матвеев 2020 — Buharkin P. E., Matveev E. M. Anthroponyms in the Eighteenth-Century Russian Literature: Certain Aspects of Appellatives' Functionality in Ode and Tragedy. *Russkaya literatura*. 2020, (3): 5–19. (In Russian)

Войнова 1977 — Vojnova L. A. Functional and semantic features of mythological personal names and their representation in the historical dictionary of XVIII century. In: *Problemy istoricheskoy leksikografii*. Sorokin Yu. S. (ed.). Leningrad: Nauka Publ., 1977. P. 121–129. (In Russian)

Дейников 2014 — Dejnikov R. T. To the question of withdrawal of Christians from the Crimean Khanate in 1778. *Voprosy istorii*. 2014, (4): 153–168. (In Russian)

Державин 1864–1883 — Derzhavin G. R. *Works / with explanatory notes by Ia. Grot: in 9 vol*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1864–1883. (In Russian)

Душечкина 2015 — Dushechkina E. V. Anthroponymic space of Russian literature of the 18th century (notes on the topic). In: *Ethnolingvistika. Onomastika. Etimologiya. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 7–11 sentyabrya 2015 g.* Berezovich E. L. (ed.). Ekaterinburg: Ural University Publ., 2015. P. 105–107. (In Russian)

Екуч 2022 — Ekuch U. Potemkin's name in odes by V. Petrov and G. Derzhavin. In: *Antroponimy v russkoj slovesnoj kul'ture*

XVIII veka. Buharkin P. E., Matveev E. M. (ed.). St. Petersburg, 2022 (in press). (In Russian)

Елисеева 2016 — Eliseeva O. *Grigorij Potemkin*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2016. (In Russian)

Зорин 2001 — Zorin A. *Feeding the two-headed eagle ...: Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – first third of the 19th centuries*. Moscow: New literary review Publ., 2001. (In Russian)

Кузнецов 1993 — Kuznecov V. A. Poetic comparisons in Russian literature of the 18th century: (On the question of the personification of classicist aesthetic consciousness). *Vestnik SPbGU. Ser. 2*. 1993, (1/2): 73–78. (In Russian)

Ларкович 2007 — Larkovich D. V. The Pugachev rebellion in the lyrical interpretation of G. R. Derzhavin. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2007, (2): 33–41. (In Russian)

Мавродин 1973 — Mavrodin V. V. *Peasant war led by Pugachev*. Moscow: Znanie Publ., 1973. (In Russian)

Матвеев 2020 — Matveev E. M. On the Project of the Dictionary of Anthroponyms in Russian 18th Century Panegyric Poetry. In: *Materialy metazykovogo seminaru ILI RAN*. Iss. 3. Volkov S. S., Kareva N. V., Matveev E. M. (ed.). St. Petersburg: ILI RAN, 2020. P. 71–117. (In Russian)

Позднев 2018 — Pozdnev M. M. Potemkin's Homere. *Philologia Classica*. 2018 (13/2): 288–302 (In Russian).

Проскурина 2006 — Proskurina V. *Myths of Empire. Literature and Power in time of Catherine II*. Moscow, New literary review Publ., 2006. (In Russian)

Руднев 2022 — Rudnev D. V. A person's name in business communication of the 18th century (Pugachev's appellations in the documents of the 1770s). In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*. 2021, 18 (3): 590–608. (In Russian).

Ригельман 1846 — Rigelman A. *History or narration about the Don Cossacks*. Moscow: University Press, 1846. (In Russian).

Smith 1867 — Smith W. (ed.) *A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology*. Vol. III. Boston, 1867.

Cuyler 1988 — Cuyler Young T., Jr. The Consolidation of the Empire and its Limits of Growth under Darius and Xerxes. In: *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IV: Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 BC. J. Boardman, Hammond N. G. L., Lewis D. M., Ostwald M. (ed.). Cambridge, 1988. P. 53–111.

DICTIONARIES

Москвин 2007 — Moskvin V. P. *Expressive Means of Modern Russian Speech: Tropes and Figures: Terminological Dictionary*. Rostov-on-Don: Feniks, 2007. (In Russian)

САР — Dictionary of the Russian Academy, in etymological order located. Vol. I–VI. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1789–1794. (In Russian)

Сл. РЯ XVIII в. — *Dictionary of the Russian language of the 18th century*. Vol. 1–6. Leningrad: Nauka, 1984–1991. Vol. 7–22–. St. Petersburg: Nauka, 1992–2019–. (In Russian)

НОМИНАЦИЯ ИИСУСА ХРИСТА В ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ И. А. БУНИНА

NADEZHDA A. BORODINA

THE NOMINATION OF JESUS CHRIST IN IVAN BUNIN'S POETIC HERITAGE

В статье предпринята попытка рассмотреть языковые средства номинации Иисуса Христа в лирике И. А. Бунина, определить роль выявленных онимов в выражении авторского замысла. Анализу подверглось свыше 30 ономастических единиц, обнаруженных в бунинских поэтических текстах 1886 – 1953 гг. Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что рассмотрение сакральных имен, используемых поэтом для наречения Богочеловека в христианстве, было произведено впервые. При номинации Иисуса Христа И. А. Бунин опирается на существующие в христологии представления о Спасителе (например, *Агнец, Господь, Жених, Сын Человеческий, Альфа и Омега, Свете тихий* и др.), на фоновые знания о значимых событиях Его земной жизни (например, *Распятый, Младенец, Ребенок* и др.), на приписываемые Ему нравственные характеристики (например, *Благословенный, Пречистый, Смиренный, Скорбный* и др.). В качестве источников заимствования теонимов выступают тексты Нового Завета, агиографические тексты, тексты православных песнопений. Сакральные имена, извлеченные из лирического наследия И. А. Бунина, охарактеризованы с точки зрения структуры. Выделены простые онимы, представленные образованиями разной природы (отонимные, отапельлятивные, отадъективные и отместоименные), и составные онимы, представленные тремя моделями («имя существительное + имя прилагательное», «причастие + имя существительное», «имя существительное + имя существительное»). Имя Иисуса Христа в поэтическом наследии И. А. Бунина актуализирует три мотива: мотив божественного ребенка, мотив страдания и распятия, мотив воскресения.

Ключевые слова: И. А. Бунин; поэзия; поэтическая ономастика; имя собственное; номинация; теоним; Иисус Христос.

Надежда Анатольевна Бородина

кандидат филологических наук, доцент

► borodinanadezhda@yandex.ru

Елецкий государственный университет
имени И. А. Бунина

399770 Липецкая область, г. Елец,
ул. Коммунаров д. 28

Nadezhda A. Borodina

Bunin Yelets State University
399770, Communards' street 28, Yelets, Russia

The article attempts to analyze the linguistic means of Jesus Christ's nominations in Ivan Bunin's lyrics, to determine the role of the onyms in expressing poet's intention. The author analyzes more than 30 onomastic units found in Bunin's poetic texts from 1886 to 1953. The research is new, since Christian sacred names used by the poet to name the God-Man are explored for the first time. When nominating Jesus Christ, Bunin relies on existing ideas about the Savior in Christology (for example, the Lamb, the Lord, the Bridegroom, the Son of Man, Alpha and Omega, Gladsome Radiance, etc.), on background knowledge about significant events of His earthly life (for example, Crucified, Infant, Child, etc.), on moral characteristics attributed to Him (for example, Blessed, Most Pure, Humble, Lamentable, etc.). The sources of the theonyms are the texts of the New Testament, hagiography, and the Orthodox chants. The sacred names extracted from Bunin's lyrical heritage are characterized from the point of view of their structure. The author distinguishes the simple onyms, represented by formations

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области в рамках научного проекта № 20-412-480003.

of different nature, and compound onyms, represented by three models (“the noun + the adjective”, “the participle + the noun”, “the noun + the noun”). The name of Jesus Christ in Bunin’s poetry actualizes three motives: the motive of the divine child, the motive of suffering and crucifixion, the motive of resurrection.

Keywords: Ivan Bunin; poetry; poetic onomastics; proper noun; nomination; theonym; Jesus Christ.

Введение

Религиозно-философская проблематика волновала И. А. Бунина на протяжении всего жизненного и творческого пути. По мнению автора первой монографии о лауреате Нобелевской премии по литературе, богослова, писателя и публициста, архимандрита Русской православной церкви за границей Константина (в миру Кирилла Иосифовича Зайцева), И. А. Бунин — «человек в религиозном отношении очень одаренный и его писательский путь есть путь прежде всего религиозного мыслителя; его творчество есть замечательное обнаружение человеческого религиозного опыта» [Зайцев 1934: 245–246].

Важной частью бунинского мировосприятия является библейско-христианская составляющая. Он не раз обращается к текстам Ветхого и Нового Заветов, Псалтири, апокрифическим и агиографическим источникам в своих лирических и прозаических произведениях; в них находят отражение евангельские сюжеты, мотивы и образы.

Интересует И. А. Бунина и образ Иисуса Христа. Так, в книге воспоминаний «Беседы с памятью» В. Н. Муромцева-Бунина, повествуя о совместном путешествии по Святой Земле, пишет: «Ян говорит о Христе, о том, что он “чует Его живым, каким Он ходил по этой знойной земле”...» [Муромцева-Бунина 2006: 204].

Географические странствия «по следам Христа» и метафизические искания приводят И. А. Бунина, по утверждению воронежского литературоведа О. А. Бердниковой, к тому, что Спаситель «сознается и переживается им как вечная — и осязаемо, и духовно явленная — божественная сущность мира» [Бердникова 2018: 186].

Несмотря на то что «христианской доминанте» творчества писателя посвящено достаточно большое количество научных работ [Ага-

фонова 2009; Атаманова 2015; Бердникова 2009; Грановская 2020; Ковалева 2018; Кошемчук 2009; Талалаева 2011 и др.], исследования, в которых разрабатывается образ Сына Божьего в бунинской лирике, немногочисленны [Бердникова 2018; Фенчук 2010].

Отсутствием специального изучения продиктован наш интерес к номинациям Иисуса Христа в стихотворениях И. А. Бунина.

Цель предлагаемой статьи — выявить и описать языковые средства, используемые в поэтических текстах И. А. Бунина для наименования Спасителя, указать источники их заимствования; отметить роль собранных теонимов в экспликации основных новозаветных сюжетов и мотивов, связанных с именем Иисуса Христа.

Материалом для исследования послужило научное издание лирики И. А. Бунина, составленное и подготовленное проф. Т. М. Двинятиной. Анализу подверглось свыше 900 стихотворений, написанных поэтом с 1886 г. по 1953 г. Для достижения поставленной в работе цели в качестве ведущего был использован описательно-аналитический метод, включающий приемы наблюдения, интерпретации и систематизации.

Обсуждение и результаты

Природа имени Божия является одним из сложных богословских вопросов, не имеющим окончательного решения в настоящее время. Митрополит Иларион (в миру Григорий Валериевич Алфеев), выражая надежду на познание «священной тайны Церкви» в будущем, подвергает сомнению возможность полного осмысления этой «тайны, выходящей далеко за пределы человеческого сознания» [Иларион 2013].

В качестве характерной особенности теонимической лексики исследователи называют многоименность. Наличие длинных рядов именовании Бога, Иисуса Христа, Богородицы обусловлено «особой религиозной риторикой, направленной на восхваление высшего божественного существа» [Подюков, Соломонов 2010: 19].

Данная тенденция обнаруживается и у Бунина-поэта. Собранный картотека примеров номинаций Богочеловека в христианстве насчитывает свыше

30 различных по структуре и природе сакральных имен, извлеченных из бунинских стихотворений.

Преобладают в ней простые онимы, состоящие из одного компонента (22 неповторяющихся онима). К ним относятся отонимные единицы (*Иисус* (Ἰησοῦς) — греческая транслитерация еврейского имени יֵשׁוּעַ, *ʾĪšū(aʾ)* [Мифы народов мира 1991: 490]; *Иса* (араб. إيسا ع, *ʿĪsā*) — имя Иисуса в исламе [Мифы народов мира 1991: 565]), отапельтативные единицы (*Агнец, Бог, Взор, Владыка, Господь, Жених, Младенец, Ребенок, Сын, Чадо, Христос* (Χριστός) — перевод на греческий язык арамейского מְשִׁיחַ, *mēšīḥā*, еврейского מָשִׁיחַ, *māšīāḥ* «мессия, помазанник» [Мифы народов мира 1991: 490]), отадъективные единицы (*Благий, Благословенный, Всеблагод, Миленький, Пречистый, Распятый, Скорбный, Смиранный*), отместоименные единицы (*Он, Ты*).

Составные теонимы в авторской картотеке примеров менее распространены (8 неповторяющихся теонимов). Построены они по следующим моделям: «имя существительное + имя прилагательное» (*Свете тихий, Сын Господний, Сын Человеческий*), «причастие + имя существительное» (*Грядущий Бог, Почивший Бог*), «имя существительное + имя существительное» (*Альфа и Омега, Иисусе Христе, Царь царей*).

Составной теоним *Иисус Христос* в поэтических текстах И. А. Бунина функционирует преимущественно как однословный: *Как белый шелк, сияет твой бурнус / Над синевой далекого Ливана, / И сам Христос, смиренный Иисус, / Дышал тобою, радость каравана* («Гермон») [Бунин 2014 т. 2: 33]. В функции обращения в собранном языковом материале анализируемый оним отмечен в утраченной в современном русском литературном языке форме звательного падежа, а в имени *Иисус* наблюдается стяжение начальных гласных, характерное для разговорной речи: — *Иисусе Христе, Миленький!* («Потерянный рай») [Бунин 2014 т. 2: 184].

Встречается в лирике И. А. Бунина и кораническое имя Иисуса — *Иса: В ночь рождения Исы / По горным тропам и дорогам / Шли волхвы караваном / На таинственный зов* («Источник звезды») [Бунин 2014 т. 2: 65]. Поэт предлагает подлинно

мусульманское понимание природы Иисуса Христа. Он «*святой, любимый Богом*» (ср. с христианским вероучением, в котором Иисус — «Бог и Человек в одном лице» [Иларион 2016]). Поскольку, согласно исламу, Иса — посланник Аллаха, один из Его пророков, но не Бог, данная ономастическая единица относится не к разряду теонимов как *Иисус Христос*, а к мифоантропонимам [Ислам 1991: 102].

Составной теоним *Сын Человеческий* в евангельских текстах выступает как регулярное самонаименование [Иларион 2016; Мифы народов мира 1991: 490]. У И. А. Бунина он находится в сильной позиции и формирует заглавие стихотворения, представляющего собой поэтическое переложение первой главы Апокалипсиса [Бунин 2014 т. 1: 298–299].

Божественное начало Христа подчеркивается поэтом благодаря использованию таких теонимов, как *Бог, Грядущий Бог, Почивший Бог, Господь, Сын Господний, Царь царей, Владыка, Альфа и Омега*.

Именование Иисуса *Богом* определяется христианскими теологическими представлениями о триединстве верховной сверхъестественной сущности, всеведущей, вседеприсутствующей, обладающей высшим разумом, являющейся всеобщим мировым началом (Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой).

Данная номинация у И. А. Бунина способна к расширению компонентного состава за счет включения атрибутивного конкретизатора: *Грядущий Бог, Почивший Бог*. Первая ономастическая единица передает идею явления в мир Спасителя, в то время как вторая акцентирует внимание на Его мучительной смерти на кресте.

Теоним *Господь* рассматривается в христианстве «как собственное имя Божие, принадлежащее Ему, как истинному Богу» [Солярский 1879 т. 1: 438]. В Ветхом Завете оно используется в качестве синонимической замены табуированного Яхве / Иегова. В Евангелии от Луки, в апостольских посланиях имя *Господь* употребляется и применительно к Иисусу. Например: «Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк. 2: 11) [Библия 1988: 1084]; «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа»

(1 Пет. 1: 3) [Библия 1988: 1210], «один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (1 Кор. 8: 6) [Библия 1988: 1251] и др.

Указание на то, что рассмотренные выше имена применяются поэтом по отношению к Иисусу Христу, содержится в ближайшем контексте. Например: *Они взойдут в красе желанной / И возвестят с высот небес, / Что день настал обетованный, / Что Бог воистину воскрес!* («Христос воскрес! — Опять с зарею...») [Бунин 2014 т. 1: 173], где теоним *Бог* включен в традиционную формулу пасхального приветствия; *Грядущий Бог далеко, / Но Он придет, друг темных рыбаков* («Александр в Египте») [Бунин 2014 т. 2: 51], где И. А. Бунин апеллирует к сведениям об учениках Христа, апостолах Петре, Андрее, Иоанне и Иакове, которые до проповеднической деятельности были рыбаками; *Гляжу вперед, на черное Распятье / Среди дорог — / И простирает скорбные объятия / Почивший Бог* («Изгнание») [Бунин 2014 т. 2: 262]; *Господь почил, гвоздями прибитый к Древу* («Планица») [Бунин 2014 т. 2: 248], где фоновые знания о распятии Христа кладутся в основу номинации.

Ономастическая единица *Сын Господний* появилась в результате структурного преобразования поэтом компонентного состава зафиксированного в Новом Завете теонима *Сын Божий*, а именно лексической субституции *Божий* → *Господний*: *Сын Господний / На Камени созиждет храм / И скажет: Лишь Петру я дам / Владычество над преисподней* («День памяти Петра») [Бунин 2014 т. 2: 196].

Божественное начало присутствует и в теониме *Альфа и Омега*. По мнению протоиерея П. Солярского, составителя словаря собственных имен, встречающихся в Библии, он представляет собой «краткое, но самое величественное и знаменательное имя, усвояемое Себе Господом», выражающее «Его Божество, Его вечность, Его творческое могущество и единство с Отцом» [Солярский 1879 т. 1: 81]. Первая и последняя буквы греческого алфавита *Α* и *Ω*, формирующие теоним, подчеркивают истинность Бога, Его незыблемость: «Я есмь *Альфа* и *Омега*, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержи-

тель» (Откр. 1: 8) [Библия 1988: 1325]. Теоним *Альфа и Омега* отмечен в бунинском стихотворении «Сын Человеческий»: *Я осенен был духом в день воскресный / И слышал за собою как бы трубный / Могучий глас: «Я **Альфа** и **Омега**»* («Сын Человеческий») [Бунин 2014 т. 1: 298].

Обладание высшей божественной властью присутствует в теонимах *Царь царей* и *Владыка* (вспомним слова Иисуса Христа ученикам: «дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28: 18) [Библия 1988: 1053]): *Затихла ночь в благоговенье, / И слышал он: «Моих ветвей / Колючий терн — венцом мученья / Возложат на главе твоей; / Но терн короною зеленой / Челом святое обовьет, / — В мир под страдальческой короной, / Как **Царь царей**, Господь войдет!»* («В Гефсиманском саду») [Бунин 2014 т. 1: 159]; *И видел / Я под престолом души убиенных, / Вопившие: «Доколе, о **Владыко**, / Не судишь ты живущих на земле / За нашу кровь»* («День гнева») [Бунин 2014 т. 1: 297]. Оба они упоминаются по отношению к Иисусу Христу в «Откровении Святого Иоанна Богослова»: «На одежде и на бедре Его написано имя: “Царь царей и Господь господствующих”» (Откр. 19: 16) [Библия 1988: 1342–1343]; «И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» (Откр. 6: 10) [Библия 1988: 1330].

Наименование Иисуса Христа *Агнцем* указывает на Его глубочайшее смирение и кротость. Применяется оно в христологии к Нему как к искупительной жертве за грехи всего рода человеческого. Бунинское стихотворение «День гнева», в котором появляется данная проприальная единица, является переложением шестой главы «Откровения» святого евангелиста Иоанна Богослова: ... *И **Агнец** снял четвертую печать* («День гнева») [Бунин 2014 т. 1: 297].

Детско-родительские отношения актуализируются поэтом при имянаречении Иисуса Христа *Сыном*, *Чадом*: *Так и скажет **Сыну** Богоматерь: / «Погляди, возлюбленное **Чадом**, / Как земля цвела и красовалась! / Да недолог век земным утехам: / В мире **Смерть**, она и **Жизнь**ю правит»* («Канун Купалы») [Бунин 2014 т. 1: 265]. По мнению

М. А. Соломонова, семантическая аналогия родства является традиционной при мотивации сакральных имен. Она позволяет отразить «представления народа как об иерархии и составе небесного пантеона, так и о месте простого верующего в христианском мироздании» [Соломонов 2011: 11].

Номинации *Младенец*, *Ребенок* заключают в себе возрастную характеристику Иисуса и соотносятся с Его детскими года жизни: *А на нем, на этом дробном, / Убегавшем мелком рысью / Сером ослике, сидела / Мать с Ребенком на руках* («Мать») [Бунин 2014 т. 2: 85]; *По лесам бежала Божья Мать, / Куньей шубкой запахнув Младенца* («Бегство в Египет») [Бунин 2014 т. 2: 121].

Теоним *Свете тихий* восходит к православному песнопению, которое исполняется на вечерней службе при внесении из алтаря к молящимся зажженных свечей и прославляет Иисуса Христа, явившего Тихий Свет Божественной Славы Отца Небесного: «Тихий свет заходящего солнца, кротко обливающий усталую природу вечернюю, живо изображает сходжение Сына Божия к падшему человечеству, чтобы просветить и восстановить его» [Солярский 1883 т. 3: 468]. И. А. Бунин использует данную ономастическую единицу, чтобы показать явление Христа ради нашего спасения: *И Ты, Всеблагод, / Свете тихий вечерний, / Ты грядешь посреди обманувшейся черни, / Преклоня свой горестный взор, / Ты вступаешь на кротком осяти / В роковые врата — на позор, / На проклятье!* («Вход в Иерусалим») [Бунин 2014 т. 2: 188].

Теоним *Жених* образно номинирует Иисуса как Главу Церкви. Бунинское стихотворение, в котором используется данная ономастическая единица, написано на сюжет евангельской притчи о десяти девах (Мф. 25: 1–12) и песнопения «Се Жених грядет в полунощи...», исполняемого на утренней службе Страстной седмицы: *Жених идет в одеждах брачных* («Во полунощи») [Бунин 2014 т. 2: 243].

В качестве основы для именованя Иисуса Христа в лирике И. А. Бунина также выступают приписываемые Ему качества: кроткий, покорный Божьей воле (*Смиранный*); творящий благо,

добро (*Благий, Всеблагод*); испытывающий глубокую печаль (*Скорбный*); прекрасный, достойный благословения (*Благослованный*), непорочный, нравственно безупречный (*Пречистый*). Например: *И кипарис, над Ним шумящий, / Ему шептал во тьме ночной: / «Благословен Господь скорбящий, — / Велик и славен подвиг Твой! / Я вознесу над всей вселенной / Мой тяжкий крест, и на кресте / Весь мир узрит Тебя, Смиранный, / В неизреченной красоте!»* («В Гефсиманском саду») [Бунин 2014 т. 1: 159]; *О Благий и Скорбный! Будь / Милостив к земле!* («Под орган душа тоскует...») [Бунин 2014 т. 1: 117]; — *Благослованный и Пречистый! / Взойди в приют рабынь Твоих* («Во полунощи») [Бунин 2014 т. 2: 244].

Семантическую структуру имени *Распятый* определяет знание автора о завершении земного пути Христа, о Его искупительной смерти на кресте: *Всё слышу я: / «Оставь их мир нечистый / Для тишины сей вековой! / Меч нашей славы, меч священный / Сними с бедра, — он лишний в эти дни, / В твой век, бесстыдный и презренный. / Перед Распятым голову склони / В знак обручения со схимой, / С затвором меж гробами — и храни / Обет в душе ненарушимо»* («Всё снится мне заросшая травой...») [Бунин 2014 т. 2: 190–191].

Образной номинацией Христа в лирике И. А. Бунина является оним *Взор*, образовавшийся в результате действия метонимического переноса. Индивидуально-авторский оним появился при бунинской интерпретации важного события в жизни христианского великомученика Евстафия. До крещения св. Евстафий носил имя Плакида, был знатным и добродетельным полководцем. По преданию он принял христианство после того, как на охоте увидел необыкновенного оленя, между рогами которого блистал крест с изображением Распятия. Заговоривший человеческим голосом олень открыл Плакиде, что в образе животного ему явился Иисус Христос, Которого Плакида, делая добрые дела, почитал сам того не ведая [Православная энциклопедия 2008: 313]. Фрагмент встречи Евстафия с Христом в образе оленя и описывает поэт в стихотворении «Святой Евстафий»: — *Простите, девственные сени, / Поющий лес, гремящий бор. / Ты сокрушил мои ко-*

лени, / *Голгофский крест, смиренный Взор* («Святой Евстафий») [Бунин 2014 т. 2: 108].

Достаточно часто в поэтических текстах И. А. Бунина в качестве заместителя *potina sacra* выступает местоименный субституент. Для обозначения Христа используются личные местоимения 2-го и 3-го лица единственного числа: *Нам всё казалось, что под эти / Простые песни вспомнит Он / Порог на солнце в Назарете, / Верстак и кубовый хитон* («Новый храм») [Бунин 2014 т. 2: 37]; *Не много нас, елей хранивших / Для тьмы, обещанной Тобой* («Во полунощи») [Бунин 2014 т. 2: 244].

Мастер слова облакает в стихотворную форму знаменательные события земной жизни Иисуса Христа, а именно поклонение волхвов Младенцу («Источник звезды»), бегство Иосифа и Марии с Иисусом из Назарета в Египет («Бегство в Египет») и их возвращение после смерти Ирода («Новый Завет»), торжественный въезд на ослице в Иерусалим перед иудейской пасхой («Вход в Иерусалим»), ночь молитвы в Гефсиманском саду перед арестом («В Гефсиманском саду»); предлагает поэтическое переложение отдельных глав Апокалипсиса («День гнева», «Сын Человеческий»), притчи о разумных и неразумных девах («Во полунощи»), жития Евстафия Плакиды («Святой Евстафий»); создает индивидуально-авторский миф, контаминирующий народные поверья и христианские представления («Канун Купалы»). Все это требует от поэта введения в лирические произведения божественных имен, номинирующих Спасителя.

Имя Иисуса Христа в лирике И. А. Бунина соотносится с тремя мотивами: мотивом божественного ребенка, мотивом страдания и распятия, мотивом воскресения.

Мотив божественного ребенка объективируется с помощью теонимов *Младенец, Ребенок*, использующихся поэтом в случае упоминания Его Матери, Девы Марии, при разработке темы материнства: *С Иосифом Господь беседовал в ночи, / Когда Святая Мать с Младенцем почивала* («Новый Завет») [Бунин 2014 т. 2: 105].

Мотив страстей Господних эксплицируется в поэтических текстах И. А. Бунина не только

через описание предметов христианского культа (распятия, плащаницы), но и через повествование о смертельной скорби, овладевшей Господом во время молитвы в Гефсиманском саду: *И над всем — Христа Распятые: / В диадеме роз, / Скорбно братские объятья / Распростер Христос...* («В костеле») [Бунин 2014 т. 1: 122]; *Там Твой Сын, главой поникший, / Темный ликом, в муках крестных* («Мать») [Бунин 2014 т. 2: 85]; *О Иисусе, в крестной муке / Преклонивший лик!* («Под орган душа тоскует...») [Бунин 2014 т. 1: 117]; *Почил Господь, гвоздями прибитый к Древу, / Вот смертный одр — в огнях, среди толпы* («Плащаница») [Бунин 2014 т. 2: 248]; *И в этот час, гласит преданье, / Когда сомнением томим, / Изнемогал Он от страданья, / Всё преклонилось перед Ним* («В Гефсиманском саду») [Бунин 2014 т. 1: 159]. Нарушение Божьих заповедей, по И. А. Бунину, влечет новые крестные муки Христа: *Кровоточит зияющая рана / В боку Христа* (Отчаяние») [Бунин 2014 т. 2: 64].

Мотив Воскресения Сына Божьего реализуется прежде всего возгласом, которым верующие приветствуют друг друга в день Пасхи: *Христос воскрес! — Опять с зарею / Редеет долгой ночи тень, / Опять зажегся над землею / Для новой жизни новый день* («Христос воскрес! — Опять с зарею...») [Бунин 2014 т. 1: 172].

Выводы

В результате анализа собранной картотеки примеров можно сделать следующие выводы.

1) И. А. Бунин-поэт, в целом, следует за устоявшимися в религиозной литературе традициями именования Богочеловека. В частности, это проявляется в использовании так называемых христологических титулов: *Агнец, Господь, Христос, Сын, Сын Человеческий* и др.

2) Среди номинаций Иисуса Христа в лирическом наследии И. А. Бунина выделяются, с одной стороны, простые, однословные онимы, представленные отонимными, отапельлятивными, отадъективными и отместоименными образованиями, а с другой — составные онимы, построенные по моделям «имя существительное + имя прилагательное», «причастие + имя существительное» и «имя существительное + имя существительное».

3) В стихотворениях И. А. Бунина рассматриваемые ономастические единицы связаны с реализацией трех мотивов: мотива божественного ребенка, мотива страдания и распятия, мотива воскресения. Они включаются в поэтические тексты при изложении евангельских сюжетов, переложении глав «Откровения Святого Иоанна Богослова», жития Святого Евстафия, создании индивидуально-авторского мифа.

ИСТОЧНИКИ

Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. 1385 с.

Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. 544 с.

Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. 544 с.

Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. В кн.: Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 12. М.: Воскресенье, 2006. С. 151–357.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. Том 1. А–К. Гл. редактор С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. 671 с.

Солярский П. Опыт библейского словаря собственных имен: в 5-ти тт. Т. I. СПб.: Типо-Литография Цедербаума и Гольденблюма, 1879. 666 с.

Солярский П. Опыт библейского словаря собственных имен: в 5-ти тт. Т. III. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1883. 610 с.

Православная энциклопедия. Том XVII. Евангелическая церковь чешских братьев – Египет / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. 752 с.

Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.

ЛИТЕРАТУРА

Агафонова 2009 — Агафонова В.Д. *Библейско-христианская проблематика в творчестве И. А. Бунина*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2009. 25 с.

Атаманова 2015 — Атаманова Е.Т. Новозаветные реминисценции в поэтическом творчестве И.А. Бунина 1910-х годов. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015, (7 (49) Ч. II): 24–27.

Бердникова 2009 — Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир»: *Творчество И. Бунина в контексте христианской духовной традиции*. Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2009. 272 с.

Бердникова 2018 — Бердникова О.А. Духовный и географический векторы странствий И.А. Бунина «по следам Христа». В сб.: *Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма*. М.: Индрик, 2018. С. 172–189.

Грановская 2020 — Грановская Л.М. Библейский текст в творчестве И. А. Бунина (К 150-летию со дня рождения). В сб.: *Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья (К 150-летию со дня рождения И. А. Бунина)*. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2020. С. 23–31.

Зайцев 1934 — Зайцев К. И.А. *Бунин. Жизнь и творчество*. Берлин: Изд-во «Парабола», 1934. 267 с.

Иларион 2013 — Иларион (Алфеев), митр. *Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров*. СПб.: «Издательство Олега Абышко»; М.: Храмы Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке в Москве, 2013. 912 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/svjashennaja-tajna-tserkvi (дата обращения: 14.10.2021).

Иларион 2016 — Иларион (Алфеев), митр. *Иисус Христос: жизнь и учение: в 6 кн. Кн. 1. Начало Евангелия*. М.: Изд-во Сретенского монастыря: Эксмо, 2016. 799 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/iisus-hristos-zhizni-i-uchenie-nachalo-evangelija-kniga-1/ (дата обращения: 14.10.2021).

Ковалева 2018 — Ковалева Т.Н. Христианские образы и мотивы в творчестве И. А. Бунина 1920-х годов. В сб.: *Университетские чтения — 2018*. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2018. С. 60–65.

Кошемчук 2009 — Кошемчук Т.А. *Русская литература в православном контексте*. СПб.: Наука, 2009. 278 с.

Подюков, Соломонов 2010 — Подюков И.А., Соломонов М.А. Особенности именования Дьявола в духовных стихах Прикамья. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2010, (6 (12)): 18–23.

Соломонов 2011 — Соломонов М.А. *Христианский теоним в структуре фольклорного текста (на материале прикамских духовных стихов)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2011. 21 с.

Талалаева 2011 — Талалаева О.Г. *Религиозно-библейские и готические мотивы в прозе И. А. Бунина*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2011. 24 с.

Фенчук 2010 — Фенчук О.Н. Образ Христа в поэзии И. А. Бунина В сб.: *Славянский мир: духовные традиции и словесность*. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 290–296.

REFERENCES

Агафонова 2009 — Agafonova V.D. *Biblical-Christian Problems in the Works of I. A. Bunin*. Extended abstract of candidate's thesis, Philology. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo RAN, 2009. 25 p. (In Russian).

Атаманова 2015 — Atamanova E. T. The Reminiscences of the New Testament in I. A. Bunin's Poetry of the 1910s. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015, (7(49) Ch. II): 24–27.

Бердникова 2009 — Berdnikova O. A. «The World of God is So Sweet to the Heart»: I. Bunin's Works in the Context of the Christian Spiritual Tradition. Voronezh: Izd-vo im. E. A. Bolkhovitinova, 2009. 272 p. (In Russian).

Бердникова 2018 — Berdnikova O. A. Spiritual and Geographical Vectors of I. A. Bunin's Journey «in the Footsteps of Christ». In: *New Testament Images and Plots in the Culture of Russian Modernism*. Moscow: Indrik, 2018. P. 172–189. (In Russian).

Грановская 2020 — Granovskaya L. M. The Biblical Text in the Work of I. A. Bunin (on the 150th Anniversary of his Birth) In: *Rossiiia Ivana Bunina i kul'tura russkogo Podstep'ia (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Bunina)*. Yelets: Bunin Yelets State University, 2020. P. 23–31. (In Russian).

Зайцев 1934 — Zaitsev K. I. A. Bunin. *Life and works*. Berlin: Izd-vo «Parabola», 1934. 267 p. (In Russian).

Иларион 2013 — Hilarion (Alfeyev), Met. *The Sacred Secret of the Church: An Introduction to the History and Problems of the Imiaslav Disputes*. St. Petersburg: «Izdatel'stvo Olega Abyshko»; Moscow: Khram ikony Bozhiie Materi «Vsekh skorbiashchikh Radost'» na Bol'shoi Ordynke v Moskve, 2013. 912 p. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/svjashennaja-tajna-tserkvi (date of access: 14.10.2021). (In Russian).

Иларион 2016 — Hilarion (Alfeyev), Met. *Jesus Christ: life and teaching*: in 6 books. Book 1. *The beginning of the Gospel*. Moscow: Izd-

vo Sretenskogo monastyria: Eksmo, 2016. 799 c. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/iisus-hristos-zhizn-i-uchenie-nachalo-evangelija-kniga-1/ (date of access: 14.10.2021). (In Russian).

Ковалева 2018 — Kovaleva T. N. Christian Images and Motives in I. A. Bunin Works of the 1920s. In: *Universitetskie chteniia – 2018*. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2018. P. 60–65. (In Russian).

Кошемчук 2009 — Koshemchuk T. A. *Russian literature in the Orthodox context*. St. Petersburg: Nauka, 2009. 278 p. (In Russian).

Подюков, Соломонов 2010 — Podukov I. A., Solomonov M. A. Specificity of Devil's Naming in Religious Verses of Prikamye. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*. 2010, (6 (12)): 18–23. (In Russian).

Соломонов 2011 — Solomonov M. A. *Christian Theonym in the Structure of the Folklore Text (based on the Material of the Kama Spiritual Verses)*. Extended abstract of candidate's thesis, Philology. Perm: Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2011. 21 p. (In Russian).

Талалаева 2011 — Talalaeva O. G. *Religious-biblical and Gothic Motives in the Prose of I. A. Bunin*. Extended abstract of candidate's thesis, Philology. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina, 2011. 24 p. (In Russian).

Фенчук 2010 — Fenchuk O. N. The Image of Christ in the Poetry of I. A. Bunin. In: *Slavianskii mir: dukhovnye traditsii i slovesnost'*. Tambov: TSU im. G. R. Derzhavina Publ., 2010. P. 290–296. (In Russian).

[хроники]

Юбилей Некрасова и Достоевского отметили конференцией в РГПУ

В Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена 19 ноября состоялась XIII Международная научно-практическая конференция «Человек в его духовном развитии: творчество Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского на занятиях по русскому языку и литературе в иностранной аудитории».

Конференция, приуроченная к 200-летним юбилеям великих писателей, прошла в онлайн-формате на базе Института русского языка как иностранного РГПУ. В работе конференции приняли участие представители ведущих учреждений высшей школы России, в том числе РГПУ им. А.И. Герцена, Московского государственного университета, Санкт-Петербургского го-

сударственного университета, Московского педагогического государственного университета, Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, Липецкого государственного педагогического университета, университетов Австрии, Финляндии, Казахстана, Китая.

На конференции прозвучали доклады по 4 тематическим направлениям: «Творчество Некрасова и Достоевского в аудитории студентов гуманитарного профиля», «Культурологический аспект преподавания русской литературы иностранным учащимся», «Вопросы методики преподавания русской литературы в иностранной аудитории», «Художественный текст на занятиях по РКИ: языковой аспект».

ЛЕКСЕМА *ВЕСНА* КАК СРЕДСТВО ОБРАЗНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

ANNA S. FALEEVA

THE LEXEME *VESNA* AS A MEANS OF FIGURATIVE REPRESENTATION OF THE INTERNAL STATE OF A PERSON

В настоящей статье рассматривается семантическое развитие слова *весна* на материале словарных толкований и текстов русской поэзии XIX века. Актуальность исследования обусловлена его обращённостью к проблемам лексической семантики и недостаточно изученным аспектам русской национальной (поэтической) картины мира. Цель исследования состоит в том, чтобы проследить появление и закрепление у лексемы *весна* переносного метафорического значения 'внутреннее состояние человека'. На основе компонентного анализа дефиниций 12 толковых словарей XVIII–XXI вв. и лингвостилистического анализа 270 поэтических контекстов XIX в., извлечённых из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка, делается ряд выводов об особенностях семантики и функционирования лексемы *весна* в русском языке. Показано, что в толковых словарях лексема *весна* имеет от 1 до 4 значений, при этом в большинстве дефиниций присутствуют семы а) прямого темпорального значения 'переходное время года' и б) переносного метафорического значения 'физическое состояние' (молодость) и / или 'эмоциональное состояние' (пора расцвета, душевного подъёма). Новизна исследования состоит в том, что в нём впервые описывается система языковых средств, в окружении которых лексема *весна* обретает метафорическое значение 'внутреннее состояние человека', и характеризуются признаки «весны в душе» или «весны в жизни» человека: это состояние счастливое («золотое»), временное, переходное, быстротечное, неуловимое, но возвратимое. Весна в поэтических текстах метафорически концептуализируется как «воздух» или «жидкость», проникающая в «контейнер» сердца, души или тела. Результаты исследования могут заинтересовать как лингвистов, так и литературоведов и могут быть учтены в ходе дальнейшего изучения лексико-семантической системы русского языка.

Ключевые слова: лексема *весна*; компонентно-дефиниционный анализ; семантическое развитие слова; метафоризация; внутреннее состояние; переходное состояние; русская поэзия XIX века.

**Анна Сергеевна
Фалеева**

магистрант, младший научный сотрудник
кафедры русского языка, культуры речи и
методики обучения ВятГУ

► FaleevaAnn@yandex.ru

Вятский государственный университет
610000, Киров, ул. Московская, 36

Anna S. Faleeva

Vyatka State University
610000, Kirov, Moskovskaya str., 36

The article examines the semantic development of the word 'vesna' (spring) based on the material of dictionary interpretations and texts of the 19th century Russian poetry. The relevance of the research is due to its appeal to the problems of lexical semantics and insufficiently studied aspects of the Russian national (poetic) picture of the world. The purpose of the study is to trace the appearance and to fix the 'the inner state of a person' figurative metaphorical meaning of the 'vesna' lexeme. Based on the component analysis of definitions from 12 explanatory dictionaries of the 18th – 19th centuries and linguo-stylistic analysis of 270 poetic contexts of the 19th century, extracted from the poetic subcorpus of the National Corpus of the Russian language, a number of conclusions are drawn about the peculiarities of the semantics and functioning of the 'vesna' lexeme in Russian language. The author proves that in explanatory dictionaries the lexeme 'vesna' has from one to four meanings, and in most definitions there are semes of a) direct temporal meaning 'transitional season', and b) figurative metaphorical meaning 'physical condition' (youth)

and/or 'emotional state' (time of flowering, spiritual uplift). The novelty of the study lies in the fact that it describes a system of linguistic means, surrounded by which the lexeme 'vesna' acquires a metaphorical meaning of the 'inner state of a person', and that the article specifies the signs of "spring in the soul" or "spring in the life" of a person: this is a happy ("golden") state, it is temporary, transient, fleeting, elusive, but returnable. 'Vesna' in poetic texts is metaphorically conceptualized as "air" or "liquid" penetrating into the "container" of heart, soul or body. The results of the study may be of interest to both linguists and literary critics and can be taken into account in the course of further study of the lexical and semantic system of the Russian language.

Keywords: lexeme 'vesna' (spring); component-definition analysis; semantic development of the word; metaphorization; internal state; transitional state; Russian poetry of the 19th century.

Введение

Активно развивающаяся в лингвистике в последние несколько десятилетий антропоцентрическая парадигма предполагает изучение вербализации эмоций и внутренних состояний как важнейших аспектов жизнедеятельности человека, который в этом случае определяется как *homo sentiens* — «человек чувствующий». В связи с этим исследование языковых средств выражения эмоций и внутренних состояний является актуальным направлением лингвистических исследований с конца XX века: см., например, монографию Л. Г. Бабенко «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» [Бабенко 1989], работу А. А. Камаловой «Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке» [Камалова 1994], монографию А. О. Прохорова «Семантические пространства психических состояний» [Прохоров 2002], монографию В. И. Шаховского «Лингвистическая теория эмоций» [Шаховский 2008] и др.

Одним из распространённых средств вербализации внутренних состояний является метафора, отражающая способность человека говорить о своих состояниях образно, находить сходство между психическими явлениями и реалиями внешнего, материального мира. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живём» выделили группы ориентационных и онтологических метафор, создающихся на основе переноса по принципу «внутри-наружи»: «Каж-

дый из нас — это вместилище, ограниченное поверхностью тела, с ориентацией “внутри — снаружи”» [Лакофф, Джонсон 2004: 54]. Взаимодействуя с окружающим миром, отражая происходящее в нём «внутри себя», человек расширяет представления о многих абстрактных сущностях, таких как явления природы, время и т. д. Е. Е. Юрков указывает на важность антропоцентрических метафор (обозначая такие метафоры как «→Ч», где Ч — это «человек»): «направление метафоризации «→ Ч» обладает а priori наибольшей лингвокультурологической значимостью» [Юрков 2012: 19].

Предметом анализа в настоящей статье является выражение семантики внутреннего состояния человека при помощи лексемы *весна* на материале текстов русской поэзии XIX века. Наш интерес к данному фрагменту русской языковой картины мира и в целом к образному потенциалу названий времён года [ср. Фалеева 2021а, 2021б] не случаен: с одной стороны, такого рода исследование находится в русле актуальных поисков лингвокультурологии и когнитивистики, с другой стороны, номинации времён года как средства репрезентации внутреннего состояния человека остаются недостаточно изученными. Далее кратко покажем, в чём заключается семантический потенциал лексемы *весна*, почему данная лексема, будучи номинацией одного из времён года, способна выступать как средство репрезентации внутреннего переходного состояния человека.

Значение лексемы *время* в словосочетании «время года» приближено к одному из значений слова *состояние*: «положение, в котором что-либо находится» [БТСРЯ 2000: 1241]. В хронопсихологии время определяется как «фундаментальная категория, связанная с изменениями состояния, длительностью, последовательностью», а также как «промежуток между двумя состояниями, отрезок на оси времени» [Михальский 2016: 4].

Лексема *весна* изначально входит в состав обозначений времени. В «Большом толковом словаре русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко названия времён года закономерно включены в денотативный класс «Время», в группу «Существительные, обозначающие время года». Все четыре времени года в данном словаре имеют

единообразные дефиниции. Ср.: «**Весна** — время года, следующее за зимой и предшествующее лету. **Лето** — время года, следующее за весной и предшествующее осени. **Осень** — время года, следующее за летом и предшествующее зиме. **Зима** — время года, следующее за осенью и предшествующее весне» [БТСРС 2005: 234]. В данных толкованиях при помощи лексем *следующий* и *предшествующий* выражается мысль о том, что времена года с чёткой очерёдностью переходят друг в друга.

Основная форма существования времени — это движение. В «Русском ассоциативном словаре» встречаются такие реакции на стимул время, как «не ждёт», «бежит», «пришло», «идёт», «летит», «течёт», «не стоит», «пошло», «пошло», «ушло» и т. д. [РАС]. О временах года мы метафорически говорим, что они *идут* друг за другом, *сменяют* друг друга, *приходят* и *уходят*.

В выделении времён года отражаются представления о «периодах стабильности» и «переходных периодах»: если лето и зима воспринимаются как «основные» и противопоставленные друг другу сезоны, как периоды контрастные в своей определённости, то весна и осень воспринимаются как «межсезонье», то есть периоды качественных изменений, движения либо от холода к теплу, либо от тепла к холоду. Подтверждение этому находим как в научной литературе, так и контекстах бытового, повседневного, общего характера. Например, в «Большой российской энциклопедии» при толковании лексем *весна* и *осень* используется словосочетание «*переходный сезон*», в то время как слова *лето* и *зима* определяются с помощью родовой семы 'время года' [БРЭ]. Ср. также: «Осень и весна представляют собой *переходные состояния* между летом и зимой» [Как древние люди объясняли смену времён года]. Одежду и обувь, которую люди носят осенью и весной, в сфере моды и торговли называют *демисезонной*. Это прилагательное этимологически восходит к французскому слову *demisaison* со значением «переходное время года».

Таким образом, применительно к временам года и явлениям природы мы используем слово *переходный* в значении 'промежуточный, являющийся переходом от одного состояния к другому' [Ожегов 2019: 419].

Цель

Цель данной статьи — проследить, каким образом выражается представление о весне как о внутреннем переходном состоянии человека в текстах русской поэзии XIX века. Мы обратимся к анализу метафорического употребления лексемы *весна* и рассмотрим, в какой период развития русского литературного языка у данной лексемы развилось и закрепилось кроме прямого, темпорального, также и переносное значение, характеризующее внутреннее переходное состояние человека.

В ходе работы были поставлены следующие задачи:

- проанализировать дефиниции лексемы *весна* в толковых словарях русского языка и проследить, как в словарных толкованиях отражается семантика внутреннего состояния человека;
- выявить в поэтических текстах XIX века примеры употребления слова *весна*, представляющие весну как период в жизни человека и выражающие значение 'весна — внутреннее состояние человека';
- охарактеризовать языковые средства, в окружении которых лексема *весна* употребляется в значении 'внутреннее состояние' / 'переходное внутреннее состояние';
- сделать вывод о взаимосвязи семантической эволюции слова *весна*, актуальности этой лексемы в поэтических текстах XIX века и отражении нового значения слова *весна* в словарных толкованиях.

Состояние изучения вопроса. Методы

В работах последнего времени лексема *весна* и концепт *весна* часто анализируются с точки зрения антропоцентризма. Например, Т.В. Салашник исследует когнитивные признаки лексемы *весна*, отражающиеся в русском и европейском языковом сознании. Автор методом психолингвистического эксперимента устанавливает, что понятийный и ассоциативный слои концептов *весна* и *spring* у русских и англичан в основном совпадают, расхождения встречаются в образном, метафорическом слое: «центральным образом для англоговорящих является образ цветов, для русских — образ воды» [Салашник 2007: 36]. Е.А. Бурмакова исследует, как в произведениях

В.М. Шукшина вербализуется образ весны-женщины, и приходит к выводу, что базовая метафора «весна — это женщина» может иметь множество смыслов и выражений, но в текстах В.М. Шукшина *женщина-весна* — это прежде всего *женщина-труженица*. [Бурмакова 2017]. Статья К.А. Кочновой посвящена исследованию лексико-семантического поля *весна* в языковой картине мира конкретной языковой личности — А.П. Чехова. Отмечается, что в художественно-речевой системе А.П. Чехова «ядерная лексема *весна*... обладает ярко выраженным положительным потенциалом». [Кочнова 2016: 183].

При всём разнообразии подходов к рассмотрению лексемы *весна* семантика весны как внутреннего состояния человека остаётся недостаточной исследованной.

Материалом настоящего **исследования** явились 270 употреблений слова *весна* в поэтических контекстах, извлечённых из стихотворений авторов XIX века от Державина и Жуковского до Брюсова, Мережковского и Блока, представленных в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ].

В качестве основных **методов** в работе использовались метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа; для получения общих статистических данных использовались корпусные менеджеры НКРЯ.

Обсуждение

Лексема *весна* в толковых словарях русского языка

Анализ интересующего нас аспекта семантики лексемы *весна* следует начать с рассмотрения словарных дефиниций.

Лексема *весна* (как и лексема *осень*) в современном русском литературном языке полисемична. Ср., напр., представление лексемы *весна* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева: «**1. Весна** — это время года, которое наступает после зимы (март, апрель, май). *Ранняя, поздняя, холодная, тёплая весна.* | *Весна наступает, приходит, вступает в силу.* | *Поставить машину в гараж до весны.* **2. Весной** называют период молодости или время радостных событий

в жизни человека. *В дни её весны кавалеры были гораздо учтивее.* **3. Весной** какой-либо деятельности называют её самый начальный период, когда кто-либо только начинает этим заниматься. *Может быть, осень 1999 года войдёт в историю как весна рекрутинга.* **4.** Выражение **по весне** означает то же, что **весной**, т.е. во время весны, но является более стилистически окрашенным. Оно может использоваться в разговорном и поэтическом языке» [ТСРЯ 2003: 107–108]. См. также толкование лексемы *осень* [ТСРЯ 2003: 774].

Однако многозначность лексемы *весна* начала отражаться в толковых словарях довольно поздно и вплоть до настоящего времени отражается непоследовательно.

Например, в «Словаре Академии Российской» (1789) *весна* определяется как «время, начинающееся от вступления солнца в знак Овна и продолжающееся до вступления онога в знак Рака» [САР 1789: столбец 663]. Как видим, у слова *весна* выделяется лишь одно значение, и толкование этого прямого значения даётся посредством указания на «астрологические» границы данного периода.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (первое издание — 1863–1866 гг.) в толковании значения слова *весна* находим семы временности и промежуточного положения, выражаемые предлогом *между*. Этот предлог указывает на весну как на период, продолжающийся между противоположными по состоянию природы временами года: «**Весна** — одно из четырех времен года, *между* зимою и летом» [Даль 2009: 121]. Сема временности присутствует и в родовом понятии — *время года*, а также находит отражение в иллюстративном материале: «*весна слетает с земли*».

Переносные значения лексем *весна* и *осень* впервые получили словарную фиксацию только в XX веке в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, ср.: «**Весна** — **1.** Время года между зимой и летом. **2.** Молодость как время надежд и мечтаний (поэт.). *Весны моей золотые дни.* Пшкн» [ТСРЯ 1935: 260]. «**Осень** — **1.** Одно из четырёх времён года, между летом и зимой... **2. перен.** Увядание, одряхление, приближение конца (книжн. поэт.). *Осень Эллады*» [ТСРЯ 1938: 862]. Обратим

внимание на пометы к вторым значениям слов *весна* и *осень*: «поэтическое», «книжное», «переносное».

Примечательно, что в более позднем по времени создании словаре С. И. Ожегова (первое издание — 1949 г.) у слова *весна* вновь выделяется лишь одно значение, однако в иллюстративном материале представлен и переносный смысл: «**Весна** — время года, следующее за зимой и предшествующее лету. *Поздняя, ранняя, дружная весна... Весна в чьей-л. жизни* (перен.: о молодости)» [Ожегов 2019: с. 74]. В данной дефиниции находим сему движения, перехода, которая содержится в причастии *следующее*. Переносное значение лексемы отражено в примере «весна в чьей-либо жизни» и комментарии к нему: «перен.: о молодости».

В «Словаре современного русского литературного языка» выделяются два самостоятельных значения — прямое и переносное, ср.: «**Весна** — 1. Время года, сменяющее зиму и предшествующее лету, характеризующееся удлинением дня, наступлением тепла. Появлением перелётных птиц и т.д. ... 2. *Переносно*. Молодость (обычно в поэтической речи) [ССРЛЯ 1951: 221–222]

В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, как и в словаре С. И. Ожегова, и прямой, и переносный смыслы объединены в одной дефиниции: «**Весна** — время года между зимой и летом... || перен. Пора расцвета. Молодости» [СРЯ 1985: 156].

Напротив, в «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова, как и в словаре Д. Н. Ушакова, прямое и переносное значение разделены. Прямое значение лексемы *весна* в словаре С. А. Кузнецова содержит два указания на семантику переходности: причастия *наступающее* и *сменяющееся*: «Весна — время года, *наступающее* за зимой и *сменяющееся* летом». Во втором, переносном значении, *весна* определяется как «*пора расцвета*, молодости» [ср. БТСРЯ 2000: 121].

В «Комплексном словаре русского языка» под ред. А. Н. Тихонова также выделяется два значения слова *весна*: «**Весна** — 1. Время года между зимой и летом. ... 2. Перен. Пора расцвета, молодости (обычно в поэтической речи)» [КСРЯ 2001: 77].

Таким образом, толковые словари в период с XVIII по XXI в. фиксируют от 1 до 4 значений лексемы *весна*. В целом данные словарей показывают, что семантика лексемы *весна* постепенно расширяется. Сколько бы значений формально ни выделялось в словарях, можно сказать, что словари кодифицируют три значения этого слова: прямое — ‘переходное время года’ и переносные — ‘физическое состояние’ (молодость) и ‘эмоциональное состояние’ (пора расцвета, душевного подъема). Заметим, что «пора расцвета» как время наивысшего подъема душевных сил может быть не только в юном возрасте, и это значит, что состояние «весны в душе» может возникнуть в любой момент жизни человека. Переносные смыслы лексемы *весна* сопровождаются пометами «книжн.», «поэт.», «обычно в поэтической речи». Это значит, что динамику появления переносного значения лексемы *весна* следует отслеживать именно на материале поэтических текстов. Далее обратимся к непосредственному анализу языкового материала.

Лексема *весна* в текстах русской поэзии XIX века

Многозначность лексемы *весна* находит отражение в художественных текстах начиная с XVIII века. Как отмечает литературовед А. Г. Маслова, «тема соотнесения календарных природных изменений с жизнью человека широко распространяется в русской лирике в конце XVIII — начале XIX вв.» [Маслова 2010: 320]. Действительно, в XIX веке в поэтических текстах количество употреблений слова *весна* и его производных стало заметно расти из-за параллельно развивающихся и взаимодействующих пейзажной и философской лирики.

Используя корпусные менеджеры Национального корпуса русского языка [НКРЯ], мы получили статистику употребления лексемы *весна* в отдельные периоды XIX столетия и заметили, что с начала XIX века до 1860-х гг. это слово употребляется в русской поэзии стабильно часто, затем происходит спад употребления, а с 1870-х гг. до конца XIX века наблюдается повышенный интерес поэтов к данному слову, позволяющему образно выразить состояние

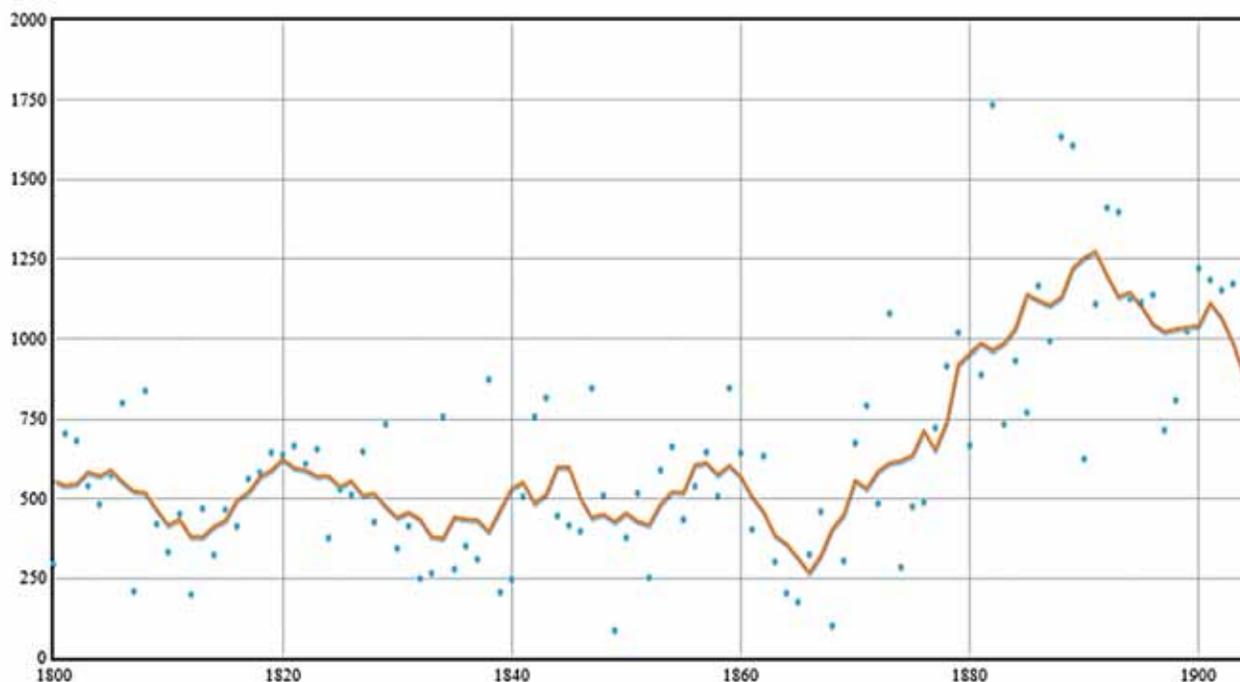

Рис. 1. Динамика употребления лексемы **весна** в текстах русской поэзии XIX в. (по данным НКРЯ).

душевного подъёма или воспоминания о поре расцвета лирического героя (см. рис. 1).

На материале 270 употреблений слова *весна* из стихотворений русских поэтов XIX века рассмотрим, какие языковые средства используются для репрезентации с помощью этой лексемы состояния и, в частности, переходного состояния человека.

В стихотворениях XIX столетия лексема *весна* последовательно употребляется в окружении «приятной лексики» и поэтизмов. В контекстах встречаются такие слова и словосочетания, как *сени счастья, блаженство, райские дни, свет, радость, цветы, мечты* и т. д. Многие из них указывают на сентиментальное состояние: *Прими меня с досугами, мечтами, // Венчавшими весною цветами* (Вяземский); *Но где же вы, минуты умиленья, // Младых надежд, сердечной тишины? // Где прежний жар и слезы вдохновенья?.. // Придите вновь, года моей весны!* (Пушкин); *Баснословные виденья, // Неземные сновиденья, // Что поэту суждены // В дни святой его весны* (Мятлев).

Особо стоит отметить частотность употребления лексемы *весна* с эпитетами *златая* или *золотая*. 27 из 270 анализируемых примеров представляют собой словосочетания *златая весна / золотая весна*. Прилагательное *золотой* здесь используется в переносном значении ‘самый счастливый, благоприятный’: *Не зрит лишь он златой весны: // его померкли взоры* (Жуковский); *Позабыла душа неземную страну, // где встречала она золотую весну* (Льдов); *Весны золотой невозвратные дни, // Как песни любви отзвучали они!* (Лохвицкая). Традиционно *золотым* называется время детства, юности, молодости [ФСРЛЯ 2008: 99].

Слово *весна* с семантикой периода жизни, внутреннего физиологического состояния молодости, чаще всего употребляется в сочетании с притяжательными местоимениями. В контекстах находим 113 примеров, в которых выражается значение ‘весна – юность’: *Так лети ж, мечта златая, // Увядай, моя весна!* (Кюхельбекер); *Но там найдешь уют мечтам и наслажденью // И возвращу ль свою весну?* (Крылов А.); *Чтоб клеветы и зло-*

бы яд // Не отравил **весны твоей** (Плещеев); Он забывал уж образ милый // Подруги лет **его весны** (Коншин). Авторы пишут о поре расцвета в жизни лирического героя, и притяжательные местоимения указывают на неотъемлемую принадлежность «весеннего» состояния конкретному лицу.

Семантика внутреннего эмоционального состояния выражается при помощи употребления предлога *в* (*во*) и личных местоимений: *Тепла, ароматна она, — // В ней дышит уж Май торопливый, // В ней дышит младая весна...* (Ростопчина); *Когда ж опять во мне проснется // Порыв любви, порыв весны?* (Бахтурин); *И вечная жизни весна // В нем солнцем любви зажжена...* (Щербина); *В ней — осень, ей нужна весна // Восторгов ядовитых* (Бальмонт). Весна таким образом репрезентуется как состояние, «помещающееся внутри человека». На это также указывают частотные примеры употребления сочетаний *весна в сердце, весна в душе, весна в груди*.

А. Д. Шмелёв в работе «Русская языковая модель мира. Материалы к словарю» отмечает: «душа — вместилище всех внутренних состояний» [Шмелёв 2002: 22]. В. А. Маслова пишет о сердце: «в русской и белорусской картинах мира сердце — средоточие эмоций», подтверждая это словами Б. П. Вышеславцева: «Сердце — это центр жизни вообще: физической, психической, духовной и душевной» [Маслова 2001: 138].

В проанализированных контекстах нам удалось обнаружить 30 примеров употребления слова *весна* в сочетании со словоформами *в сердце, в душе, в груди*: *Но в сердце пастуха весны приходу нет* (Муравьев); *Лучи к ним в душу не сходили, // Весна в груди их не цвела* (Тютчев); *У него в душе витала // Вечная весна* (Полонский); *Опять весна в груди — и счастье опять* (Фет). Примеры показывают, что весна не просто «находится» в душе, в сердце или в груди, а проявляет себя в действии: *витают, цветёт, зеленеет, поёт, отцветает, ходит*, ср.: *Весна мне неведомых полная сил, // И в сердце моем зеленеет!* (А. К. Толстой).

По мнению Лакоффа и Джонсона, мы часто используем онтологические метафоры для понимания событий, действий, занятий и состояний: «События и действия метафорически

концептуализируются как объекты, занятия как вещества, состояния как контейнеры» [Лакофф, Джонсон 2004: 56]. Важно отметить, что в поэтических текстах весна — это не состояние, в которое «погружается» человек (то есть не «состояние-контейнер»), а состояние, которое само проникает в «человека-контейнер», как воздух или как жидкость. Ср.: *Казалось мне, что овевало // Меня незримо весной!* (Тютчев); *Вдруг ветер подует, теплый и сырой, // Опавший лист погонит пред собою // И душу нам обдаст как бы весною...* (Тютчев); *Будто живется опять мне, как смолоду жилось; // Будто мне на сердце веет бывальными веснами* (Мей). В данных примерах весна воспринимается как часть атмосферы, «проникающая» в человека и вводящая его в определённое состояние. Примечательно, что в каждом из примеров присутствуют слова, выражающие субъективную модальность со значением неопределённости: *казалось, как бы, будто*. Они указывают на нечёткость понимания лирическим субъектом собственного состояния. Как отмечает Л. В. Калинина, явления, которые не могут быть «раз и навсегда зафиксированы и чётко определены», относятся к сфере неуловимого [Калинина 2016: 63]. Таким образом, раскрывается ещё один признак весны как внутреннего состояния — неуловимость.

Реже весна как внутреннее состояние «наполняет» человека, как жидкость: *Мы все полны на миг любовью и весною* (Мережковский); *Цветет зеленый луг; чистейший воздух горной // Прохладой сладостной и негой животворной // Струится в грудь мою, — и полон я весной!* (Языков); Человек может полностью сливаться с весной, соотносить себя с ней, а иногда противопоставлять ей себя: *Я ли весна, иль грущу о весне?* (Добролюбов); *Быть может, я встречу весну, // Но с ней никогда не сольюсь.* (Коневской).

Весна как внутреннее состояние, «проникшее в человека», может рождать радостные чувства: *А чувства — отпрыски тепла и тишины // Какой-то внутренней, чудеснейшей весны!* (Случевский).

Таким образом, в поэтических текстах регулярно выражается значение «весна — внутреннее состояние», причем не статичное, а динамическое, способное существовать в различных проявлениях

ях и модифицироваться. Иммануил Кант утверждал: «непрерывный переход из одного состояния в другое — это способ существования любого явления» [цит. по: Ловягина 2014: 7].

Исследуемые контексты показывают, что для весны как временного, переходного и неуловимого состояния характерна прежде всего быстротечность. Интересно отметить, что в английском языке этимология слова *весна* напрямую связана со скоростью и быстротой: «The Concise Oxford Dictionary» предлагает такую этимологию лексемы *spring*: «восходит к старо-английскому и имеет индоевропейскую основу, значение которой определяется как “to move quickly” (“двигаться быстро”)» [Салашник 2007: 35].

В русских поэтических текстах отражается, что весна воспринимается людьми как непродолжительное время года: *Зимы — долги, вёсны — кратки* (Случевский); *Я в детстве раза три не замечал весны* (Случевский). Однако главным образом авторы подчёркивают мимолётность весны как периода жизни и внутреннего состояния. Средствами выражения быстротечности весны-молодости, внутреннего физического состояния являются:

1) наречия времени *быстро, скоро (скорей), недолго, рано*: *О дней моих весна, как быстро скрылась ты // С твоим блаженством и страданьем!* (Жуковский); *О дни весны моей, вы скоро утекли* (Пушкин);

2) глаголы прошедшего времени совершенного вида с семантикой быстрого движения, исчезновения: *скрылась, унеслась, мелькнула: Пора моей весны, пора очарований, // Пора беспечных снов, надежд и ожиданий, // Как неожиданно, как рано скрылась ты* (Алмазов);

3) глаголы повелительного наклонения при обращении к субъекту весеннего состояния: *Спеши прожить твою весну // — Другой весны не будет боле; // Спеши, творения краса!* (Жуковский);

4) глаголы и глагольные формы с корнем -мч-: *промчалась, промчавшейся, промчит-ся, умчала: Пора весны его с любовью, тоской // Промчалась перед ним.* (Пушкин); *Моя беспечная весна // Промчалась — чувствую и знаю* (Языков);

5) прилагательные *краткий, мгновенный*: *Утратив рано без возврата // Свою мгновенную весну, // Клонится к гробовому сну, // Пустой надеждою богатый.* (Шербина); *На краткий миг оживлены // Восторгом чуждой вам весны!* (Фофанов);

6) существительные *мгновение, миг*: *Где вы, весны моей мгновенья золотые?* (Дуров);

7) тропы: *дни весны, как призрак легкий, улетели; годы золотые прошли, как день; катились весенние дни; весна — минутный взрыв откровений; дни весны пролетели; дни весны утекли.*

Выделяются также средства выражения быстротечности весны как эмоционального состояния, душевного подъёма: существительное *порыв* со значением мгновенное проявление: *Когда ж опять во мне проснутся // Порывы чистые весны?* (Бахтурин); наречие *на миг*: *Мы все полны на миг любовью и весною* (Мережковский); сочетание *нет уже*: *Но нет уже весны в душей моей* (Баратынский).

Весна как лучший период жизни может возвращаться и повторяться в виде эмоционального состояния. Это подтверждает использование глаголов *воскресать, приходить, воротиться, перенестись*: *Весна моих воскресла лет; // Играют чувства, веет радость* (Глинка); *И как будто воротилась // Снова дней моих весна; // Сердце весело так билось, // Так душа была ясна* (Плещеев); *К своей весне переносилась // Разгоряченную мечтой* (Языков). Весна в этих примерах выступает как образ из прошлого — регулятор состояния. А.О. Прохоров отмечает: «Семантические пространства психических состояний включают “накопленные” следы переживаний, осуществленной ранее (“прошедшей”) деятельности, поведения, физиологических реакций и др. Это — следы “сцепления” семантических пространств с предметами, ситуациями и обстоятельствами жизнедеятельности субъекта» [Прохоров 2002: 267].

Заключение

Таким образом, слово *весна* в современном русском языке является не только темпоральной, но и обозначающей внутреннее состояние челове-

ка лексемой. Многозначность данной лексемы начала регулярно проявляться в поэтических текстах XIX века. Частотность её употребления в разные периоды XIX века связана, как можно полагать, с параллельным развитием пейзажной и философской лирики. Именно под влиянием философских представлений о времени и состоянии расширилась семантика данной лексемы. В поэтических текстах XIX века лексема *весна* обозначает временное, быстротечное, переходное, неуловимое, но возвратимое состояние человека. Кроме того, образ весны может быть регулятором внутреннего эмоционального состояния. В поэтических текстах весна метафорически концептуализируется как состояние-воздух или состояние-жидкость, наполняющее человека, а точнее некую «ёмкость», некое «вместилище», или «контейнер» внутри него (душу, сердце, грудь). К началу XX столетия в стихотворениях возрастает количество окказиональных средств выражения значения 'весна — внутреннее состояние человека', представляющих интерес для дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко 1989 — Бабенко Л. Г. *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке*. Свердловск: Из-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
- Бурмакова 2017 — Бурмакова Е. А. Текстовая актуализация базовой метафоры «Весна — это женщина» (на материале произведений В. М. Шукшина). *Вестник ТГПУ*. 2017, (7): 25–31.
- Камалова 1994 — Камалова А. А. *Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке*. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994. 130 с.
- Калинина 2016 — Калинина Л. В. Изучение семантики неуловимого как лингвистическая и когнитивная проблема. *Вестник ВятГУ*. 2016, (3): 63–67.
- Кочнова 2016 — Кочнова К. А. Лексико-семантическое поле «Весна» в языковой картине мира А. П. Чехова. *Сибирский филологический журнал*. 2016, (1): 178–184.
- Ловягина 2014 — Ловягина А. Е. *Психические состояния человека*. СПб: СПбГУ, 2014. 120 с.
- Лакофф, Джонсон 2004 — Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. Перев. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. М.: Едиториал, 2004. 256 с.
- Маслова 2010 — Маслова А. Г. Времена года в поэзии Г. Р. Державина. *Преподаватель XXI век*. 2010, (3): 317–324.
- Маслова 2001 — Маслова В. А. *Лингвокультурология*. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
- Михальский 2016 — Михальский А. В. *Психология времени (хронопсихология)*. М., 2016. 72 с.
- Прохоров 2002 — Прохоров А. О. *Семантические пространства психических состояний*. Дубна: Феникс+, 2002. 280 с.
- Салашник 2007 — Салашник Т. В. Концепты 'зима' и 'весна' в национальном сознании носителей русского и английского языков. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2007, (2): 35–40.
- Фалеева 2021a — Фалеева А. С. Лексическое окружение слова *осень* в текстах русской поэзии XIX века. *Филологический аспект*. 2021, (6): 17–27.
- Фалеева 2021b — Фалеева А. С. Отражение коннотативных признаков лексемы *зима* в речи вятских диалектоносителей. В сб.: *Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов*. Киров: «Радуга-ПРЕСС», 2021. С. 160–168.
- Шаховский 2008 — Шаховский В. И. *Лингвистическая теория эмоций*. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Шмелёв 2002 — Шмелёв А. Д. *Русская языковая модель мира*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
- Юрков 2012 — Юрков Е. Е. Метафора семантической сферы «природа» в аспекте антропоцентризма. *Мир русского слова*. 2012 (1): 17–21.

REFERENCES

- Бабенко 1989 — Babenko L. G. *Lexical means of emotion designation in the Russian language*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1989. 184 p. (In Russian)
- Бурмакова 2017 — Burmakova E. A. Text actualization of basic metaphor «spring is a woman» (on the material of V. M. Shukshin's literary works). *Vestnik TGPU*. 2017, (7): 25–31. (In Russian)
- Камалова 1994 — Kamalova A. A. *Formation and functioning of vocabulary with the meaning of mental state in the Russian literary language*. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. mezhdunar. ped. un-ta Publ., 1994. 130 p. (In Russian)
- Калинина 2016 — Kalinina L. V. Researching the semantics of the elusive as a linguistic and cognitive problem. *Vestnik VyatGU*. 2016, (3): 63–67 (In Russian)
- Кочнова 2016 — Kochnova K. A. The lexico-semantic field «spring» in the language picture of A. P. Chekhov's world. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2016, (1): 178–184. (In Russian)
- Ловягина 2014 — Loviagina A. E. *Mental states of a person*. St. Petersburg: Fakul'tet psikhologii SPbGU Publ., 2011. 652 p. (In Russian)
- Лакофф, Джонсон 2004 — Lakoff D., Dzhonson M. *Metaphors we live by*. Transl. from English by A. N. Baranov, A. V. Morozova. Moscow: Editorial Publ., 2004. 256 p. (In Russian)
- Маслова 2010 — Maslova A. G. Seasons in the poetry of G. R. Derzhavin. *Prepodavatel' XXI vek*. 2010, (3): 317–324. (In Russian)
- Маслова 2001 — Maslova V. A. *Linguoculturology*. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiiia» Publ., 2001. 208 p. (In Russian)
- Михальский 2016 — Mikhail'skii A. V. *Psychology of time (chronopsychology)*. Moscow: MPGU Publ., 2016. 72 p. (In Russian)

Прохоров 2002 — Prokhorov A. O. *Semantic spaces of mental states*. Dubna: Feniks + Publ., 2002. 280 p. (In Russian)

Салашник 2007 — Salashnik T. V. Concepts 'winter' and 'spring' in national consciousness of russian and english native speakers. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2007, (2): 35–40. (In Russian)

Фалеева 2021a — Faleeva A. S. Lexical context of the word *osen'* in the texts of Russian poetry of the XIX century. *Filologicheskii aspekt*. 2021, (6): 17–27. (In Russian)

Фалеева 2021b — Faleeva A. S. Reflection of connotative signs of the lexeme *winter* in the speech of Vyatka dialect speakers. In: *Semantika. Funktsionirovanie. Tekst: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Kirov: «Raduga-PRESS» Publ., 2021. P. 160–168. (In Russian)

Шаховский 2008 — Shakhovskii V.I. *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnozis Publ., 2008. 416 p. (In Russian)

Шмелёв 2002 — Shmelev A. D. *Russian language model of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. 224 p. (In Russian)

Юрков 2012 — Iurkov E. E. Metaphor of “nature” semantic sphere in anthropocentric view. *Mir russkogo slova*. 2012 (1): 17–21. (In Russian)

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

БРЭ — Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]: <https://bigenc.ru/vocabulary> (Дата обращения 21.09.2021)

БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-Пресс-Книга, 2005. — 863 с.

БТСРЯ 2000 — Большой толковый словарь русского языка: А-Я / Под ред. С. А. Кузнецова. РАН. Ин-т лингв. исслед. — СПб: Норинт, 2000. — 1534 с.

Даль 2009 — Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современное написание / — М.: Астрель: АСТ, 2009. — 983 с.

Как древние люди объясняли смену времён года. [Электронный ресурс]: <https://okosmose.com/god/kak-drevnie-lyudi-obyasnyali-smenu-vremen-goda.html> (Дата обращения 21.09.2021)

КСРЯ 2001 — Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. — М.: Русский язык, 2001. — 1229 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

Ожегов 2019 — Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. — 27-е изд., испр. — М.: АСТ: Мир и Образование, 2019. — 736 с.

РАС — Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>

САР 1789 — Словарь Академии Российской. Императорская Академия Наук — СПб.: 1789-1794. Ч. 1 от А до Г, — 1150 с.

СРЯ 1985 — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. В 4 т. — Т.1. — М.: Русский язык, 1985. — 696 с.

ССРЛЯ 1951 — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. — Т.2. — М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. — 1395 с.

ТСРЯ 1935 — Толковый словарь русского языка в 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1 — М.: «Полиграфкнига», 1935 — 1566 с.

ТСРЯ 1938 — Толковый словарь русского языка в 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2 — М.: «Полиграфкнига», 1938 — 1040 с.

ТСРЯ 2003 — Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. — М.: Астрель: АСТ, 2003. — 1582 с.

ФСРЛЯ — Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. Под ред. А. И. Фёдорова — М.: Астрель: АСТ, 2008. — 878 с.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: СЛУЧАЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

VALERII A. EFREMOV

CULTURAL MEMORY AND PRECEDENT PHENOMENA: FYODOR DOSTOEVSKY'S CASE

Актуальный для широкого круга гуманитарных наук междисциплинарный феномен культурной памяти до сих пор не получил адекватной методики лингвистического исследования, хотя именно филологии семиотики (Я. Асман, А. Асман, Ю. М. Лотман и др.) подвели под исследование этого вида социальной памяти собственно научный фундамент. Представляется, что мощным орудием лингвистических исследований культурной памяти может стать теория прецедентных феноменов, восходящая к работам ак. Ю. Н. Караулова и его последователей. В статье с опорой на теоретическое описание современных концепций культурной памяти и прецедентности фрагментарно представлены результаты проведенного группой петербургских филологов лингвосоциологического эксперимента, цель которого — анализ интертекстуального тезауруса русскоязычных старшеклассников и студентов. Небольшая часть материалов эксперимента, представленных в данной статье, достаточно репрезентативно позволяет установить, какие и в какой степени сохранности восходящие к творчеству Ф. М. Достоевского прецедентные феномены продолжают сохраняться в языковом сознании молодого россиянина. Полученные в ходе эксперимента результаты амбивалентны: с одной стороны, они обнаруживают хорошую сохранность ряда прецедентных феноменов (прежде всего, связанных с базовым курсом школьной литературы: «Преступление и наказание», *Раскольников*, «Тварь я дрожащая или право имею?»), с другой стороны, они убедительно доказывают несформированность долговременной памяти о глубоком содержании самих художественных текстов и отсутствие индивидуально-личной апроприации русских классических текстов, что в ряде случаев может привести к квазипрецедентности тех или иных фрагментов культурной памяти в языковом сознании современного молодого россиянина.

Ключевые слова: культурная память; прецедентные феномены; Достоевский; лингвосоциологический эксперимент.

The interdisciplinary phenomenon of cultural memory, which is relevant for a wide range of humanities, has not yet received an adequate method of linguistic research, although philologists and semeiologists (Jan Assman, A. Asman, Yuri Lotman and others) have developed a scholarly foundation for the research of this type of social memory. The author supposes that the main tool for the linguistic investigation of cultural memory is the theory of precedent phenomena, going back to the works of academician Yuri Karaulov and his followers. The article is based on a theoretical description of modern concepts of cultural memory and precedents. It presents excerpts from the results of a linguo-sociological experiment conducted by a group of St. Petersburg philologists, the purpose of which is to analyze the intertextual thesaurus of Russian-speaking high school and university students. This article, presenting a small part of the experiment materials, gives an idea of what precedent phenomena from Dostoevsky's works still persist in the linguistic consciousness of young Russians and what is the degree of preservation of the studied precedent phenomena.

**Валерий Анатольевич
Ефремов**

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка

► valef@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена

199034, Санкт-Петербург,
наб. Мойки, 48

Valerii A. Efremov

Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika Emb., St. Petersburg, Russia, 191186

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»)

The experimental results are ambivalent: on the one hand, they reveal a good preservation of a number of precedent phenomena (first of all, those associated with the basic course of literature at high school: "Crime and Punishment", Raskolnikov, "Whether I am a trembling creature or whether I have the right"). On the other hand, they convincingly prove the lack of formation of long-term memory about the deep content of the literary texts or the absence of individual and personal appropriation of Russian classical texts, which in some cases can lead to the quasi-precedence of certain fragments of cultural memory in the linguistic consciousness of a modern young Russian.

Keywords: cultural memory; precedent phenomena; Dostoevsky; linguo-sociological experiment.

В 2021 г. исполнилось 200 лет со дня рождения одного из крупнейших русских писателей — Ф. М. Достоевского. Он один из самых актуальных и востребованных, цитируемых, переводимых и экранизируемых русских авторов в сегодняшнем мире. В разных странах его творческое наследие анализируется литературоведами и философами, лингвистами и историками, культурологами и психологами; по его произведениям ставят оперные, балетные и драматические спектакли, снимают кинофильмы и сериалы, рисуют комиксы и создают настольные и компьютерные игры.

Знакомство с жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского — обязательный этап биографии любого образованного россиянина (школьные уроки литературы и истории; музеи, многочисленные памятники и памятные места по всей стране; длинный и постоянно пополняющийся список экранизаций и театральных постановок и т. д.). Однако что из творчества Ф. М. Достоевского и как именно хранит культурная память в языковом сознании тех, кто родился в конце XX — начале XXI века?

Культурная память: филологический подход

Филологический аспект исследования культурной памяти практически одновременно возникает в немецкой и советской филологии в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века.

В ставшей классической работе «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (1992; рус. пер. 2004), вслед за работами М. Хальбвакса, филолог классик и историк Ян Асс-

ман выделяет четыре вида коллективной памяти: миметическую, предметную, коммуникативную и культурную. Миметическая память связана с деятельностью, которой члены общества обучаются через подражание; этот тип памяти может вербализоваться, например, в виде «инструкций по применению, поваренных книг, строительных пособий» [Ассман 2004: 19]. Предметная память связана с артефактами и всем тем, что окружает человека: от домашней утвари до транспорта и городов. Каждый рукотворный элемент окружающего мира так или иначе хронологически маркирован и репрезентирует элемент того или иного общества. Разумеется, этот тип культурной памяти с языком связан весьма опосредованно. Коммуникативная память — это «те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [там же: 52]. Типичный пример — память поколения. Предполагается, что этот тип памяти мало формализован, интеракционален по своей природе и обусловлен общественными связями: «язык и способность коммуницировать с окружающими человек приобретает не изнутри, из самого себя, а только в общении с другими, в круговом, или возвратном, взаимодействии внутреннего и внешнего. <...> сознание и память создаются в отдельном человеке только благодаря его участию в этом взаимодействии» [там же: 20]. Коммуникативную память характеризуют: а) недолговечность (сам автор полагал, что это 80–100 лет, временной горизонт в 3–4 поколения); б) трансляция через непосредственный опыт и устные рассказы; в) отсутствие точек пересечения с глубоким прошлым, так как она формируется историческим опытом в рамках индивидуальных биографий. Культурная память, по Яну Ассману, это форма «передачи и воскрешения» культурных смыслов, которая образует семиотическое пространство, вбирающее в себя все другие формы коллективной памяти. Более того, каждая социальная страта вбирает и (ре)конструирует знание о себе и своей идентичности, формируя присущую именно ей культурную память: «В противоположность общераспространенной причастности к коммуникативной памяти, причастность к культурной памяти всегда дифференцирована» [там же:

56]. В контексте современных психолингвистики и лингвокультурологии обнаруживается непосредственная связь культурной памяти с национальным культурным кодом, с прецедентными феноменами тех или иных микросоциумов. (Попутно заметим, что, на наш взгляд, с лингвистической точки зрения культурную память той или иной лингвокультуры характеризуют в первую очередь такие явления, как крылатые слова и прецедентный тезаурус, а коммуникативную память — актуальные для конкретного хронологического среза прецедентные феномены.) Итак, культурная память — это не только и не столько хранилище информации, сколько сложноструктурированная и постоянно трансформирующаяся система.

Историк и культуролог Алейда Ассман противопоставляет культурную память другим форматам коллективной памяти: социальной, индивидуальной и политической. Социальная память, как и коммуникативная память Я. Ассмана, в ее концепции предстаёт в виде «оперативной памяти» общества и определяется достаточно короткими временными рамками: «динамика памяти общества существенно определяется сменой поколений. Каждая такая смена, происходящая примерно с тридцатилетним периодом, заметно сдвигает в обществе профиль его воспоминаний. Позиции, которые раньше господствовали или считались репрезентативными, постепенно перемещаются от центра к периферии» [Ассман 2014: 24]. Таким образом, социальная и индивидуальная память «персонифицированы», так как детерминированы памятью индивидов и их интеракциями. Культурная и политическая же память, напротив, имеют иную природу: эти типы долговременной памяти позволяют устранить разрыв поколений, обеспечить единство культурного кода отцов и детей. Важной в концепции А. Ассман является мысль о том, что с ходом времени в культурной памяти обязательно смещается восприятие тех или иных культурных смыслов: этот процесс неизбежен в связи со сменой эпох или обновлениями коммуникативной памяти. Таким образом, обновление культурной памяти (а в нашем случае — и прецедентных феноменов) — закономерный и неизбежный процесс развития любого общества, любой лингвокультуры.

Исследование культурной памяти неразрывно связано и с идеями основателя Московско-тартуской школы Ю.М. Лотмана, неоднократно писавшего о важности для семиотического анализа культуры понятия память культуры, которую он также связывал с коллективной памятью: «всякое функционирование какой-либо коммуникативной системы подразумевает существование общей памяти коллектива» [Лотман 1986: 616]. Саму суть культуру автор напрямую определяет через концепт памяти: «С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т.е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [Лотман 1992: 200]. Для семиотического подхода важно, что культурная память обеспечивается списком некоторых константных текстов, которые и создают общее пространство данной культуры. Забегая вперед, с уверенностью можно сказать, что названия этих консонантных текстов неминуемо трансформируются в прецедентные тексты (в узком понимании термина).

Второй важный аспект концепции культурной памяти Ю.М. Лотмана — «память культуры не только едина, но и внутренне разнообразна. Это означает, что ее единство существует лишь на некотором уровне и подразумевает наличие частных «диалектов памяти», соответствующих внутренней организации коллективов, составляющих мир данной культуры» (там же). Эта мысль Ю.М. Лотмана важна для выявления различий в структуре интертекстуального тезауруса и списка прецедентных феноменов у представителей разных социальных страт. Иными словами, каждый микросоциум и присущая ему (микро)культура имеют свой, уникальный список прецедентных феноменов, который одновременно сосуществует с прецедентными феноменами, характеризующими ту или иную лингвокультуру в целом.

Кроме того, Ю.М. Лотман разграничивает две формы памяти: *информативная* и *креативная (творческая)*. Примером творческой памяти сам семиотик называет память искусства, для которой жизненно важными становятся постоянные процессы актуализации и процессы забвения текстов

культуры (в семиотическом понимании): «Актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию» [там же: 201]. Разумеется, каждая культура самостоятельно определяет состав того, что следует помнить, а что предать забвению.

Итак, во всех рассмотренных концепциях культурная память предстает не просто как некое хранилище информации, а как сложная, динамичная, непрерывно трансформирующаяся система, связанная с процессом смены знаний, в котором социальные страды накапливают, конструируют и реконструируют знание о собственной (культурной) идентичности.

Прецедентные феномены как вербализаторы культурной памяти

Представляется, что в современной филологической науке анализ культурной памяти и ее динамики наиболее продуктивно проводить с опорой на теорию прецедентных феноменов Ю.Н. Караулова, в центре которых оказывается прецедентный текст, «обладающий следующими свойствами: значимостью в познавательном и эмоциональном отношении, известностью среди широкого слоя образованных носителей определенной культуры, многократной воспроизводимостью в дискурсе языковой личности и реинтерпретационностью, возможным воплощением в других видах искусств» [Ружицкий 2017: XIX]. Развитие концепции Ю.Н. Караулова привело исследователей к выделению прецедентных феноменов различных типов: прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации [Красных 2016: 225].

Наличие тех или иных личностно актуальных и культурно обусловленных феноменов в памяти и сознании конкретного индивида предопределено его причастностью к конкретному лингвокультурному сообществу. «Существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [Хальбвакс 2007: 29]. Коллективной памяти «свойственны не только пространственная и временная конкретность, но и, если так можно выразиться,

идентификационная конкретность» [Ассман 2004: 41]. Иными словами, коллективная память напрямую связана с идентичностью человека, с его ощущением принадлежности к тому или иному социуму — от микрогруппы (и даже семьи) до этноса.

Коллективная память обеспечивает общность национального культурного кода, для существования которого важна постоянная повторяемость прецедентных феноменов, которые можно разделить на два типа: *историко-национальные* (в концепции Ю.Н. Караулова «места памяти как крупные явления национальной истории и культуры, известные большинству носителей данного языка и культуры, хранящиеся в памяти поколений и связанные, как правило, с именами собственными — антропонимами и топонимами» [Караулов 1999: 154] и *актуальные* («заметные события текущей общественно-политической и культурной жизни» [там же: 155]). Разумеется, что когда речь идет о культурной памяти, связанной с творчеством Ф.М. Достоевского, то исследуются исключительно историко-национальные прецедентные феномены — те кванты социальной памяти, которые уже прошли апробацию временем и сохраняются в языковом сознании россиян десятилетиями.

«Ф.М. Достоевский, широко использовавший в своих произведениях отсылки к разного рода прецедентным текстам и ставший тем самым предтечей модернистской литературы, постепенно сам превратился в своего рода символ России и русской культуры, причём чаще с точки зрения инокультурного читателя» [Ружицкий, Конкина 2019: 211].

Культурная память и прецедентные феномены: лингвосоциологическое исследование

Для определения актуальных прецедентных феноменов в культурной памяти молодого современника коллективом авторов филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, состоящего из 8 докторов и кандидатов филологических наук (4 члена коллектива параллельно работают в средних общеобразовательных школах) было проведено лингвосоциологическое исследование, в котором приняли участие 978 студентов вузов

и учащихся старших классов из почти 30 регионов Российской Федерации; 79 % респондентов относятся к возрастной страте от 18 до 20 лет. (Более подробно о принципах и организации данного исследования см. [Ефремов 2021].)

Исследование было направлено на анализ степени сохранности ряда прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, И.Ильфа и Е.Петрова, В.В. Высоцкого, Б.Ш. Окуджавы и В.Шекспира и к детской литературе, в культурной памяти и языковом сознании молодого россиянина.

В списке анализируемых прецедентных феноменов к творчеству Ф.М. Достоевского восходили следующие двенадцать: прецедентные тексты: *Преступление и наказание*; *Униженные и оскорбленные*; *Братья Карамазовы*; *Бедные люди*; прецедентные имена: *Князь Мышкин*; *старуха-процентщица*; *Сонечка Мармеладова*; *Родион Раскольников*; прецедентные высказывания: *Красота спасет мир*; *Тварь я дрожащая или право имею?*; *Вы и убили-с*; прецедентная ситуация: *слезинка ребенка*.

Исследование состояло из двух типов заданий.

В первом задании респондентам предлагалось определить авторство прецедентных феноменов разных типов, разных эпох и разных авторов. Узнаваемость прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Ф.М. Достоевского, выглядит следующим образом.

Слезинка ребенка — 70 респондентов из 348 — 20%;

Красота спасет мир — 90 респондентов из 275 — 33%;

Вы и убили-с — 158 респондентов из 355 — 45%;

Князь Мышкин — 184 респондента из 355 — 51%;

Униженные и оскорбленные — 228 респондентов из 355 — 64%;

Бедные люди — 225 респондентов из 348 — 65%;

Братья Карамазовы — 221 респондент из 275 — 78%;

Тварь я дрожащая или право имею? — 291 респондент из 355 — 82%;

Старуха-процентщица — 234 респондента из 275 — 85%;

Сонечка Мармеладова — 311 респондентов из 348 — 89%;

Родион Раскольников — 318 респондентов из 348 — 91 %.

«Преступление и наказание», безусловно, лучше всего сохраняется в культурной памяти молодого россиянина — как через прецедентные имена персонажей, так и через прецедентные высказывания, восходящие к роману.

Во втором задании участникам исследования предлагалось продолжить высказывания. Из творчества Ф.М. Достоевского были взяты пять прецедентных единиц; их степеней сохранности (правильная реконструкция прецедентного феномена) и узнаваемости (установление верных ассоциативных связей, но неточное воспроизведение прецедентной единицы) выглядят следующим образом:

Ко всему человек-подлец... — (нет ответа) 220; привыкает 115; привыкнет 5; приспособится 3; к себе он честен; молодец; найдётся; но такие как мы ещё хуже; отменный; подлец; привык; привыкает (достоевский); привыкает!; привычен; редкостный; руку приложит 1 (всего — 355): 32% сохранности + 3% узнаваемости;

Тварь я дрожащая или ... — право имею 209; право имеющий 20; (нет ответа) 19; права имею 8; право имеющая 8; право имеешь 2; власть имущие; герой; кто; не дрожащая; право имущий?!; право имеющий; скучающая; скучающая; человек имеющий; честь имею 1 (всего — 275): 76% сохранности + 15% узнаваемости;

Униженные и ... — оскорбленные (292); (нет ответа) 48; обиженные 2; больные; не опущенные; обделённые; угнетенные; уничтожены; унылые 1 (всего — 348): 84% сохранности;

Красота спасет ... — мир (334); (нет ответа) 12; мир — Достоевский 2; бегущих, Достоевский; мир (душу); мир наше отче наше; мир, кабы она добра была; не всех; этот мир 1 (всего — 355): 94% сохранности + 2% узнаваемости;

Преступление и ... — наказание 275 (всего — 275); 100% сохранности.

Не трудно заметить, что школьные занятия по литературе накрепко формируют в культур-

ной памяти молодого россиянина общие, базовые представления о части творчества Ф. М. Достоевского: так, авторство его основных повестей и романов во многих случаях респондентами устанавливается безошибочно.

Анализ результатов и выводы исследования

В целом, представленные на исследование прецедентные феномены, восходящие к творчеству Ф. М. Достоевского достаточно неплохо атрибутируются и хорошо распознаются респондентами, в отличие, например, от прецедентных единиц, восходящих к творчеству И. Ильфа и Е. Петрова, Б. Окуджавы, В. Высоцкого, культурная память о творчестве которых также анализировалась в данном исследовании и представлена гораздо хуже. Иными словами, культурная память о хронологически более близких нам писателях и поэтах советского периода в языковом сознании современного молодого россиянина сохраняется хуже, чем память о творчестве Ф. М. Достоевского, который, как известно, долгое время был в опале у Советской власти (исключение — 30-е гг.) и в школьную программу по литературе был окончательно включен только в 1968 г.

Одна из гипотез исследования, связанная с тем, что обязательные для школьной программы художественные тексты лучше сохраняются в культурной памяти, нашла свое полное подтверждение. Вот как распределились проценты правильной атрибуции автора произведения, из которого взяты прецедентные имена персонажей: Родион Раскольников — 91,4%, Сонечка Мармеладова — 89,4%, старуха-процентщица — 85%, а князь Мышкин — только 51%.

Одновременно высокий процент узнавания персонажей книги не свидетельствует о ее глубоко прочтении и осмыслении: так, правильно продолжить цитаты из того же «Преступления и наказания» *Ко всему человек-подлец ...* смогли 36% респондентов, а точно определить авторство фразы *Вы и убили-с* смогли только 44,5%.

Названия внепрограммных произведений Достоевского также показывают высокую степень узнаваемости: так, правильно назвали автора «Братьев Карамазовых» — 77,6%, «Униженных

и оскорбленных» — 64,2% участников. В связи с последней прецедентной единицей интересно отметить, что аутентичное продолжение «*Униженным и ...*» дали гораздо больше респондентов (83,9%), что свидетельствует о переходе самого словосочетания из статуса прецедентного феномена в статус фразеологизированной единицы, отрывающейся от авторства Достоевского. По-видимому, типологически в таком же статусе находится прецедентная единица *бедные люди*.

В качестве косвенного доказательства актуальности названия книг Ф. М. Достоевского для современника можно привести широко распространившийся с начала 2019 г. интернет-мем: «В связи с присвоением аэропорту «Пулково» имени Ф. М. Достоевского поступили предложения переименовать залы следующим образом:

- общий зал — «Униженные и оскорбленные»;
- бизнес-зал — «Бесы»;
- отсек для опоздавших — «Идиот»;
- зона досмотра — «Преступление и наказание»;
- зал Dutyfree — «Бедные люди».

Как видим, творчество Ф. М. Достоевского продолжает волновать умы россиян и дает повод для актуализации лингвокреативного потенциала интернет-пользователей.

Результаты проведенного нами лингвосociологического исследования, доказывающие, актуальность Ф. М. Достоевского для молодого современника, подтверждается и данными социологических опросов жителей Российской Федерации.

Так, традиционный опрос, проведенный Исследовательским центром портала SuperJob.ru 2 июля — 23 августа 2021 года среди 3.000 респондентов в возрасте от 18 лет в 620 населенных пунктах РФ, выявил предпочтения россиян в области художественной литературы.

Лучшим и наиболее любимым произведением стал роман Л. Н. Толстого «Война и мир», за который отдали голоса 12% респондентов.

На втором месте — роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (11%). На почетном третьем месте с большим отрывом — роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского (2%).

По 1% голосов набрали следующие произведения отечественной классики: «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Идиот» и «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, «Собачье сердце» М. А. Булгакова, «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Отцы и дети» и «Муму» И. С. Тургенева, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

Также по 1% набрали произведения зарубежной прозы: «Граф Монте-Кристо» и «Три мушкетера» А. Дюма, «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери, «Унесенные ветром» М. Митчелл, «1984» Д. Оруэлл, «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркес, «Гордость и предубеждение» Д. Остин. Благодаря молодому поколению 1% голосов набрала и серия романов Джоан Роулинг о Гарри Поттере (<https://www.superjob.ru/research/articles/113025/luchshaya-kniga-dlya-rossiyan/>).

Отметим, что Ф. М. Достоевский — единственный автор, представленный в списке лучших по мнению россиян книг 2021 г. тремя книгами. А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и М. А. Булгаков представлены в списке двумя произведениями.

Одновременно беспокойство специалистов вызывает тот факт, что зачастую реальная прецедентность тех или иных единиц вытесняется их квазипрецедентностью: «Можно с большой долей уверенности предположить, что для современного читателя, причем не только инокультурного, тексты Ф. М. Достоевского в силу их дефектного понимания и отсутствия у читателя необходимой культурной памяти часто становятся квазипрецедентными, а отсылки к ним используются в основном для украшения и демонстрации говорящим или пишущим своих знаний» [Ружицкий, Конкина 2019: 211]. Иначе говоря, современному носителю русского языка зачастую вполне хватает памяти лишь о том, откуда родом тот или иной прецедентный феномен

и кто автор исходного текста, но не более того. И это, безусловно, тревожная тенденция.

«Глубокое чтение Достоевского есть всегда событие в жизни, оно обжигает, и душа получает новое огненное крещение. Человек, приобщившийся к миру Достоевского, становится новым человеком, ему раскрываются иные измерения бытия» [Бердяев 1923: 18]. Интерес и любовь к творчеству Ф. М. Достоевского требует богатого интеллектуального и читательского опыта, который в силу возраста еще, быть может, не сформировался у части респондентов. Однако полученные данные свидетельствуют о том, что большинство молодых современников все же знает, что именно Ф. М. Достоевский утверждал, что «красота спасёт мир», что счастье всего человечества не может быть построено на слезинке одного ребёнка и что каждый «человек есть тайна».

Итак, имя и творчество Ф. М. Достоевского продолжают быть актуальными для культурной памяти современника. Проведенное лингвосоциологическое исследование прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Ф. М. Достоевского, доказывает, что хрестоматийный, включенный в школьную программу роман «Преступление и наказание» лучше всего хранится в языковом сознании молодого россиянина, но почти исключительно на уровне персонажей и наиболее известных прецедентных феноменов. В целом хорошо опознаются и другие названия художественных произведений автора, и самые расхожие цитаты из его книг, включенные, например, в современные словари крылатых слов и выражений. Часть прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Ф. М. Достоевского (*униженные и оскорбленные, бедные люди*), в языковом сознании современника начинают отрываться от источника и переходят в разряд фразеологизированных словосочетаний.

Вместе с тем рецепция творчества Ф. М. Достоевского не только современной литературой («Ф. М.» (2006) Б. Акунина, «iPhuck 10» (2017) В. О. Пелевина, «Петровы в гриппе и вокруг него» (2018) А. Сальникова и мн. др.), но и интернет-культурой (мемы), современным искусством (комиксы, графические романы, сериалы) и практиками досуга (настольные и компьютерные

игры) свидетельствуют о непреходящем интересе к фигуре великого классика русской литературы и о различных путях существования его творчества в культурной памяти современника.

ЛИТЕРАТУРА

Ассман 2014 — Assman A. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 223 с.

Ассман 2004 — Assman J. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Бердяев 1923 — Berdyaev N. A. *Миросозерцание Достоевского*. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 с.

Ефремов 2021 — Efremov V. A. Культурная память: Ф. М. Достоевский в прецедентных феноменах. В сб.: *Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе*. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2021. С. 29–34.

Караулов 1999 — Karaulov Yu. N. *Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть*. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 180 с.

Красных 2016 — Krasnykh V. V. *Словарь и грамматика лингвокультуры*. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Лотман 2001 — Lotman Yu. M. Память культуры [1986]. В кн.: Ю. М. Лотман. *Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров*. СПб.: Искусство, 2001. С. 614–622.

Лотман 1992 — Lotman Yu. M. Память в культурологическом освещении. В кн.: Ю. М. Лотман. *Избранные статьи*. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.

Ружицкий 2017 — Ruzhitskii I. V. Предисловие. В кн.: *Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н–По)*. Ю. Н. Караулов (ред.). М.: Азбуковник, 2017. С. X–XX.

Ружицкий, Конкина 2019 — Ruzhitskii I. V., Konkina N. R. Мнемическая функция отсылок к прецедентным текстам (на материале произведений Ф. М. Достоевского). В сб.: *Экология языка и речи*. Тамбов, 2019. С. 207–212.

Хальбвакс 2007 — Halbwachs M. *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

REFERENCES

Assman A. 2014. *Der lange Schatten Der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 223 p. (In Russian)

Assman J. 2004. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Moscow: Iazykislavianskoikultury, 2004. 368 p. (In Russian)

Berdyaev N. A. 1923. *The World View of Dostoevsky*. Prague: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 p. (In Russian)

Efremov V. A. 2021. Cultural memory: F. M. Dostoevsky through precedent phenomena. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniia v tekhnicheskome vuze*. Saint-Petersburg: St. Petersburg Mining University, 2021. P. 29–34.

(In Russian)

Karaulov Yu. N. 1999. *Active grammar and associative-verbal network*. Moscow: Institut russkogo iazyka RAN, 1999. 180 p. (In Russian)

Krasnykh V. V. 2016. *Dictionary and grammar of linguoculture*. Moscow: Gnozis, 2016. 496 p. (In Russian)

Lotman Yu. M. 2001. Memory of culture (1986). In: Yu. M. Lotman. *Semiosfera: Kul'turaivzryv. Vnutri mysliazhchikh mirov*. Saint-Petersburg: Iskusstvo, 2001. P. 614–622. (In Russian)

Lotman Yu. M. 1992. Memory in culturological lighting. In: Yu. M. Lotman. *Izbrannye stat'i*. Vol. 1. Tallinn. P. 200–202. (In Russian)

Ruzhitskii I. V. 2017. Foreward. In: *Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossarij (N–Po)*. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2017. С. X–XX. (In Russian)

Ruzhitskii I. V., Konkina N. R. The mnemonic function of references to precedent texts (based on the works of F. M. Dostoevsky). In: *Ekologiya iazyka i rechi*. Tambov, 2019. P. 207–212. (In Russian)

Halbwachs M. 2007. *Les cadres sociaux de la memoire*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russian)

Е. И. Целикова,
Е. Р. Ядровская

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И НОВАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ

ELENA I. TSELIKOVA, ELENA R. IADROVSKAYA
QUESTIONS OF METHODS OF TEACHING LITERATURE AND NEW RELEVANCE

**Елена Ивановна
Целикова**

доктор педагогических наук, профессор
► zepelin947@mail.ru

Российский государственный
гидрометеорологический университет
Санкт-Петербург, Малоохтинский пр., 98

**Елена Робертовна
Ядровская**

доктор педагогических наук, доцент
► beisher@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
имени А. И. Герцена
191186 Санкт-Петербург,
Набережная реки Мойки 48

Elena I. Tselikova
Russian State Hydrometeorological University
St. Petersburg, Malokhinsky pr., 98

Elena R. Iadrovskaya
Russian State Pedagogical University
named after A.I. Herzen
191186 St. Petersburg,
Moika River Embankment 48

В статье рассматриваются ключевые тенденции современной методики преподавания литературы, её «болевы» точки. Кризисное состояние преподавания литературы авторы объясняют не только «убылью» читателя, но и смешением стратегий чтения, распространением таких школьных читательских практик, которые не свойственны восприятию художественного текста. Активно внедряемая в современный урок литературы задача формирования различных видов функциональной грамотности — коммуникативной, бытовой, правовой, информационной не только противоречит художественной рецепции, но и искажает основную цель литературного образования — литературное развитие читателей-школьников с его центральным «механизмом» — анализом произведения. На этапе анализа осуществляется подмена сложной аналитической работы над текстом, вдумчивой практики «медленного чтения» различными видами её организации, в значительной мере связанными с необоснованным применением инноваций. Авторы отмечают, что негативные тенденции усиливаются еще и потому, что среди большей части учителей утрачено представление о содержании читательской подготовки школьников, о закономерностях литературного развития, об особой природе школьного анализа произведения. Критический разбор диалогических ситуаций уроков литературы показал их зависимость от социологической, этической проблематики прошлого, не связанной с современностью. Русская классика требует от читателя высокого напряжения мыслей и чувств. Но, как отмечается в статье, современные читатели склонны избегать сложных произведений, тем и проблем, предпочитая уходить в облегченную текстовую или виртуальную реальность. Материалом для исследования послужили опыт работы со школьниками авторов статьи, анализ современной методической литературы, анализ конспектов уроков и сайтов учителей литературы.

Ключевые слова: методика преподавания литературы; школьное литературное образование; чтение; литературное развитие; школьный анализ; технологии; урок литературы.

The article examines the key tendencies of modern methods of teaching literature and explicates their “painful” points. The authors explain the crisis in literature teaching not only by the “decline” of the readers, but also by the confusion of reading strategies, the spread of such school reading practices that are alien to the perception of a literary text. The task of forming various types of functional literacy — communicative, everyday, legal, informational, — actively introduced nowadays into the literature class not only contradicts artistic perception, but also distorts the main goal of literary education: the literary development of students with its central “mechanism” — the analysis of the literary work. At the stage of analysis, complex analytical work with the text, the thoughtful practice of close reading is replaced by various types of this work’s management, largely associated with the unjustified use of innovations. The authors note that negative tendencies are also being intensified because a large part of teachers have lost the idea of the content of the reading training, of the laws of literary

evolution, of the specificity of literary work analysis at school. A critical analysis of the dialogical situations of the lessons of literature has shown their dependence on the sociological, ethical problems of the past, not related to the present. Russian classics require a high tension of thoughts and feelings from the reader, but as it is proved in this article, modern readers tend to avoid complex works, topics and problems, preferring to escape into light text or virtual reality. The study is based on authors' experience of working with the high school students, on their analysis of modern methodological literature, abstracts of lessons and websites created by the teachers of literature.

Keywords: literature teaching methodology; school literary education; reading; literary development; analysis of a text at school; technologies; literature lesson.

Литература — важнейший предмет в советское время — оказался в постперестроечной школе одним из самых уязвимых: смена ценностных ориентиров, методологический кризис в литературоведении, постмодернистское состояние мира, стремительное сокращение «читательского класса» обусловили негативные процессы и в литературном школьном образовании. Перед методикой преподавания литературы возникли проблемы, которые надо было решать «здесь и сейчас». Но движение вперед оказалось невозможным без предварительного системного анализа достижений методической мысли XX в. — начала XXI века, выявления главных проблем школьного литературного образования, определения стратегий развития методической мысли и путей их реализации. Эта задача осуществилась в опубликованном в 2015 году аналитическом докладе членов научно-методического совета при Ассоциации учителей литературы и русского языка (<https://www.nmsovet.ru/>), среди которых и авторы данной статьи. В докладе подчеркивалась главная стратегическая цель: **«сохранить методiku преподавания литературы как самостоятельную науку, не утратить преемственность поколений ученых и их идей и вывести ее на новый уровень развития, соответствующий новейшим достижениям научной мысли и реалиям изменившегося мира»** [Аналитический доклад 2015: 72]. В это же время научно-методическим советом под руководством Е. Р. Ядровской был подготовлен и издан Глоссарий методических терминов и понятий

[Ядровская, Дунев 2015] — первый опыт систематизации и осмысления методического тезауруса. Были выявлены наиболее значимые и актуальные для методики XX века методические понятия; дан их генезис и содержательное наполнение; обозначены «точки роста» в эволюции того или иного явления. Анализ современного состояния и будущего школьного литературного образования продолжается и сегодня в работах методистов, представителей разных методических школ: Т. Е. Беньковской, Е. С. Романичевой, В. А. Доманского, С. А. Зинина, Б. А. Ланина, Г. С. Меркина, И. В. Сосновской, Е. И. Целиковой, Е. Р. Ядровской и других. Ключевые события последней четверти века, оказавшие определяющее влияние на школьное литературное образование, выделены в работе Е. Р. Ядровской «Школьное литературное образование в России: от 90-х к цифровой эпохе» [Ядровская 2020].

Современное состояние школьного литературного образования подобно её положению в 20-е гг. прошлого века, когда «литература, наряду с историей, обществоведением была занесена в раздел «общество», утратив статус самостоятельной дисциплины» [Беньковская 2021: 40]. Но тем не менее методике тех лет удалось решить главную задачу — создать из детей безграмотных рабочих и крестьян новый «читающий класс». Главная «болевая точка» школьного литературного образования сегодня — естественно быстрая «убыль» читателя. В пору вместо объявленной Р. Бартом «смерти автора» объявить «смерть читателя». Методика пытается найти способы «прироста» читателей, предлагая объединение субъектов читательской деятельности — учеников, студентов, учителей, родителей (Е. О. Галицких), популяризацию современной детской литературы (Н. Е. Кутейникова, Е. О. Галицких, И. В. Сосновская и др.), сочетание формальных и неформальных читательских практик, использование зарубежного опыта (Е. В. Гетманская). Развитию представлений о системе литературного образования и проблемам создания современной инфраструктуры чтения посвящены работы Е. А. Асоновой, Е. С. Романичевой, Л. Ф. Борусяк и др.

Решение проблемы чтения связывают также с инновационными технологиями, без которых сложно представить школьное образование сегодня. Особое место в их многочисленных вариантах занимают медиатехнологии. Так, авторы статьи «Трансмедийный поворот в стратегиях обучения: нарративные практики на уроках литературы» [Архангельский, Новикова 2021: 71] убеждены в том, что «Трансмедийность — в новом технологическом обличье — возвращает нас к ключевому методическому принципу литературного образования в школе, некогда сформулированному М. А. Рыбниковой [1929]: «От маленького писателя — к большому читателю». Согласимся с авторами: медиатехнологии позволяют более эффективно обучать нарративным практикам школьников, облегчают понимание классики, но вряд ли выходят за рамки этих задач. Сам же «ключевой методический принцип» стал одним из популярных приемов в методическом арсенале словесников. Но его спорадическое использование вне **системы письменных работ** вряд ли способно обеспечить желаемый результат. Такая система творческих работ (5–11 классы) была создана школой В. Г. Маранцмана и стала важнейшим компонентом литературного развития читателя-школьника.

Определенные надежды на возрождение читателя возлагают и на интерактивные технологии. Среди особенно востребованных — дебаты, круглые столы, метод кейсов, метод проектов, коммуникативные игры и др. Но и эти технологии оказались не способны решить проблему нечтения. Причина, на наш взгляд, в следующем. В основе художественной коммуникации — текст, который предлагает свою, основанную на законах художественного восприятия, «программу» диалога. Интерактивные технологии решают другую задачу — задачу активизации учебной деятельности школьников, вовлечения их в учебный диалог. Без учета эстетической «программы» текста интерактивный диалог способен не только профанировать, но и разрушать общение школьников с литературным произведением. «Фишбоун» («рыбий скелет»), сторителлинг (маркетинговый прием!), «толстые» и «тонкие» вопросы, запол-

няющие пространство «интерактивного» урока литературы, не столько приводят к тексту, сколько уводят от него. Это же замечание относится и к необоснованному применению на уроках литературы цифровых технологий. Можно согласиться с мнением Г. С. Меркина: «подавляющее большинство из них рассматривает проблему с точки зрения педагогической, ставя в центр вопросы и проблемы, связанные с организацией деятельности ученика» [Меркин 2018]. Не в силах преодолеть напора этого неуправляемого потока инноваций, методика преподавания литературы начинает напоминать игру в бисер — всё изощреннее и всё дальше от эстетической природы текста. Заметим, что предлагаемые для использования в литературном образовании цифровые технологии [Миронова 2020] в большей степени имеют дидактическое, чем методическое обоснование.

Текст, влияя на «реальную аудиторию» (Ю. М. Лотман), должен уподобить её себе. Механизм этого уподобления — читательские стратегии, соответствующие природе текста. Современный мир — текст открывается в процессе чтения самых разных текстов — от бытовых до бытийных, от художественных — до рекламных. Каждому из них соответствует своя читательская стратегия. В центре урока литературы доминирует один текст — художественный со свойственной ему читательской стратегией. Ориентация государственной образовательной политики на решение проблемы формирования функциональной грамотности школьников, включающей в себя самые разные «виды» грамотности — коммуникативную, бытовую, информационную, правовую, средствами урока литературы приводит к недопустимой дискредитации его целей.

К такому же результату ведет и утрата значительной частью словесников четких представлений о содержании читательской подготовки школьников. В методическом обороте функционируют понятия, связанные с разными ее сторонами: «читательское развитие», «читательская грамотность», «читательская компетентность», «литературное развитие», «литературная компетент-

ность», «квалифицированный читатель», «компетентный читатель». Но в учительской практике эти понятия часто выступают как синонимы — в формулировке задач урока, обосновании методов и приемов работы с текстом. О необходимости их дифференциации предупреждала один из авторов этой статьи еще более 10 лет назад [Ядровская 2009], с тревогой вглядываясь в будущее школьного литературного образования. Констатируем: теоретическая путаница не столь безобидна, поскольку нередко приводит к пренебрежению сложившимися в отечественной методике изучения литературы практиками работы с художественным текстом. Среди обилия терминов теряется ключевой концепт отечественной методики — литературное развитие читателя-школьника. В результате игнорируются закономерности читательского восприятия, специфические задачи читательского развития, искажается природа общения с художественным произведением. (Как здесь не вспомнить высказывание В.Г. Маранцмана о том, что созданные методикой законы не используются!). И как итог — убывание «читательского класса».

Есть ещё одна важная потеря, сопутствующая этой новой методической актуальности: нередко инновационные технологии, наполненные развлекательными приемами, «творческие практики», не проверенные и не подкрепленные экспериментом, провоцируют «легкость необыкновенную в мыслях», поощряют дилетантство. При этом утрачивается самое главное в обучении — «стальная структура познания» (Курциус), требующая от познающего вполне определенных качеств, сформированных процессом преодоления сложностей. Нужна техника обучения, не связанная ни страхом перед «знаниевой парадигмой», ни страхом перед сложностью процесса обучения литературе.

Такая техника существует — это разработанная В.Г. Маранцманом и получившая дальнейшее развитие в работах его учеников система методов изучения художественного произведения — *чтение художественного произведения; комментирование текста внетекстовыми материалами; анализ художественного произ-*

ведения; претворение художественного произведения в других видах искусства; читательская интерпретация — не только органична природе искусства слова и деятельности читателя, но и современна. Эта техника нашла отражение и в требованиях к уроку литературы, важнейшие из которых — насыщенность урока материалом самого искусства, его обращенность к разным сторонам читательского восприятия — эмоциональной, интеллектуальной, сфере воображения; разнообразие и оправданность видов деятельности школьников. Самый главный итог такого урока — наличие сдвига в литературном развитии учеников с его главным критерием — постижением специфики художественного [Маранцман 2005].

Центральное место в этой системе занимает школьный анализ литературного произведения. Методикой преподавания литературы в этой сфере достигнуто многое: обозначена взаимосвязь школьного анализа и литературоведения [Ионин 1992], рассмотрена эволюция и функционирование разных типов литературоведческого анализа в школьной практике [Целикова 2001]. Но при всех схождениях школьный анализ всё же отличается от научного, литературоведческого. Представителями двух методических школ — московской и петербургской в 60-е — 70-е гг. XX века сформулированы его закономерности и специфика (О.Ю. Богданова, Т.Г. Браже, М.Г. Качурин, В.Г. Маранцман, Н.Д. Молдавская и др.). **Осознание особой природы школьного анализа стало основным открытием методики второй половины XX века.** Выявление его специфики (связь с закономерностями читательского восприятия, задачами литературного развития, многочисленными педагогическими задачами, ограниченность особой мерой научности) открыло методике преподавания литературы простор для новых способов работы с текстом, не стесненных рамками литературоведческого анализа и обеспечивающих всестороннее литературное развитие читателей-школьников. Но, несмотря на эти достижения, методике преподавания литературы не удалось решить задачу сочетания двойной ориентации, сопутствующей

школьному изучению литературного произведения: школьник должен быть одновременно и читателем, и исследователем.

Языки искусства и науки отличаются — наука говорит на языке логических понятий, искусство — на языке образов: «Каждый из двух способов освоения художественного произведения — непосредственное восприятие его и познание его в понятиях — имеют свой смысл и значение. Они не отменяют и не заменяют, а взаимно дополняют друг друга. Тут неуместен вопрос: что лучше? Одно дает то, чего не может дать другое», — писал А. С. Бушмин [Бушмин 1969]. В силу этого анализ включает другие механизмы сознания и прежде всего умение видеть смысловые — информационные — «узлы» произведения, выделять среди них наиболее значимые элементы. Собственно, литературное развитие и направлено на это движение — от читательского «наивного реализма» к чтению, сопровождающемуся наслаждением от видения «солнечных подробностей», «обжигающей новизны» (В. Набоков) текста, к «эпохе связей». Процесс **изучения** произведения — восхождение по определенным «ступеням» — от первоначального восприятия (первоначальные читательские реакции) — через анализ (понимание «языка» текста) — к интерпретации (диалог «понимающих»). «Программой читателя» (направленность, качество чтения и потребности читателя на определенном этапе литературного развития) методика стала интересовать более ста лет назад — после открытий психологической школы в литературоведении (работы В. В. Данилова, И. П. Плотникова — первая четверть XX в.). Можно отметить и увлечение библиопсихологией Н. Рубакина. В 50-е — 70-е гг. XX в. масштабные исследования читательского восприятия (психология и социология чтения) стимулировали методический интерес к проблеме. Г. А. Гуковским был реабилитирован читательский «наивный реализм», что позволило приблизить изучение литературы к её живому восприятию школьниками. Книга Г. А. Гуковского «Изучение литературного произведения в школе» вышла в 1966 (написана раньше) и сыграла поистине

революционную роль, стала настольной книгой учителя. В 60-е — 70-е гг. происходит осознание природы школьного анализа с его особой мерой научности — усилением субъективного момента (Г. Н. Ионин). В 70-е гг. В. Г. Маранцман формулирует фундаментальное положение современной методики — обязательное изучение учителем эмоциональной реакции школьников на произведение, сопоставление «эмоций автора» и «эмоций читателя». Напомним: Л. С. Выготский был убежден, что без эмоциональной реакции на текст не может быть анализа, а эмоции искусства — суть «умные эмоции». Именно эмоции прокладывают дорогу анализу, преображаясь потом в со-бытие читателя событиями текста, сопричастность ему. Чтобы диалог состоялся, важно понимать, кто «субъект эмоции» — автор? Герой? Читатель? М. М. Бахтин писал о необходимости **понимать другого как Другого**. Задача анализа — через понимание «языка» литературы учить понимать **Другого**. И здесь учитель сталкивается со сложностями разного порядка. Первая — ограничения возраста. Вопрос этот давний: ни одно из «великих произведений» не рассчитано на восприятие 14–16-летних читателей-школьников, тем более «временнообязанных» читателей, какими во многих случаях являются современные школьники. Другая сложность — в беспрецедентном эпистемологическом разрыве, с одной стороны, «отцов» и «детей», с другой — тем, что постулирует классика с её основным ценностным «кодом» — страдание и со-страдание — и современными ценностными «кодами» и стереотипами. Об этом с какой-то горечью и безысходностью говорил Н. Н. Скатов: «вместо не убий — убий, вместо не кради — кради, вместо не прелюбодействуй — прелюбодействуй».

В силу всех этих причин школьный анализ перед лицом художественности пока проигрывает. А это серьезно затрудняет решение главных задач предмета, неразрывно связанного с реализацией эстетической функции литературы, функции, по мысли Ю. Б. Борева, специфической, ничем не заменимой, цивилизационно значимой, в своем потенциале формирующей в человеке

желание, способность, умение строить жизнь по законам красоты и тем самым противостоять энтропии «бескрылого духа» (В. С. Соловьев), неизбежного спутника читательской энтропии.

Усложняет решение задачи сохранения читающего поколения и следующее. Каждая эпоха, выдвигая на первый план те или иные темы, литературные жанры, создавая новые литературные формы, порождает и новый тип читателя. Не исключение и наше время. Современный читатель-школьник чаще всего предстает в ореоле интернет-зависимости, он — «свой среди своих» в виртуальной реальности, его компьютерная грамотность позволяет «потреблять» информацию без всяких усилий, при этом он не способен одолеть большие тексты, ориентирован на «картинку». Внедрение в практику изучения литературы буктрейлеров, хакатонов, нетворкингов, хеппенингов, различного рода презентаций, лонгридов, мемов позволяет, как считают сторонники таких форм работы с текстом, «вписать» школьников в современность, обратив в пользу то, что свойственно поколению цифровой эпохи. Многие формы такой работы с сопровождающей их коннотацией пришли из рекламы, журналистики, блогов. Как следствие — возрастает поток информации. Её «передозировка» приводит к тому, что методический текст обнаруживает признаки гипертекста, бесконечно продуцирующего все новые методические маршруты. Учитель, а иногда и ученик, уподобляются читателю, бесконечно путешествующему по Вавилонской библиотеке: «...чтобы обнаружить книгу А, следует предварительно обратиться к книге В, которая укажет место А; чтобы разыскать книгу В, следует предварительно справиться в книге С, и так до бесконечности» (Борхес. Вавилонская библиотека).

Деформация законов методики, законов художественного, информационная «передозировка», необоснованное применение инновационных технологий наиболее полно проявляют себя в повседневной рутинной практике школьных уроков. Анализ конспектов учителей выявил следующие тенденции: все реже звучит голос

«автора» урока, все больше учитель прячется за технологиями и «инновациями»; всё менее уроку сопутствует атмосфера духовного напряжения. В ряду причин не только незнание методики, но и такие внутренние проблемы как боязнь учителя строить урок «от себя», страх показаться «несовременным», стремление «вписаться» в систему требований ФГОС, готовность принимать внешние критерии оценки урока, часто не соответствующие специфике урока литературы; утрата себя как читателя.

Следствием филологической и методической ограниченности учителя становится неумение сформулировать тему урока: от простого названия ФИО автора и названия произведения и шаблонных формулировок, где изначально прогнозируется результат восприятия и интерпретации («Мотив одиночества в творчестве М. Ю. Лермонтова» — а разве нет других мотивом в лермонтовских стихах?) до не всегда точно определяющих цель урока. Например, «Сопоставительный анализ стихотворений “Гроза” Н. А. Заболоцкого и “Весенняя гроза” Ф. И. Тютчева». Что в данном случае является целью урока: сопоставление разных поэтических приемов, обучение анализу текста, выявление различия в мироощущении поэтов? Как отражают специфику работы читателя с конкретным литературным произведением, например, такие формулировки цели: «создать условия для обучающихся: «Знаю — хочу узнать — узнал — научился», или «формирование квалифицированного читателя», или «развитие коммуникативной компетентности» (последняя формулировка была обнаружена нами в конспекте, посвященном изучению лирики Б. Л. Пастернака). Не тогда ли и происходит утрата не только читателя-ученика, но и утрата читателя-учителя? Как следствие последнего — неумение сформулировать вопрос к литературному произведению, бесконечные «о чем?», заполонившие урок литературы (*о чем идет речь в сказке, о чем это стихотворение...*), либо декларативно-назидательные: «Чему учит нас это произведение?», «Что нового мы узнали сегодня на уроке», демонстративно обозначающие «этап рефлексии».

Универсальный ресурс современного урока — диалог. Школой В. Г. Маранцмана была создана и реализована на практике система развития диалога читателя с художественным произведением, автором, миром и самим собой. Но постсоветское преподавание литературы в преобладающем большинстве свелось к трем диалогическим практикам:

1. Социологическому характеру освоения классики, свойственному школьному изучению литературы на протяжении длительного времени, в том числе и в советский период. Социологическое прочтение по-прежнему доминирует с той лишь разницей, что вместо апологии духа бунтарства и несогласия, сочувственного осмысления трагедии народа, бездной отделенного от образованного меньшинства нации, высокой оценки критической направленности классики в центр обсуждения вовлекается социально нейтральное, “общечеловеческое”, свойственное всем временам и народам. Такой подход, мало связанный с наукой о литературе, легко улавливается, например, в изменении характера диалога вокруг проблемы “лишнего человека”. Вполне определенная типология литературных героев сначала трансформировалась в дискуссионное обсуждение с центральной итоговой формулой “лишних людей не бывает”, а затем и вовсе исчезла из культурного багажа выпускников, растворившись в житейских ассоциациях. Не удивительно, что появляются в ответах школьников не “лишние”, а “лишенные люди” с произвольными ассоциативными представлениями: лишены родины, семьи, хозяйства — в зависимости от того, о каком периоде истории литературного существования героя идет речь. Диапазон “лишенных” необычайно широк — от Евгения Онегина до Бориса Алиханова.

2. Вторая не менее популярная практика связана с этической направленностью диалогических ситуаций, вращающихся вокруг нравственных проблем, известных ещё со времен В. Я. Стоюнина. Не вызывая живого восприятия, такие диалоги перестали быть “повивальной бабкой мысли” (Сократ).

3. Вместе с этими двумя диалогическими

ситуациями связано и практическое использование литературы, цель которого — сохранить гуманистические формулы вечно прекрасных законов добра и красоты, сделать их актуальными, пропустив “сквозь” кристалл настоящего. Но слишком часто отвердевшие формулы приобретают свойства стереотипов. Р. Барт в эссе “Удовольствие от текста” уподобляет их действие оживлению силой магнетизма умиряющего.

Как представляется, актуальность заключается не только в сближении горизонтов прошлого и настоящего и не столько в поддержании вечной жизни гуманистических сверхвременных формул. По мысли В. Изера, сегодня практическая польза литературы связана с антропологической потребностью людей к уменьшению сложности мира [Изер 2004]. Но классическая литература всегда воссоздавала сложный мир. Не исключение и современная литература: образ окружающей реальности в произведениях писателей-современников не только отражает “сложное настоящее”, но и устрашает его несовместимостью с любым проявлением духовности (“Ненастье” А. Иванова, «Generation «П»» В. Пелевина, «Лаз» В. Маканина, «Санька» З. Прилепина, «Немцы» А. Терехова, «ДухLess» С. Минаева, «День опричника» В. Сорокина, «Карамболь» В. Дёгтева). Реальность проступает в сюжетах произведений (бандитский бизнес, митинги, депутатские стратегии и будни); в героях (банкроты, судебные исполнители, митингующие, нацболы, спецназовцы, депутаты, афганцы, мэры, избиратели, бомжи, электорат, толпа); в лексике персонажей (ударить, убивают, жестокий кулак, камуфляжные бесы, «браслеты», стрелять, покалечить, наручники), в способах движения «наверх» новой элиты (отзванивать, перезванивать и дозваниваться — первым, льстить, лгать, переписывать протоколы выборов). Потребность ускользнуть от этой реальности выдвинула на первый план бесчисленные сериалы с их рекуррентными персонажами, формульную литературу: знакомые восприятия позволяют читателю, как и зрителю, найти успокоение, известные формы рождают ощущение безопасной стабильности.

Обращение к «окололитературным»

приемам работы с текстом, заимствованным из рекламы, журналистики, бизнеса, вряд ли способно противостоять этой тенденции, как и вывести преподавание литературы из кризиса. Между тем, современное искусство небезуспешно ищет приемы диалога с современниками, созвучные времени: «переработка» Б. Акуниным классики («Чайка», «Гамлет»); сиквелы Г. Константинопольского («Мертвые души», «Гроза»); парафразы, бриколаж (пьесы Л. Петрушевской); ремейки («На доньшке» И. Шприца — якобы переведенная с австрийского языка пьеса Горького «На дне»). Этот постмодернистский дискурс объединяет общая основа — «код» русской классической литературы. В школьном преподавании литературы он может сыграть позитивную роль: не нарушая законов художественного мышления, стать своеобразным «медиумом» между двумя мирами — современного искусства и классики. В диалог со зрителями вступает и театр, представляя новое видение классики. Этот опыт тоже необходим школьному преподаванию литературы.

Сложность в том, что методика преподавания литературы остается в новой среде обитания практически наедине со своими проблемами и вынуждена решать их вне связи со своими ближайшими союзниками — литературоведами, писателями, библиотекарями, издателями, деятелями культуры и искусства. Вспомним: в дискуссиях о школьном изучении литературы 50-х — 60-х гг. XX века участвовали не только методисты, учителя, но и литературоведы, писатели, родители и даже ученики. Выход видится в консолидации всех сил: узкопрофессиональные интересы не должны заслонить видения общей цели — не позволить разрушить фундамент российского школьного литературного образования, сохранив, вопреки вызовам времени, «человека читающего».

ИСТОЧНИКИ

Аналитический доклад — Аналитический доклад по итогам работы методологического семинара «Проблемы методологии предметных методик и стратегии развития школьного образования в области русского языка и литературы» в Российской Феде-

рации» (Литература). *Открытая методика: поиск — исследование — творчество: Сборник научных докладов и статей по методике преподавания русского языка и литературы* / Е. Р. Ядровская (ред.). С. 56–79.

Архангельский, Новикова 2021 — Архангельский А. Н., Новикова А. А. Трансмедийный поворот в стратегиях обучения: нарративные практики на уроках литературы. *Вопросы образования*. 2021, (2): 63–81.

Беньковская 2021 — Беньковская Т. Е. Литературное образование в эпоху перемен. Методическое наследие В. В. Голубкова и перспективы развития литературного образования. В сб.: *XXVIII Голубковские чтения: Материалы международной научно-практической конференции, 1–2 октября 2020 г.* В. Ф. Чертов (отв. ред.). М.: Изд-во «ЭконИнформ», 2021. С. 36–42.

Меркин 2018 — Меркин Г. С. Традиции и инновации в литературном образовании. *Филологический класс*. 2018, (1): 55–64. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-i-innovatsii-v-literaturnom-obrazovanii> — дата обращения 28.08.21

Миронова 2020 — Миронова Н. А. *Цифровые технологии обучения в контексте непрерывного литературного образования*. М.: Изд-во «ЭконИнформ», 2020. 147 с.

Ядровская, Дунев 2015 — Глоссарий методических терминов и понятий (русский язык, литература): Опыт построения терминосистемы / Под общей ред. Е. Р. Ядровской, А. И. Дунева. СПб.: Свое издательство, 2015. 306 с.

Ядровская 2020 — Ядровская Е. Р. Школьное литературное образование в России: от 90-х к цифровой эпохе. В сб.: *Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции с международным участием «Преподавание русского языка и литературы в учреждениях основного общего, среднего общего и среднего профессионального образования: теория, эффективные практики, методика и технологии»* В. Г. Паршуков (науч. ред.). Москва: ФЛИНТА, 2020. С. 88–99.

ЛИТЕРАТУРА

Бушмин 1969 — Бушмин А. С. *Методологические вопросы литературоведческих исследований*. Л., 1969. С. 110.

Изер 2004 — Изер В. Изменение функций литературы. В кн.: *Современная литературная теория. Антология*. Кабанова И. В. (сост.). М.: ФЛИНТА: Наука, 2004. С. 22–44.

Ионин 1992 — Ионин Г. Н. *Взаимосвязь литературоведения и школьного изучения литературы*. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1992.

Маранцман 2005 — Маранцман В. Г. *Цели и структура курса литературы в школе: программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5–9 классы*. Маранцман В. Г. (ред.). М.: Просвещение, 2005. С. 3–15.

Целикова 2001 — Целикова Е. И. *Эволюция анализа литературного произведения в школе. История и современность*. Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Санкт-Петербург, 2001.

Ядровская 2009 — Ядровская Е. Р. Анализ и соотношение понятий «Литературное развитие читателя-школьника»,

«литературная компетентность», «читательская компетентность». *Мир науки, культуры и образования*. 2009, (5(17)): 132–139.

SOURCES

Аналитический доклад — Analytical report on the results of the methodological seminar «Problems of methodology of subject methods and strategies for the development of school education in the field of Russian language and literature» in the Russian Federation «(Literature). In: *Open methodology: search—research—creativity: Collection of scientific reports and articles on the methodology of teaching Russian language and literature*. E. R. Iadrovskaya (ed.). P. 56–79.

Архангельский, Новикова 2021 — Arkhangelsky A. N., Novikova A. A. Transmedia turn in learning strategies: narrative practices in literature lessons. *Education Issues*. 2021, (2): 63–81.

Беньковская 2021 — Benkovskaya T. E. Literary education in the era of changes. – Methodical heritage of V. V. Golubkova and the prospects for the development of literary education. In: *XXVIII Golubkov Readings: Materials of the International Scientific and Practical Conference, October 1–2, 2020*. Chertov V. F. (ex. ed.). M.: Publishing house «Econ-Inform», 2021. P. 36–42.

Меркин 2018 — Merkin G. S. Traditions and innovations in literary education. *Philological class*. 2018, (1): 55–64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-i-innovatsii-v-literaturnom-obrazovanii> - date of access 28.08.21

Миронова 2020 — N. A. Mironova. Digital learning technologies in the context of continuous literary education: monograph. M.: Publishing house «Econ-Inform», 2020. 147 p.

Ядровская, Дунев 2015 — *Glossary of methodological terms and concepts (Russian language, literature): Experience in constructing a terminology system*. E. R. Iadrovskaya, A. I. Dunev (eds.). Saint-Petersburg: Own publishing house, 2015. 306 p.

Ядровская 2020 — Iadrovskaya E. R. School literary education in Russia: from the 90s to the digital era. In: Collection of materials of the interregional scientific and practical conference with international participation «Teaching the Russian language and literature in institutions of basic general, secondary general and secondary vocational education: theory, effective practices, methods and technologies». Parshukov V. G. (scien. ed.). Moscow: FLINTA, 2020. P. 88–99.

REFERENCES

Бушмин 1969 — Bushmin A. S. Methodological Problems of Literary Research. L.: Nauka. Leningrad Branch, 1969. P. 110. (in Russian)

Изеп 2004 — Iser V. The changing functions of literature. In: *Modern Literary Theory. Anthology*. Kabanova I. V. (co-author). Moscow: FLINTA: Nauka, 2004. P. 22–44. (in Russian)

Ионин 1992 — Ionin G. N. *The Interconnection of Literary Studies and the School Study of Literature*. Author's abstract. dis. ... Cand. of Ped. Sciences. M., 1992. (in Russian)

Маранцман 2005 — Marantzman V. G. *Objectives and structure of the course of literature at school: programs of*

educational institutions. Literature. 5–9 grades. Marantzman V. G. (ed.). M.: Education, 2005. P. 3–15. (in Russian).

Целикова 2001 — Tselikova E. I. *The evolution of the analysis of literary work at school. History and modernity: Author's abstract. dis. ... Doctor of Ped. Sciences*. Sankt-Peterburg, 2001. (In Russian)

Ядровская 2009 — Iadrovskaya E. R. Analysis and correlation of the concepts «Literary development of the readerstudent», «literary competence», «reading competence». *The world of science, culture and education*. 2009, (5(17)): 132–139. (in Russian)

О. А. Казьмина,
М. В. Матвеева,
В. В. Патанина

DOI: 10.24412/1811-1629-2021-4-82-92

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКИМ МЕТОДАМ РАБОТЫ С НАУЧНЫМ ТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ (НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ АННОТАЦИИ, РЕФЕРАТА, РЕЦЕНЗИИ)

OLGA A. KAZMINA, MARIIA V. MATVEEVA, VIKTORIYA V. PATANINA
TRAINING STUDENTS IN ANALYTICAL AND SYNTHETIC METHODS OF WORKING
WITH A SCIENTIFIC TEXT IN THE CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
(ON THE EXAMPLE OF WRITING ANNOTATION, ABSTRACT, REVIEW)

Ольга Александровна Казьмина

Кандидат филологических наук, доцент
► ljolya@gmail.com

Юго-Западный университет, Институт
иностранных языков, факультет
русского языка и литературы, Центр
русскоговорящих стран
400715, КНР, г. Чунцин, район Бейбей,
ул. Тяньшэн 2

Мария Владимировна Матвеева

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры РКИ факультета филологии
и журналистики
► m-v-matveeva@mail.ru

Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
392000 г. Тамбов,
ул. Интернациональная, 33

Виктория Владимировна Патанина

доцент кафедры иностранных языков
► v_patanina@yahoo.com

Российский государственный институт
сценических искусств
191028, Санкт-Петербург,
ул. Моховая, д. 34

Olga A. Kazmina

Southwest university, College of Foreign
Languages, Russian language and literature de-
partment, Center of Russian-Speaking Countries
Tiansheng Road 2, Beibei, Chongqing,
400715 PR China

Mariia V. Matveeva

Derzhavin Tambov State University
392000 Tambov, Internatsionalnaya Str., 33

Viktoriia V. Patanina

Russian State Institute of Performing Arts
1911028 Russia, St.Petersburg,
Mokhovaya St., 34

В статье на материале научных текстов по специальности изучается возможность обучения иностранных студентов старших курсов созданию текстов вторичных жанров (аннотации, реферата, рецензии) на занятиях по русскому языку как иностранному. Основное внимание акцентируется на проблеме аналитико-синтетической переработки первичных текстов и их лингводидактического потенциала. Актуальность обучения данным умениям и навыкам продиктована не только учебными программами, но и особенностями века цифровых технологий, где ценится скорость, краткость и однозначность. Целью статьи является описание методов продуцирования и использования вторичных текстов научных жанров в качестве лингводидактического и методического материала, способствующего овладению языковыми средствами научного стиля, навыками создания собственных научных текстов различных жанров. В качестве исследуемого материала были выбраны статьи научного и научно-популярного жанра по медицине, литературоведению и журналистике. При составлении заданий по работе над текстами использовался метод аналитико-синтаксической переработки документа. Для реализации лингвометодического потенциала текстов по специальности составлены примеры предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий, соответствующие уровню языковой подготовки студентов В2. Разработанная на данной основе система языковых и речевых упражнений, входящая в структуру лингводидактического анализа вторичного текста, поможет иностранным учащимся сформировать знания о жанровых особенностях научного стиля и структуре аннотации, реферата и рецензии. Развитие данных умений происходит во взаимосвязи всех речевых видов деятельности. У иностранных учащихся будут сформированы навыки анализа социально значимых проблем и процессов; логического, смыслового и аргументированного анализа текста, выделения главной и второстепенной информации, умения передать информацию в устной и письменной форме в соответствии с определенным алгоритмом свертывания информации и передачи ее во вторичном тексте. Новизна работы состоит в выявлении лингвометодического потенциала научных статей в освоении языка специальности и системного изучения вторичных жанров письменной речи научного стиля.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; научный текст; вторичный текст; аннотация; реферат; рецензия.

The article studies the possibility of teaching foreign senior university students to write texts belonging to secondary genres, such as annotations, abstracts, reviews, in the class of Russian

as a foreign language; the research is based on the material of the scientific texts related to students' specialties. The main attention is focused on the problem of analytical and synthetic processing of primary texts with their linguistic and didactic potential. The relevance of teaching these skills and abilities is dictated not only by curricula, but also by the peculiarities of the digital age, where speed, brevity and unambiguity are highly valued. The purpose of the article is to describe the methods of writing and using of secondary texts of scientific genres as linguistic, didactic and methodological material that contributes to the students' mastery of the linguistic means of the scientific style, the skills of creating their own scientific texts of various genres. As the material under study were selected articles of scientific and popular science genre on medicine, literary criticism and journalism. When drawing up tasks for working on texts, the authors were using the method of document's analytical and syntactic processing. In order to realize linguistic and methodological potential of the texts related to students' specialties, the authors have created different exercises intended to be done before reading, in the process of reading and after reading; these tasks correspond to B2 level of language training. The system of language and speech exercises based on the analysis of texts, which is part of the structure of the linguistic and didactic analysis of the secondary text, would help foreign students to form knowledge about the genre features of the scientific style and the structure of the annotation, abstract and review. The development of these skills occurs in the interconnection of all speech activities. Foreign students will develop skills of analyzing socially significant problems and processes, of logical, semantic and argumentative analysis of the text, highlighting the main and secondary information, the ability to convey information verbally and in writing in accordance with a certain algorithm for folding information and transmitting it into the secondary text. The novelty of the work lies in the identification of the linguistic and methodological potential of scientific articles in the process of development of the language related to students' specialties and the systematic study of secondary genres of scientific discourse.

Keywords: Russian as a foreign language; scientific text; secondary text; annotation; abstract; review.

Введение

Современные проблемы лингводидактики в меняющихся условиях жизни и профессиональной деятельности требуют переосмысления. Это выражается в изменении методов и подходов к преподаванию русского языка как иностранного (далее РКИ), во внедрении современных технологий: коммуникативной, проектной, коллаборативной работы, дистанционного и компьютерного обучения. Наряду с этими методами, связанными прежде всего с интенсификацией учебного процесса, перед иностранными студентами встает задача самостоятельного получения знаний, вы-

работки умений и навыков, что усиливает роль профессионально-коммуникативной компетенции учащихся, поддерживает их мотивацию к обучению.

В свою очередь, одной из важнейших задач преподавателя РКИ становится обучение студентов аналитико-синтетическим методам работы. Нужно уметь помочь учащимся критически воспринимать информацию, научиться создавать свои тексты, различные по типу, стилю и жанру, уметь производить виды информационной переработки текста: план, конспект, реферат, рецензия, аннотация.

Способствовать формированию данных умений можно с помощью обучения созданию текстов вторичных жанров на основе научной статьи по специальности.

Вторичный текст — это лингвистическая единица, объединяющая языковые признаки и речевые характеристики, проявляющая себя в форме устного или письменного произведения, основной целью которого является не непосредственный, а опосредованный акт коммуникации. Референтным пространством вторичного текста служит какая-либо семантическая информация, которая самостоятельно существует вне рамок данного воспроизводящего текста, и трансформация которой зависит как от лингвистических правил, так и от сведений читателя о внеязыковой действительности [Касимова 2010: 30].

Вторичными текстами являются разные виды письменных (и устных) произведений, имеющих определенную форму, закрепленную научно-информационной и учебной традициями, а именно: резюме, реферат, автореферат, аннотация, конспект, рецензия, библиографическое описание, также к вторичным текстам относят критическую статью, рекламу, тезисы-анонсы и др. Работа над ними зависит от этапа обучения и от поставленной учебной цели.

В современной науке существует множество разных подходов к анализу текстов вторичных жанров. Теоретическими вопросами занимаются и литературоведы, и лингвисты, и уже накопилось немало исследований, при этом актуальность данной темы не снимается и сегодня. У истоков

изучения данного вопроса стояли: Л. Н. Бахтина, И. П. Кузьмич, Н. М. Лариохина [2004], С. Л. Буракова [1993], М. В. Вербицкая [2000], А. А. Вейзе [1985], В. И. Карасик [1997], Л. М. Кузнецова [1980], С. А. Моисеева, К. П. Широкова [1991], В. П. Павлова [1989], М. Ю. Терехова [1988] и мн. др. Большинство исследователей с научных позиций изучали вторичные тексты и их лингводидактический потенциал, демонстрировали основные виды аналитико-синтетической переработки первичных текстов, используемые на занятиях по русскому языку.

Предметом изучения настоящей работы является лингводидактический потенциал текстов научного жанра по специальности в процессе обучения написанию реферата, рецензии и аннотации на занятиях РКИ.

Целевая аудитория — иностранные студенты из Юго-Восточной Азии: китайцы и вьетнамцы, обучающиеся на гуманитарных и медико-биологических специальностях, владеющие русским языком на уровне ТРКИ В2 и выше. Выбор обусловлен особенностями профессиональной деятельности авторов статьи.

Материалом послужили научные и научно-популярные статьи по литературоведению, медицине, журналистике (см. *Источники*).

В современной практике преподавания РКИ обучение составлению качественных рефератов, рецензий и аннотаций имеет большую **актуальность**, поскольку учащиеся пользуются коммуникативно-значимой письменной речью как во время учебы в университете, так и в своей последующей профессиональной деятельности. Не обладая умением работы с текстами, они всё чаще пользуются методом обычного списывания. **Работая с китайскими и вьетнамскими студентами, мы столкнулись с тем, что обучение они сводят** к «зазубриванию» учебных материалов по любому предмету. В результате, каждый может продемонстрировать навыки рассказа наилучшего объема текста, при этом, не понимая его содержания. А написание выпускных квалификационных работ ограничиваются переписыванием без ссылок на источники, то есть, по сути, плагиатом.

В настоящее время, когда в вузовских программах увеличивается число часов на самостоятельную работу, навыки написания текстов вторичных жанров становятся необходимыми.

Об актуальности обучения текстам вторичных жанров также говорит и то, что в современный век информационных технологий и ускорения времени, вторичные тексты способны быстро и однозначно передавать нужную информацию.

Цель работы состоит в разработке целенаправленной системы упражнений, которая будет способствовать формированию у иностранных студентов знаний, умений и навыков, необходимых для создания различных письменных вторичных жанров научного стиля.

Аннотация, рецензия, реферат: общее и различное

Современная лингводидактика постоянно пополняется научными исследованиями, касающимися обучения написанию аннотаций, рефератов, рецензий. В своей работе мы использовали ряд новых учебных пособий и статей в научных журналах. П. Ильенко [2016], Е. В. Максимюк [2019], Е. В. Орлова [2013], О. В. Рудакова [2018], И. Н. Шувалева [2017], В. В. Цыганенко [2018] и др., обобщив сведения которых, создали Таблицу 1. Основные характеристики аннотации, реферата, рецензии.

Работа по составлению текстов вторичного жанра происходит в зависимости от практической направленности информации в первичном тексте — научной статье, — а также от целей ее использования. За каждым из этих жанров закреплён ряд свойственных ему языковых структур и стилистических приемов, объединённых разными типами связи и имеющих определённую направленность и интенциональность.

Лингводидактическая интерпретация текстов по специальности

Формированию составления изучаемых нами в данной статье текстов вторичных жанров предшествует длительная подготовка. Во-первых, на ранних этапах изучения языка студенты знакомятся с грамматикой и лексикой русского языка, а также со структурой текста, субтекста и правилами их построения. Во-вторых, следует обучение составлению плана, тезисов, написанию конспекта,

Таблица 1

Основные характеристики аннотации, реферата, рецензии

Аннотация	Реферат	Рецензия
Сжатая, краткая характеристика, справка, изложение содержания и назначения первичного текста.	Осмысление первичного текста, преобразование аналитико-синтетическим способом и создание нового текста вторичного жанра.	Отзыв на первичный текст, его аргументированный критический анализ и оценка.
Кратко сообщает о содержании первичного текста.	Кратко, без искажений и субъективных оценок, излагает всю наиболее важную информацию первичного текста. Конкретно сообщает о том, что именно содержится в оригинале, основные фактические сведения и выводы.	Информирует о первичном тексте, дает представление о нем, показывает его назначение и возможность использования. Дает его оценку, воздействует, убеждает.
Дает читателю общее представление о строении, характере и назначении текста-оригинала, его главной теме и перечне вопросов.	Дает возможность составить мнение о содержании и сути оригинальной статьи.	Всегда содержит субъективно-оценочный элемент, т.е. проявляет личностное начало автора.
Лаконичный текст вторичного жанра, не более двух-трех абзацев.	Оригинальный текст сворачивается примерно до 1/8.	Размер зависит от объема, содержания и значимости первичного текста — рецензируемой работы.

изложения и пр. В-третьих, и это уже заключительный этап обучения, написанию вторичных текстов, имеющих определенное функциональное назначение, — необходимо получение дополнительных знаний и умений по структурному и речевому оформлению текстов подобных жанров, поскольку их композиция и языковые средства связности отличаются фиксированной нормированностью.

Соответствующие навыки работы с информацией на основе упражнений на компрессию, трансформацию, развертывание, комбинирование, являются обязательными при создании текстов вторичных жанров.

На разных этапах обучения РКИ используются рецептивные, репродуктивные и продуктивные упражнения, но при работе с научными текстами на продвинутом языковом уровне студентов, целесообразно использовать продуктивные упражнения для достижения высоких результатов владения письменной речью.

Система упражнений по овладению умениями создания вторичных текстов включает:

- упражнения на формирование навыков актуального членения предложения;
- упражнения, обучающие связности, логичности изложения;

- задания по выработке умений смыслового членения текста и способов его сжатия;
- тренировочные упражнения в «свертывании» информации;
- тренировочные упражнения по трансформации информации;
- работу по овладению типами речи;
- упражнения по формированию умений аннотирования, реферирования и рецензирования научного текста;
- задания на составление вторичных текстов их анализ, взаимопроверка и обсуждение;
- упражнения на подборку синонимов и антонимов;
- упражнения на замену повторяющихся слов соответствующими местоимениями или относительными словами;
- упражнения на объединение двух, трех и более предложений в одно, используя союзы (союзные слова).

Работа над текстом начинается с сообщения минимума теоретических сведений об изучаемых фактах и явлениях: даются соответствующие правила, упражнения рассматриваемого материала на примерах его функционирования и употребления в речи.

Рассмотрим основные этапы работы с научными и научно-популярными текстами по специальности.

Предтекстовые задания

Предтекстовые задания для трех исследуемых жанров вторичных текстов имеют ряд общих принципов, направленных на формирования интереса и цели чтения научного текста, постановку проблемы и снятие лексико-семантических трудностей.

Целесообразно наглядно продемонстрировать на примере заданий к выбранным нами текстам.

Аннотация

Предтекстовые задания

Задание 1. Просмотрите содержание журнала «Наука и жизнь» (№ 3, 2021 г.). Используя различные конструкции из таблицы 2, скажите, какие материалы можно найти в указанном номере журнала.

Таблица 2

Речевые образцы для предтекстовой работы с аннотацией, рефератом, рецензией

- 1) статья озаглавлена, носит название, называется;
- 2) автором статьи является, статья написана (кем?), автор статьи (кто?);
- 3) текст (статья) взят/взята из (чего?); статья помещена, напечатана, издана, опубликована (где?) в ...

Задание 2. Сегодня мы будем читать текст «Как работает вакцина». Просмотрите еще раз оглавление журнала и скажите, есть ли там такой материал. Если есть, то кто его автор и на какой странице его можно найти.

Используя различные конструкции из таблицы: «*текст (статья) взят(а); его автор(ы); автор/ами текста является (являются)...*», напишите микротекст: название статьи, откуда взята, кто автор.

Задание 3. Прочитайте еще раз название статьи, над которой мы будем работать сегодня. Как вы думаете, о чем пойдет речь в данной статье?

Реферат

1. Задания, стимулирующие интерес к чтению. (Задания для подготовки дома).

Задание 1. О М. А. Булгакове. Что Вы уже знаете о писателе М. А. Булгакове и его художественных произведениях? Найдите в интернете интересные факты из его личной и творческой биографии. Составьте на основе прочитанной информации небольшой «психологический портрет» писателя. Какие произведения были написаны М. А. Булгаковым? Что из написанного Вы уже читали?

Об ономастике. В языке каждый предмет, явление и событие имеет название. У каждого человека есть имя, у литературных героев (как правило) тоже есть имена. Какую роль для понимания художественного текста играет имя персонажа? Как называется раздел языкознания, изучающий имена собственные?

2. Задания, формирующие цель чтения. (Аудиторные задания).

Задание 2. Прочитайте предложенный текст (прим.: *первичный текст дается в сокращении*) известного исследователя творчества М. А. Булгакова (булгаковёда) Е. А. Яблокова.

Задание 3. Работа над анализом заголовка, который поможет предварительно определить тему статьи.

▫ **Прочитайте название статьи. Сделайте предположение, о чем в ней пойдет речь.** Найдите фамилию, имя, отчество автора; где опубликована статья (в сборнике статей, в журнале), на каких страницах, в каком году была сделана публикация.

После прочтения: придумайте свое название тексту. Озаглавьте его так, чтобы было понятно содержание статьи.

Рецензия

Задание 1. Прочитайте заголовок текста и ключевые слова. Что такое *медиа* (объясните/посмотрите в словаре значение «медиа»). **Предположите**, каким будет содержание статьи, учитывая особенности научного стиля.

Задание 2. Прочитайте текст (ознакомительное чтение). Подчеркните в тексте слова с понятием «медиа»: медиатекст, медиапространство, медиасфера, масс медиа и т.п.

Задание 3. Сопоставьте предположение о содержании статьи с исходным.

Задание 4. Прочитайте первые предложения абзацев и назовите вопросы, которые будут рассматриваться в тексте.

Задание 5. Скажите, присущи ли данным абзацам единство и логика. (Обратите внимание на ключевые слова, их эквиваленты и синонимы).

Притекстовые задания

Упражнения в притекстовых заданиях направлены на наблюдения за фактами языка, позволяющими учащимся делать аналитико-семантическую обработку, необходимые обобщения и выводы.

Задания для составления каждого вторичного жанра могут быть как общими, так и специфическими. Общими для всех текстов вторичных жанров будут задания на разделение первичного текста на три составляющие части: вступительную, основную и заключительную; нахождение границ выделенных частей. Для этого необходимо определить главные и второстепенные мысли, выраженные в данной части текста; задать к ней вопросы и выписать ключевые мысли.

Например: 1. Найдите во вступлении статьи тему (или сформулируйте и запишите тему статьи).

2. Разделите основную часть на смысловые фрагменты, составьте ее план.

3. В заключении найдите авторские выводы (если они есть).

4. Отметьте в тексте статьи предложения, содержащие главную информацию, передающие смысл каждой части, сформулируйте важнейшие вопросы.

5. Составьте вопросный и тезисный план прочитанной статьи.

Следует добавить, что при выполнении заданий в аудитории, можно использовать разные формы обучения: коллективную и индивидуальную.

Аннотация

Специфическими для составления аннотации являются задания, позволяющие понять содержание статьи, выявить научное и практическое значение первоисточника, его новизну и отличие

от других, близких по тематике и целевому назначению, текстов. Активно применяются методы проблемно-поискового метода: создание проблемной ситуации, обсуждение в группах возможных подходов к решению проблемной ситуации, анализ ответов. Для отработки учащимся предлагаются притекстовые задания, которые необходимо обсудить и проработать в группе.

Читаем текст и работаем в группах.

Задание 1 для группы 1. Прочитайте текст и перечислите вопросы, освещаемые в нем.

Задание 2 для группы 2. Прочитайте текст и найдите в каждой части по одному предложению, передающему основную мысль этой части. Подчеркните эти предложения.

Задание 3 для группы 3. Прочитайте текст и сформулируйте его главную проблему. Отметьте в тексте фрагменты, раскрывающие разные аспекты данной проблемы.

После необходимо проверить выполнение притекстового задания каждой из групп.

Реферат

Процесс реферирования текста всегда имеет две ключевые задачи. Во-первых, выделить основную информацию в тексте. Во-вторых, кратко сформулировать выделенную главную информацию, не искажая смысла первичного текста.

При обучении написанию реферата важнейшими заданиями будут уже обозначенные общие для всех исследуемых нами текстов вторичных жанров (*прим.: см. Система упражнений по овладению умениями создания вторичных текстов*).

Специфическими для обучения составлению реферата будут являться следующие типы заданий:

Задание 1. После вторичного чтения научно-популярного текста объяснение трудных слов и выражений (возможно перевод на родной язык). Слова и выражения, которые могут вызвать трудности в нашем тексте, например: *поэтонимы, патронимы, таутонимы; новоявленный «человек», инфернальная коннотация, онтологический «перевертыш», «карнавальность»* и др.

Задание 2. Работа с лексикой. Выпишите из текста статьи все таутонимы. В каких произведениях М. А. Булгакова они встречаются?

▫ Проанализируйте, как образуются булгаковские таутонимы.

▫ Обратитесь к Словарю русских личных имен Н.А. Петровского, найдите толкование значений выписанных имен.

▫ Найдите в тексте статьи все слова с корнем *-им-* (*именоваться, именование, имена*). Подберите объяснение к данным словам.

Задание 3. Определите ключевые слова в анализируемой статье. Для достижения данной цели можно использовать работу с кластером: запись ключевого слова (фразы) и подобранных к нему ассоциаций. Например, в качестве ключевого понятия можно выбрать «таутонимы М. А. Булгакова» и подбирать ассоциации к нему.

Задание 4. Работа с текстом (обязательный для всех видов второстепенных текстов этап) необходимо:

▫ распределите прочитанный материал на важнейший, требующий отражения в реферате; второстепенный, который можно передать в сокращенном виде; малозначительную информацию, которую можно не включать в реферат.

Задание 5. Составьте план научно-популярного текста, формулируя пункты назывными предложениями. Поскольку такой тип предложений легче трансформируется в предложения, формулирующие главную мысль каждого раздела, и доказательства данной мысли. В этом заключается сущность реферирования.

Одним из важных этапов обучения написанию реферата является также работа со списком литературы в реферируемой статье. На примере данного текста обратить внимание на правила составления списка использованной литературы и культуру использования цитат, ссылок и сносок.

Задание 6. В качестве заданий можно дать упражнение на нахождение ошибок и их исправление в списке использованной литературы.

Рецензия

Рецензия является особой разновидностью научного текста, поскольку предусматривает анализ и интерпретацию первоисточника, имеет и семантико-структурные особенности. Поэтому система упражнений должна учитывать эту спец-

ифику: в процессе обучения студенты приобретают умения не только определять тип информации, аргументировать, выделять, добавлять, цитировать, делать вывод, но и оценивать, выражать мнение, давать рекомендацию. Такие упражнения можно использовать как в притекстовых заданиях, так и на послетекстовом этапе.

Задание 1. Внимательно прочитайте статью еще раз. На сколько частей можно разделить текст? Какова главная мысль каждой части? **Сформулируйте тезисы.** Каковы стилистические особенности каждой части? (описание, рассуждение).

Задание 2. Найдите и подчеркните **речевые клише научного стиля.**

Задание 3. Передайте основную идею текста несколькими предложениями.

Задание 4. Составьте тезисный план текста.

Послетекстовые задания

Общие типы послетекстовых заданий представляют собой упражнения на понимание материала, на определение познавательной ценности прочитанного, упражнения, необходимые для обучения интерпретации текста и продуцированию собственных вторичных текстов.

Аннотация

Во время выполнения послетекстовых заданий иностранные студенты, основываясь на знаниях и приобретенном профессиональном опыте, высказывают предположения о путях решения проблемной ситуации, обобщают ранее приобретенные знания, выявляют причины явлений, объясняют их происхождение, выбирают наиболее рациональный вариант решения проблемной ситуации.

Задание 1. Просмотрите текст повторно. Ответьте на следующие вопросы:

1. Скажите, достаточно ли полно автор освещает проблему, поставленную в тексте. Аргументируйте свой ответ.

2. Насколько логично высказывает автор свои суждения?

3. Выделите то новое, что вы узнали из данного текста.

4. Прокомментируйте ту часть текста, которая вам показалась наиболее интересной.

5. Скажите, каким образом вы можете использовать информацию, содержащуюся в тексте, при работе по специальности.

6. Выразите своё отношение к прочитанному.

Задание 2. Кого видит автор читателем своей статьи? Почему Вы так считаете? Аргументируйте своё мнение, используя доказательства из текста.

Задание 3. Напишите аннотацию текста с использованием языковых средств таблицы 3.

Таблица 3

Речевые образцы для написания аннотации.

Статья опубликована (помещена, напечатана) в журнале ...
 Статья посвящена вопросу (теме, проблеме)...
 Статья представляет собой обобщение (обзор, изложение, анализ, описание)... (чего?).
 В статье исследуется (что?)..., показано (что?)...
 Большое место в работе занимает рассмотрение (чего?)...
 В тексте дается характеристика (чего?)...
 Исследование ведется через рассмотрение таких проблем, как...
 Главное внимание обращается (на что?)...
 Отмечается, что..., подчеркивается, что...
 Особое внимание уделяется вопросам (чего?)...
 В работе нашли отражение разработка проблем (чего?), вопросы (чего?)...
 В статье на основе анализа (чего?) показан (что?)..., констатируется, (что?)..., говорится о (чем?)...
 В статье рассматривается (затрагивается, обобщается)... (что?); дается оценка (анализ, обобщение)... (чего?); представлена точка зрения... (на что?); затронут вопрос... (о чем?)...
 В заключение кратко излагается (что?)...
 Статья адресована (предназначена) ... (кому?); может быть использована ... (кем?); представляет интерес... (для кого?)

Реферат

Следующим важным этапом при работе над обучением реферированию будет являться составление текста реферата, которое осуществляется с использованием приемов обобщения, абстрагирования, интерпретации, перефразирования и т. д.

Задание 1. На послетекстовом этапе преподавателю необходимо дать студентам таблицу для заполнения (в качестве примера см. таблицу

4), в которой будет отражена и основная структура реферата, и языковые клише, используемые при его составлении.

Задание 2. Познакомьтесь со структурой реферата. **Обязательными частями реферата** являются:

1. Название реферируемой работы (или выходные данные);
2. Композиция реферируемой работы;
3. Проблематика и основные положения статьи;
4. Аргументация основных положений работы, раскрытие темы;
5. Выводы, заключение.

Основные речевые клише для составления реферата, с которыми необходимо познакомить студентов (в таблице 4 даны лишь некоторые примеры):

Таблица 4

Языковые клише для составления реферата.

Автор останавливается на вопросе...
 Он анализирует ...
 Оценивая, автор отмечает ...
 Далее автор рассматривает ...
 При этом он отмечает ...
 Отсюда автор делает вывод, что ...
 Задача, по мнению автора, заключается в том, чтобы ...
 Свои рассуждения автор иллюстрирует ...
 Автор приводит примеры ...
 Статья предназначена для специалистов в области ...
 Представляет интерес для... (филологов, широкого круга читателей и пр.)

Задание 3. После отработки данных выше упражнений необходимо дать задание написать реферат по тексту, с которым работали на занятии, и оформить его в соответствии с обозначенными требованиями.

Задание 4. Заключительный этап при составлении реферата. Редактирование полученного текста.

Рецензия

Задание 1. Ответьте на вопросы/составьте вопросы по прочитанному тексту.

Задание 2. Определите, что означают следующие слова: *Рецензия; Рецензент; Рецензировать.*

Познакомьтесь со **структурой рецензии**:

1. Предмет анализа
2. Актуальность темы
3. Краткое содержание
4. Формулировка основного тезиса
5. Оценочная часть
6. Выводы и рекомендации.

Обратите внимание на синтаксические конструкции, используемые для написания как рецензии, так и других вторичных текстов: реферата и аннотации. Заполните таблицу 5.

Некоторые фразы, рекомендуемые для написания рецензии на научную статью:

- Автор в своей работе дает подробный анализ...
- Автор успешно аргументирует свою собственную точку зрения...
- Автором предложены оригинальные идеи...
- Актуальность настоящего исследования заключается в...
- В статье выявлены и раскрыты основные проблемы...
- Все содержание статьи логически взаимосвязано и подтверждено цитатами из авторитетных источников.
- Достаточно подробно автором изучены (представлены, изложены, описаны) ...

Таблица 5

Синтаксические конструкции для составления аннотации.

1. Предмет анализа	<i>Предмет анализа – статья ...кого?.. (фамилия автора) ... (название)</i>
2. Актуальность темы	<i>Актуальность темы заключается в ... (чем?) Актуальность темы вполне очевидна и не требует дополнительных доказательств...</i>
3. Краткое содержание работы (с элементами анализа)	<i>В статье рассматривается (изучается, исследуется, говорится, показывается), что... Статья состоит из ... (количество частей). Первая часть посвящена ... (чему?) В первой части речь идет о/автор говорит о ... (о чем?) Вторая/третья... часть посвящена... Автор приходит к выводу, что ...</i>
4. Основной тезис	<i>Центральным вопросом работы является вопрос о... (о чем?) В статье на первый план выдвигается вопрос о... (о чем?)</i>
5. Оценка работы	<p>а) Положительная оценка <i>Главное достоинство работы заключается в логичности композиции, уместности примеров. Автор демонстрирует творческий подход, знание практического и теоретического материала. Безусловным достоинством работы является актуальность поднятых в ней проблем Автор доказывает свою мысль, привлекая богатый иллюстративный материал. Мысль автора представляется перспективной.</i></p> <p>б) Недостатки работы <i>К недостаткам работы следует отнести... (что?) отсутствие примеров/ неубедительность аргументов/нелогичность композиции и т.д. Остались неосвещенными некоторые вопросы, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме: ... (какие вопросы?) Существенным недостатком работы является... (что?) Отмеченные недочеты не снижают ее высокого уровня, их скорее можно считать пожеланиями к дальнейшей работе автора.</i></p>
6. Выводы, рекомендации	<i>В целом же, на наш взгляд, это интересная и полезная работа. Представляется, что в целом работа заслуживает положительной (высокой) оценки. Оценивая работу в целом ...</i>

▫ К положительным сторонам работы можно отнести...

▫ Материал статьи основан на детальном анализе...

▫ Особое внимание в исследовании ... уделено...

▫ Практическая значимость данной статьи заключается в...

▫ Рецензируемую работу отличают новизна и доказательность ряда идей.

▫ Статья выполнена на высоком научном уровне, содержит ряд выводов, представляющих практический интерес.

Задание 3. На основе тезисного плана текста, составьте краткий пересказ, используя известные вам клише. Выразите положительную оценку статьи, приведите аргументы.

Задание 4. Сообщите о своем отношении к прочитанному: было ли вам интересно читать эту статью, извлекли ли вы из нее новую информацию: а) фактическую; б) мировоззренческую. Что в изложенном материале кажется вам недостаточно аргументированным и спорным?

Задание 5. Напишите рецензию по данному тексту.

Заключение

Основываясь на полученных в результате проделанного исследования выводах, можно сделать следующие заключения. Обучение аннотированию, реферированию и рецензированию реализует принцип коммуникативности: направленности обучения языку на решение реальных задач в учебно-профессиональной сфере общения.

Конечной целью такого обучения является формирование и развитие у иностранных студентов умений и навыков аналитико-семантической обработки первичных текстов.

Представленные в настоящей статье задания помогают научить иностранцев работе с научным текстом по специальности. Позволяют обеспечить соблюдение основных методических принципов создания текстов вторичных жанров: логичности, адекватности, информативности, краткости и достоверности.

Кроме этого, содержательный компонент выбранных для анализа научных текстов предостав-

ляет возможность для осуществления межпредметных связей и развития критического мышления.

ЛИТЕРАТУРА:

Афанасьева, Попова 2012 — Афанасьева Н. А., Попова Т. И. *Палитра стилей: учебное пособие по стилистике русского языка для иностранцев*. СПб.: Златоуст, 2012. 116 с.

Бахтина, Кузьмич, Лариохина 2004 — Бахтина Л. Н., Кузьмич И. П., Лариохина Н. М. *Реферирование научного текста: учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. (Специальность: информатика, математика, физика)*. М.: Издательский отдел ф-та ВМК МГУ, 2004. 129 с.

Бурлакова 1993 — Бурлакова С. Л. *Учебное реферирование как средство развития профессиональной речи студентов-иностранцев технического вуза: основной этап, III курс*. Дис. ... канд. пед. н. СПб.: 1993. 202 с.

Вейзе 1985 — Вейзе А. А. *Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста языков*. М.: Высшая школа, 1985. 127 с.

Вербицкая 2000 — Вербицкая М. В. *Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка)*. М.: МГУ, 2000. 220 с.

Голев, Сайкова 2001 — Голев Н. Д., Сайкова Н. В. *К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 138 с.

Добросклонская 2008 — Добросклонская Т. Г. *Медиа-лингвистика: системный подход к изучению языка СМИ*. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.

Ильенко 2016 — Ильенко П. Особенности аннотирования и реферирования текстов по дисциплине «Иностранный язык» в высших учебных заведениях (для студентов неязыковых факультетов). *Вестник Оренбургской духовной семинарии*. 2016, № 2(6): 202–214.

Карасик 1997 — Карасик В. И. *Типы вторичных текстов. В сб. Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Тезисы докладов научной конференции*. Волгоград: Перемена, 1997: 69–70

Касимова 2010 — Касимова С. В. Содержание и границы понятия «вторичный текст». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2010, № 2: 28–31.

Кузнецова 1980 — Кузнецова Л. М. *Пособие по обучению конспектированию: На материале обществ.-полит. лит. Для студентов-иностранцев*. М.: Рус. яз., 1980. 190 с.

Максимюк 2019 — Максимюк Е. В. *Рецензирование, аннотирование, реферирование: учебное пособие*. Омск: СибАДИ, 2019. 46 с.

Моисеева, Широкова 1991 — Моисеева С. А., Широкова К. П. *Обучение реферированию*. СПб.: ВМА, 1991. 188 с.

Орлова 2013 — Орлова Е. В. *Научный текст: аннотирование, реферирование, рецензирование*. СПб.: Златоуст, 2013. 100 с.

Павлова 1989 — Павлова В. П. *Обучение конспектированию (теория и практика)*. М.: Рус. яз., 1989. 95 с.

Рогова 2015 — Рогова К. А. *Текст: теоретические основа-*

ния и принципы анализа: Учебно-научное пособие. СПб.: Златоуст, 2015. 321 с.

Терехова 1988 — Терехова М. Ю. *Лингвостилистический статус учебных видов вторичного текста*. Дис. ... канд. фил. наук. М.: 1988. 234 с.

Туманова, Бойко 1997 — Туманова Ю. А., Бойко В. Г. *Упражнения и тексты для обучения профессиональной научной речи. Выбор и употребление глагольной лексики при аннотировании, реферировании и рецензировании текстов*. М.: АО Диалог МГУ, 1997. 86 с.

Цыганенко 2018 — Цыганенко В. В. Методика составления реферата-обзора при обучении иностранных студентов русскому языку на старших курсах. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2018, 4 (31): 53–58.

Ширинкина 2001 — Ширинкина М. А. *Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности*. Дис. ... канд. фил. наук. Специальность – 10.02.01. – Русский язык. Пермь, 2001. 198 с.

Шуваева 2017 — Шуваева И. Н. К вопросу методики работы над текстом по специальности при обучении реферированию и аннотированию. *Апробация*. 2017, 2 (53): 103–105.

ИСТОЧНИКИ:

Стасевич 2021 — Стасевич К. Как работает вакцина. *Наука и жизнь*. 2021, № 3: 10–19.

Фаткуллина, Хабиров 2015 — Фаткуллина Ф. Г., Хабиров Р. Р. Медиа-текст в современном коммуникативном пространстве. *Современные проблемы науки и образования*. 2015, (1): 1.

Яблоков 2018 — Яблоков Е. А. «Как же вам угодно именоваться?» («Удвоенные» имена персонажей в произведениях М. А. Булгакова). *Русский язык в школе*. 2018, (5): 51–58.

REFERENCES:

Афанасьева, Попова 2012 — Afanasyeva N. A., Popova T. I. *Styles palette: a textbook on the style of the Russian language for foreigners*. Saint Petersburg: Zlatoust, 2012. 116 p. (in Russian)

Бахтина, Кузьмич, Лариохина 2004 — Bakhtina L. N., Kuzmich I. P., Lariohina N. M. *Abstracting a scientific text: a textbook for foreigners studying Russian. (Specialty: computer science, mathematics, physics)*. Moscow: Publishing department of the Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics, Moscow State University, 2004. 129 p. (in Russian)

Бурлакова 1993 — Burlakova S. L. *Educational abstracting as a means of developing the professional speech of foreign students of a technical university: main stage, III course*. Saint Petersburg: 1993. 202 p. (in Russian)

Вейзе 1985 — Veyze A. A. *Reading, summarizing and annotating foreign language texts*. Moscow: Higher school, 1985. 127 p. (in Russian)

Вербницкая 2000 — Verbitskaya M. V. *The theory of secondary texts (based on the material of modern English)*. Moscow: Moscow State University, 2000. 220 p. (in Russian)

Голев, Сайкова 2001 — Golev N. D., Saykova N. V. *Towards the Foundations of Derivative Interpretation of Secondary Texts*. Tomsk:

Publishing house of Tomsk University, 2001, 138 p. (in Russian)

Добросклонская 2008 — Dobrosklonskaya T. G. *Medialinguistics: a systematic approach to learning the language of the media*. Moscow: Flinta, 2008. 263 p. (in Russian)

Ильенко 2016 — Ilyenko P. Peculiarities of annotating and abstracting texts on the “Foreign language” discipline in higher educational institutions (for students of non-linguistic faculties). *Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*. 2016, 2 (6): 202–214. (in Russian)

Карасик 1997 — Karasik V. I. *Types of secondary texts. On digest of articles Linguistic personality: problems of designation and understanding. Abstracts of the scientific conference*. Volgograd: Change, 1997: 69–70. (in Russian)

Касимова 2010 — Kasimova S. V. Content and boundaries of the concept of “secondary text”. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2010, (2): 28–31. (in Russian)

Кузнецова 1980 — Kuznetsova L. M. *A handbook for teaching note-taking: Based on the material of the socio-political literature*. For foreign students. Moscow: Russkii iazyk, 1980. 190 p. (in Russian)

Максимюк 2019 — Maksimyuk E. V. *Reviewing, annotating, abstracting: a tutorial*. Omsk: SibADI, 2019. 46 p. (in Russian)

Моисеева, Широкова 1991 — Moiseeva S. A., Shirokova K. P. *Summarization training*. Saint Petersburg: VMA, 1991. 188 p. (in Russian)

Орлова 2013 — Orlova E. V. *Scientific text: annotation, abstracting, reviewing*. Saint Petersburg: Zlatoust, 2013. 100 p. (in Russian)

Павлова 1989 — Pavlova V. P. *Teaching note-taking (theory and practice)*. Moscow: Russkii iazyk, 1989. 95 p. (in Russian)

Рогова 2011 — Rogova K. A. *Text: theoretical bases and principles of analysis*. Saint Petersburg, 2011. (in Russian)

Терехова 1988 — Terekhova M. Y. *Linguo-stylistic status of educational types of secondary text*. Moscow: 1988. 234 p. (in Russian)

Туманова, Бойко 1997 — Tumanova Y. A., Boyko V. G. *Exercises and texts for teaching professional scientific speech. The choice and use of verb vocabulary when annotating, abstracting and reviewing texts*. Moscow: AO Dialogue Moscow State University, 1997. 86 p. (in Russian)

Цыганенко 2018 — Tsyganenko V. V. Methodology for preparing an essay-review when teaching Russian language to foreign students in senior years. *Topical issues of modern philology and journalism*. 2018, № 4 (31): 53–58. (in Russian)

Ширинкина 2001 — Shirinkina M. A. *Secondary business text and its genre varieties*. Perm, 2001. 198 p. (in Russian)

Шуваева 2017 — On the question of the methodology for working on a text in the specialty when teaching abstracting and annotation. *Апробация*. 2017, 2 (53): 103–105. (in Russian)

Нам Хе Хен,
О. С. Храброва

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОГРАФИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В КОРЕЙСКОЙ АУДИТОРИИ

NAM HYE HYUN, OLGA S. KHRABROVA

USE OF INFOGRAPHICS IN LINGUOCULTUROLOGY CLASSES: EXPERIENCE OF WORK IN A KOREAN AUDIENCE

В статье рассматривается роль лингвокультурологического подхода в обучении русскому языку как иностранному и также анализируется потенциал инфографики как учебного материала. Авторы подчёркивают, что изучение языка является в первую очередь изучением культуры, транслируемой им, поэтому включение элементов культуры в учебный материал является актуальным и важным. В статье уделено внимание сочетанию лексики, грамматики и лингвострановедческого материала как одному из методов, который помогает формировать у учащихся более полную языковую компетенцию. На занятии по лингвокультурологии преподаватель должен представить информацию по культуре страны изучаемого языка и привлечь учащихся к разговору по этой теме. А инфографика, будучи поликодовым текстом, оптимально служит этой задаче, так как она воздействует на зрительный канал, представляет сложные данные в краткой и наглядной форме, что способствует формированию у учащихся навыка вести дискуссию и также повышает интерес к стране изучаемого языка. Помимо этого, в статье уделено внимание инфографике как основе для создания новых упражнений в зависимости от лексико-грамматического контекста занятия. Авторы делятся практическим опытом использования инфографики на занятиях по лингвокультурологии в корейской аудитории и также предлагают некоторые методические рекомендации по использованию инфографики при обучении русскому языку как иностранному. В статье делается вывод о том, что в целом применение инфографики даёт возможность более эффективно достигать поставленных целей и задач.

Ключевые слова: преподавание в Южной Корее; лингвокультурологический подход; инфографика; поликодовый текст; межкультурная компетенция.

The article examines the role of linguocultural approach applied to teaching Russian as a foreign language and analyzes the potential of infographics as a teaching tool. The authors argue that the study of a language is, first of all, the study of the culture transmitted by this language, and, therefore, the inclusion of cultural elements in the educational material is relevant and important. The article focuses on the combination of vocabulary, grammar, linguistic and cultural material as a method that can help to form students' fuller linguistic competence. In linguoculturology courses, the instructor should provide information on the culture of the country of the target language and involve students in a conversation on this topic. And infographics, being a polycode text, is optimal for this task, since they affect the visual channel, presenting complex data in a concise form, which contributes to the formation of students' skills to lead a discussion and increases their interest in target language country. In addition, the article focuses on infographics as a basis for creating new exercises, depending on the lexical and grammatical context of the lesson. The authors share their practical experience of using

Нам Хе Хён

кандидат филологических наук,
профессор кафедры русского языка и
литературы

► zean01@yonsei.ac.kr

Ольга Сергеевна Храброва

преподаватель, приглашённый профессор
кафедры русского языка и литературы

► o_khrabrova@mail.ru

Ёнсе университет
50, Ёнсе-ро, Содэemun-гу, Сеул, 120-749,
Республика Корея

Nam Hye Hyun,
Olga S. Khrabrova

Yonsei University
50, Yonsei-ro, Seodaemun-gu, Seoul, 120-749
Republic of Korea

infographics in linguocultural courses in a Korean audience and also offer some methodological recommendations on the use of infographics in teaching Russian as a foreign language. The article concludes that, in general, the use of infographics makes it possible to more effectively achieve the set goals and objectives.

Keywords: teaching in South Korea; linguocultural approach; infographics; polycode text; intercultural ability.

Введение

Разработка новых подходов в методике обучения русскому языку как иностранному в настоящее время является одной из наиболее актуальных задач. Одной из важных и устойчивых тенденций образовательного процесса в целом является использование современных информационных технологий в обучении. Разнообразие форм и объём нового материала меняют психологию учащихся в восприятии материала [Григорьева 2019: 151–156]. Интерактивные методы обучения становятся всё более популярными, так как они позволяют преподавателю выбрать наиболее подходящую форму работы с обучающимися. Например, создавать различные тесты, кроссворды, викторины, упражнения в онлайн-режиме. В процессе изучения русского языка такой вид работы способствует росту мотивации, а также появлению большей увлечённости со стороны иностранных студентов.

Разработка методов обучения и учебно-методических материалов с использованием интернет-ресурсов в последнее время приобретает все большую актуальность по следующим причинам.

Во-первых, быстрыми темпами распространяется обучение в виртуальном пространстве. Традиционное обучение иностранным языкам предполагает очную форму работы. Однако, с развитием интернет – пространства произошёл «визуальный поворот», т.е. переход от текстуальности к визуальности как к основному источнику получения нового. Ситуация с COVID–19 заставила большинство преподавателей проводить занятия в онлайн-режиме. Согласно аналитическому отчету McKinsey, дистанционное обучение станет инновационным направлением в обучении, и в будущем будет развиваться гибридное обучение с элементами очного и дистанционного обучения. Можно предположить, что образование

в посткоронавирусную эпоху выйдет за границы физического пространства традиционного лекционного зала. Такому виду обучения могут оптимально служить интернет-ресурсы, которые выходят за рамки времени и пространства.

Во-вторых, в настоящее время актуальным является включение в учебный материал элементов культуры страны изучаемого языка. Знания только лексики и грамматики недостаточно, если мы говорим о формировании полноценной языковой компетенции. Даже когда инофоны выбирают правильные лексико-грамматические формы и правильно их произносят, то всё равно отсутствие надлежащих культурных фоновых знаний может привести к недоразумению и даже конфликту. Поэтому сочетание лексики, грамматики и лингвострановедческих материалов будет способствовать формированию более полной языковой компетенции. В связи с этим преподаватели соглашались с тем, что в учебном процессе они должны не только научить студентов запоминать слова, правильно использовать грамматические конструкции, но и познакомить их с культурой, традициями изучаемого языка. Для реализации такой задачи большой потенциал имеет именно инфографика. Будучи графическим способом подачи информации, инфографика помогает быстро и чётко преподнести сложную информацию, поддерживать интерес к стране изучаемого языка и тем самым обеспечивать практическое и содержательное общение и взаимодействие.

Таким образом, можно утверждать, что использование цифровых технологий, в частности, инфографики является эффективным средством более глубокого изучения иностранного языка.

В данной статье мы намереваемся показать примеры использования инфографики на занятиях по лингвокультурологии, и тем самым продемонстрировать потенциал инфографики в качестве учебного материала. Статья базируется на опыте проведения интенсивных курсов русского языка в университете Ёнсе (Yonsei University) в Сеуле. Курсы проводились дважды (в январе и июле 2021 года), продолжительность каждого из них составила 4 недели. Они были рассчитаны

на студентов начального, среднего и продвинутого уровней владения русским языком.

Итак, во второй части статьи рассматривается роль лингвокультурологического подхода в обучении русскому языку. В третьей части приводятся конкретные примеры использования инфографики на занятиях по лингвокультурологии и предлагаются некоторые методические рекомендации по использованию инфографики при обучении русскому языку как иностранному. Четвёртая часть обобщает всё сказанное.

Роль лингвокультурологического подхода в обучении русскому языку

Конечная цель изучения иностранных языков — успешная коммуникация. А успешная коммуникация возможна лишь со знанием ценностных, поведенческих систем, характерных для общества носителей этого языка, так как язык всегда является транслятором культурных ценностей. Соответственно, изучение языка — это, прежде всего, изучение культуры, транслируемой им. Здесь культурные ценности могут выступать не только в качестве средств освоения культуры изучаемого языка, но и целью, которая позволит в полной мере освоить языковые структуры [Киндря 2017:17].

Например, в корейском языке очень развита система терминов родства и почётная речь (*honorific Mood*), и это связано с традиционным иерархическим порядком, социальной дистанцией, категорией вежливости, характерной для корейского общества. Ведь не случайно, что один из самых сложных моментов в русском языке для корейских обучающихся, это обращение. В отличие от русского языка в корейском языке обращение «ты / вы» решается не в зависимости от степени близости, а от социальной и возрастной иерархии. Поэтому, скажем, дети не могут обращаться к родителям на «ты». Помимо этого, в отличие от русского языка, в корейском языке название профессии часто употребляется как обращение, например, *профессор Пак, директор Ким*, поэтому обращение на русском языке является типичной ошибкой корейских учащихся.

Таким образом, для полноценной коммуникации очень важно понимание страноведческой

коннотации слов, средств невербальной коммуникации, речевого этикета, культурных кодов, поведенческих стереотипов, характерных для общества изучаемого языка. В связи с этим уже давно обсуждалась актуальность лингвокультурологического подхода в преподавании иностранного языка.

Особенно в последнее время в связи с активизацией контактов посредством новейших технологий люди все чаще сталкиваются с чужой культурой, что ещё больше усиливает актуальность так называемой «межкультурной компетенции» (*intercultural ability*). На занятиях по лингвокультурологии обучающиеся сравнивают чужую культуру с родной, и в процессе этого они могут глубже понимать свою культуру, что послужит ещё одним дополнительным мотивом для изучения иностранного языка. Следовательно, межкультурная компетенция предполагает не только усвоение определённых культурологических знаний, но и формирование способности и готовности понимать менталитет носителей изучаемого языка, а также свои национальные особенности и национальную идентичность [Дмитриева, Королева 2019: 74–75].

Однако в реальности часто происходит совершенно другое. Зачастую преподаватели делают акцент на приобретении чистых языковых навыков, а социально-культурные компоненты даются на занятии ограниченно и без определённых критериев. В чем причина этого?

Во-первых, понятие «культура» очень широкое и многогранное, поэтому отсутствуют какие-либо критерии в подборе оптимальных тематик, представляющих общую картину культуры изучаемого языка и способствующих совершенствованию языковых навыков.

Во-вторых, во многих случаях группа состоит из учащихся с разным уровнем владения языком и трудно ориентироваться на какой-нибудь определённый уровень. При подаче культурных материалов кто-то быстро читает и может говорить больше, а кто-то медленно переводит и не успевает говорить.

В-третьих, выбор и подготовка подходящих учебных материалов является неотъемлемой ча-

стью реализации культурологического подхода. При этом особенно важно пользоваться живыми интернет-ресурсами, чтобы постоянно привлекать внимание студентов. Однако преподаватели не всегда успевают находить компетентные источники информации и готовить надлежащие учебные материалы для каждого занятия.

Принимая во внимание сказанное выше, мы хотели бы привести конкретные примеры лингвокультурологического занятия с применением инфографики, исходя из опыта проведения интенсивных курсов в университете Ёнсе.

Использование инфографики на занятиях по лингвокультурологии

Потенциал инфографики как учебного материала при обучении иностранному языку

В последнее время среди преподавателей иностранных языков становится всё более популярным использование инфографики [Басырова 2016: 22–26, Амлинская 2017: 17–22, Григорьева 2019: 151–156]. Преподаватели отзываются об инфографике как о новом способе подачи разнообразного лексико-грамматического и страноведческого материала. Инфографика как учебный материал обладает рядом преимуществ.

Во-первых, использование инфографики на занятиях помогает реализовать один из общедидактических принципов — принцип наглядности. Зрение помогает получить человеку около 80% сведений об окружающем мире. Также выделяют слуховую наглядность, которая, как и зрительная, играет важную роль на этапе закрепления и проверки усвоения материала. Оба вида наглядности способствуют развитию навыков и умений устной речи [Чернова 2017: 281–285]. Будучи визуальным материалом, инфографика воздействует на зрительный канал и представляет сложные данные в краткой и наглядной форме, делает информацию лёгкой для усвоения. Один графический рисунок может содержать несколько страниц текста [Куйдина 2018:77–82].

На современном этапе принцип наглядности становится особенно актуальным в учебном процессе. Современные студенты предпочитают визуальные символы логике и углублению в текст.

Как и поликодовый текст, инфографика объединяет в одно целое текст, изображения, числовые диаграммы, схемы, видео и служит эффективным инструментом представления данных и объяснения сложных проблем.

Во-вторых, использование инфографики способствует развитию навыков говорения. У учащихся нет готового текста, но есть определённая опора и необходимая информация для построения собственного связного текста. Можно сказать, что инфографика в некоторых случаях является исходной точкой для дискуссии. Особенно важно, она может быть использована на занятиях со студентами практически любого уровня — от А2 до С2 [Амлинская 2017: 17–22]. Есть мнение, что включение инфографики именно на уровне В1 является наиболее целесообразным, так как студенты могут обсуждать информацию в мини-группах. Подобная форма работы является наиболее эффективной на занятиях по развитию речи.

В-третьих, в свободном доступе есть большое количество готовых вариантов инфографики, и даже преподаватель может сам создавать их с помощью специальных программ (<https://canva.com>, <https://infogram.com>, <https://piktochart.com>, <https://venngage.com>, <https://easel.ly> и др.).

Таким образом, можно сказать, что инфографика помогает донести до аудитории сложную или объёмную информацию понятным и быстрым способом и является хорошим помощником в обучении русскому языку как иностранному студентов разных уровней владения языком.

Опыт применения инфографики на занятиях по лингвокультурологии

Теперь обратимся к практическому применению инфографики на занятиях по русскому языку как иностранному. В университете Ёнсе (Сеул, Южная Корея) студентам разных уровней владения русским языком был предложен дополнительный курс по разговорной практике, включающий в себя материалы по лингвокультурологии.

По мнению Р. Лафаетта, культура делится на «Культуру» с большой буквы «К» и «культуру» с маленькой буквы «к». Первая является высокой культурой, включающей такие элементы, как гео-

графия, исторически важные события, архитектурные памятники, литературные произведения, художественные шедевры и т. д. В то же время последняя относится к бытовой культуре, предусматривающей такие элементы, как жесты, поведенческие стереотипы, приветствия и т. д. Р. Лафаетт утверждает, что при изучении иностранного языка наиболее важно знать именно элементы бытовой культуры [Lafayette 1982: 65]. На наших курсах были представлены элементы культуры и с большой буквы «К» и с маленькой буквы «к», т. е. были предложены такие различные темы для обсуждения, как «Доходы в разных регионах России», «Лучшие российские города для жизни», «Жильё», «Путешествие по России», «Профессии» и другие.

Для примера разберём использование инфографики «Куда поехать в России», предложенной на занятии по теме «Путешествие по России» для студентов с уровнем владения русским языком А2.

(Источник инфографики: информационно-познавательный проект «Интересное на карте», <http://mapinmap.ru/>)

Вышеприведённая инфографика предлагает 10 различных направлений для путешествия по России, охватывая всю территорию страны, от Крыма до Владивостока. На ней указаны периоды года, максимально подходящие для путешествия в каждый конкретный регион. Например, студенты могли увидеть, что в Казань стоит ехать в любое время года, а на Алтай лучше запланировать своё путешествие в период с мая по сентябрь.

Перед работой с инфографикой студентам предлагалось выполнить предтекстовые задания

на снятие языковых трудностей. Ниже представлены примеры заданий.

Задание 1. Что означают эти слова? Как они образованы?

Юго-запад, юго-восток, северо-запад, северо-восток.

Задание 2. Как вы думаете, почему стоит ехать в каждый регион именно в предложенный период года?

Задание 3. Распределите слова по 2 группам: 1) природные объекты и 2) объекты, созданные человеком.

Гора, дворец, маяк, водопад, крепость, собор, проспект, остров, озеро, парк, театр, площадь, каньон, галерея, музей, пещера, мост, ворота.

Чтобы помочь студентам правильно построить свой ответ, были еще предложены такие опорные конструкции, как "Я бы хотел...", "Было бы интересно посетить...", "Меня очень интересует..." и другие.

Так как занятие проводилось в онлайн-режиме, на интерактивной карте России были показаны регионы, предложенные для посещения. Затем были продемонстрированы фото- и видеоматериалы, а также студенты узнали интересные факты о каждом направлении. Например, что в Санкт-Петербурге находится самый глубокий метрополитен в мире, а Казань называют «третьей столицей России». Студентам было предложено обсудить в группах, какие из направлений им кажутся наиболее интересными для посещения, и после обсуждения выбрать три из них. Затем студенты составили свой список, состоящий из пяти интересных для посещения мест в Корее. Работа выполнялась совместно в мини-группах. Вот примеры вопросов, которые предлагались для обсуждения:

□ Чем интересно это место с исторической точки зрения?

□ Какие природные объекты там находятся (река, озеро, горы и т. д.)?

□ Есть ли в этом городе (деревне, районе) традиционные блюда, которые стоит попробовать?

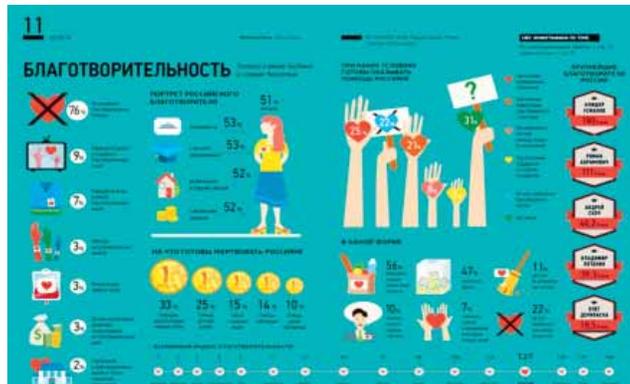
▫ Какие мероприятия (праздники, фестивали) там проводятся?

▫ Почему вы рекомендуете это место для посещения?

▫ В какое время года туда стоит поехать?

Во время обсуждения в группах студенты высказывали свою точку зрения, учились её аргументировать. В качестве домашнего задания было предложено подготовить презентацию об одном из наиболее интересных для посещения мест в Корее.

Ниже представлен ещё один пример использования инфографики, которая была продемонстрирована студентам с уровнем владения русским языком В1 на занятии по теме «Деньги. Доходы и расходы».

(Источник инфографики: данные за 2014 год, автор: группа ФОМ (Фонд общественного мнения), <http://fom.ru/>)

На занятии одной из тем для обсуждения была благотворительность. Студентам было предложено познакомиться с инфографикой, которая содержала в себе следующую информацию:

- форма благотворительности
- портрет российского благотворителя
- на что готовы жертвовать россияне
- при каких условиях готовы оказывать помощь россияне
- в какой форме готовы оказывать помощь россияне
- список крупнейших благотворителей России
- всемирный индекс благотворительности

Ниже приведены примеры предтекстовых заданий.

Задание 1. Как образовано слово «благотворительность», от каких двух слов? Что такое благотворительность? Дайте определение данному термину.

Задание 2. Какие формы благотворительности вы знаете? Приведите примеры.

Задание 3. Соедините части словосочетаний, поставив существительные в нужной форме:

<i>оказывать</i>	<i>денежные пожертвования</i>
<i>работать</i>	<i>благотворительность</i>
<i>делать</i>	<i>вещи, деньги</i>
<i>заниматься</i>	<i>(на) добровольные начала</i>
<i>передавать</i>	<i>благотворительная помощь</i>

Занятие также проводилось в онлайн-режиме. Студентам было предложено обсудить, какие формы благотворительности есть в Корее, сравнив их с теми, которые существуют в России. Были продемонстрированы видеоматериалы, рассказывающие об известных благотворительных организациях России (например, Благотворительный фонд помощи детям с тяжёлыми заболеваниями «Подари жизнь», Благотворительный фонд «Дом с маяком» и другие).

Затем студенты работали в мини-группах. Им надо было обсудить, какие формы благотворительности могут быть доступны для людей разных возрастных категорий. При этом были предложены такие опорные конструкции как "В качестве примера можно привести ...", "По сравнению с ...", "Я полагаю, что ..." и другие.

В качестве домашнего задания студенты подготовили сообщение об одной из благотворительных организаций в Корее. При этом они должны были ответить на следующие вопросы:

- Как называется эта организация?
- Для кого предназначена помощь?
- В какой форме оказывается помощь?
- Где можно подробнее узнать об этой организации, о проводимых мероприятиях?
- Принимали ли вы участие в благотворительных мероприятиях, проводимых этой организацией?

Помимо вышеприведённых тем во время интенсивных курсов проводились занятия по другим страноведческим темам. На этих занятиях также

использовались инфографики, соответствующие обсуждаемой теме. Ниже прилагается список тем с источниками инфографики.

Заключение

Инфографика обладает большим потенциалом для использования на занятиях по русскому

Тема	Название инфографики	Источник
Путешествие по России	Куда поехать в России	Информационно- познавательный проект “Интересное на карте” (mapinmap.ru)
Доходы в разных регионах России	Где в России хорошо платят	Аргументы и факты (aif.ru)
Жильё	Самые дешёвые квартиры в городах-миллионниках	Аргументы и факты (aif.ru)
Профессии	Топ-10 самых денежных сфер деятельности России	news.ru на основе данных Росстата
Увлечения и досуг	А на досуге мы танцуем буги-вуги?	ВЦИОМ (Всероссийский центр исследования общественного мнения), https://wciom.ru/infographics
Счастье и успех	Индекс счастья	ВЦИОМ (Всероссийский центр исследования общественного мнения) , https://wciom.ru/infographics
Россия и русские	Русский характер	ВЦИОМ (Всероссийский центр исследования общественного мнения), https://wciom.ru/infographics
Русский язык	Какие новые слова появились в 2017 году	Amic.ru: новости Барнаула и Алтая (amic.ru)
Человек и общество	В каких странах меньше всего одиноких людей?	Аргументы и факты (aif.ru)

Как показали результаты проведения курсов, использование инфографики обладает большой эффективностью и целесообразностью. Это связано еще и со спецификой корейской аудитории, поскольку корейцам присущ рационально-логический стиль овладения языком [Болбас 2018:25]. Хотя корейские студенты заинтересованы в развитии именно навыков разговорной речи, они часто сталкиваются с трудностями при продуцировании спонтанного, неподготовленного высказывания. А при работе с инфографикой студенты самостоятельно выбирали конструкцию и строили предложение на основе визуальной информации и минимума слов, представленных на ней. Таким образом, инфографика способствовала развитию навыков устной речи у студентов.

языку как иностранному. Особенно она полезна на занятиях по лингвокультурологии, так как позволяет студентам легче усваивать объёмный материал и сложную информацию. Помимо этого на её основе можно создавать новые упражнения в зависимости от лексико-грамматического контекста занятия. Как показал практический опыт в корейской аудитории, использование инфографики способствует формированию у учащихся навыка вести дискуссию, умению аргументированно отстаивать свою точку зрения, а также повышает мотивацию к обучению и интерес к стране изучаемого языка. Итак, в целом применение инфографики даёт возможность более эффективно достигать поставленных целей и задач.

ЛИТЕРАТУРА

Амлинская 2017 — Амлинская Ю. Р. Методические рекомендации по использованию инфографики на уроках русского языка как иностранного. *Дидактическая филология*. 2017, 1 (5): 17–22.

Басырова 2016 — Басырова А. Е. Инфографический текст как новое средство наглядности на уроках РКИ. В сб.: *Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы 4-й международной научно-методической конференции*. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. С. 22–26.

Болбас 2018 — Болбас Н. М. Особенности преподавания русского языка корейским студентам на начальном этапе. *Современные проблемы науки и образования*. 2018, 4: 24–29.

Григорьева 2019 — Григорьева Н. В. Инфографика как способ визуализации учебной информации. *Научный компонент*. 2019, 3 (3): 151–156.

Дмитриева, Королева 2019 — Дмитриева О. А., Королева И. А. Опыт формирования межкультурной компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки*. 2019: 74–78

Киндря 2017 — Киндря Н. А. Лингвокультурологический аспект обучения русскому языку как иностранному. *Современное педагогическое образование*. 2017, 4: 17–24.

Куйдина 2018 — Куйдина Е. П. Использование инфографики на уроках РКИ. В сб.: *Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы 5-й Международной научно-методической конференции*. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2018. С. 77–82.

Селиванова 2003 — Селиванова С. И. Специфика интересов корейской аудитории при изучении русского языка на родине. В сб.: *Россия и Корея в меняющемся мировом порядке: материалы 7-й научной конференции корееведов*. Москва: РАН, 2003. С. 187–198.

Чернова 2017 — Чернова Н. В. К вопросу о дидактических принципах в методике РКИ. В сб.: *Социально-гуманитарные исследования: сборник научно-методических трудов*. Москва: Перо, 2017. С. 281–285.

Шашок 2017 — Шашок Л. А. Инфографический текст как новое средство наглядности на уроках по русскому языку как иностранному в военном вузе. В сб.: *Актуальные вопросы филологических наук: материалы V Международной научной конференции*. Казань: Бук, 2017. С. 67–69.

Lafayette 1978 — Lafayette, Robert C. *Teaching Culture: Strategies and Techniques (Language in Education: Theory and Practice, Vol 11)*. Centre for Applied Linguistics. 1978. 28 p.

In: *Problemy prepodavaniia filologicheskikh distsiplin inostrannym uchashchimsia: materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*. Voronezh: IPTs «Nauchnaia kniga», 2016. P. 22–26. (In Russian)

Болбас 2018 — Bolbas N. M. Features of teaching Russian to Korean students at the initial stage. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*. 2018, (4): 24–29. (In Russian)

Григорьева 2019 — Grigor'eva N. V. Infographics as a way to visualize educational information. *Nauchnyi component*. 2019, 3 (3): 151–156. (In Russian)

Дмитриева, Королева 2019 — Dmitrieva O. A., Koroleva I. A. Experience in the formation of intercultural competence in the process of teaching Russian as a foreign language. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*. 2019: 74–78 (In Russian)

Киндря 2017 — Kindria N. A. Linguoculturological aspect of teaching Russian as a foreign language. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2017, (4): 17–24. (In Russian)

Куйдина 2018 — Kuidina E. P. The use of infographics in the lessons of Russian as a foreign language. In: *Problemy prepodavaniia filologicheskikh distsiplin inostrannym uchashchimsia: materialy 5-i Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*. Voronezh: IPTs «Nauchnaia kniga», 2018. P. 77–82. (In Russian)

Селиванова 2003 — Selivanova S. I. The specifics of the interests of the Korean audience in the study of the Russian language at home. In: *Rossia i Koreia v meniaiushchemsia mirovom poriadke: materialy 7-i nauchnoi konferentsii koreevedov*. Moscow: RAN, 2003. P. 187–198. (In Russian)

Чернова 2017 — Chernova N. V. On the question of didactic principles in the methodology of teaching Russian as a foreign language. In: *Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniia: sbornik nauchno-metodicheskikh trudov*. Moscow: Pero, 2017. P. 281–285. (In Russian)

Шашок 2017 — Shashok L. A. Infographic text as a new means of visibility in the lessons of Russian as a foreign language in a military university. In: *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kazan': Buk, 2017. P. 67–69. (In Russian)

Lafayette 1978 — Lafayette, Robert C. *Teaching Culture: Strategies and Techniques (Language in Education: Theory and Practice, Vol 11)*. Centre for Applied Linguistics. 1978. 28 p.

REFERENCES

Амлинская 2017 — Amlinskaia Iu. R. Methodological recommendations on the use of infographics in the lessons of Russian as a foreign language. *Didakticheskaia filologiya*. 2017, 1 (5): 17–22. (In Russian)

Басырова 2016 — Basyrova A. E. Infographic text as a new means of visibility in the lessons of Russian as a foreign language.

Рецензия на пособие

Дёрнеи З. Опросники в исследованиях по изучению второго языка: создание, проведение, обработка

(Золтан Дёрнеи / при участии Тацуя Тагути. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2021. – 224с. – (От лингводидактики к прикладной лингвистике))

DOI: 10.24412/1811-1629-2021-4-101-103

Рецензируемое пособие включается в серию переводных научных монографий «От лингводидактики к прикладной лингвистике», реализуемую издательством «Златоуст». Цель научного редактора А. В. Голубевой — представить читателю широкую панораму современных лингвистических и лингво-дидактических исследований по изучению иностранных языков. Идея издательства примечательна тем, что был собран портфель актуальных тем и авторов переводных работ, прошедших экспертизу в фокус-группах и при анкетировании широкого круга специалистов.

Книга британского лингвиста, профессора Ноттингемского университета Золтана Дёрнеи, созданная при участии его аспиранта Тацуя Тагути, адресована специалистам гуманитарного профиля. В ней изложены основные этапы создания и использования опросников по изучению и преподаванию второго (после родного — иностранного: L2) языка, что определяет возможности их привлечения к теоретическим и прикладным исследованиям по русскому языку как иностранному.

Сопровождение текста предисловием и комментариями научного редактора, списком рекомендуемой литературы, именным и предметным указателем, а также тремя приложениями с образцами опросников на русском, английском, китайском, японском и персидском языках создаёт и реализует модель верифицированного практико-ориентированного пособия.

В пяти главах книги последовательно освещаются следующие темы: Опросники в исследованиях второго языка; Создание опросников; Проведение опроса; Обработка данных, полученных с помощью опросов; Разработка мотивационного опросника.

Изучением и созданием опросников автор книги занимается с середины 1980-х годов, в процессе подготовки докторской диссертации он вы-

брал проблему мотивации при изучении L2, которую продолжает исследовать и в настоящее время. Центральной практико-ориентированной главой рецензируемой книги является Глава 5, в которой нашли отражение вопросы мотивации при изучении второго языка (L2), в ней описывается разработанный исследовательский инструментарий для японских, китайских, иранских респондентов.

Представленный в работе материал углубляет теорию создания и алгоритмизации опросников, а также процесса обработки полученных данных, при этом акцентируется внимание на научных основаниях разрабатываемой теории.

Особенностью подачи материала является включение в текст высказываний специалистов в данной области, предшественников и современников автора, которые ярко иллюстрируют и подтверждают основные положения книги.

Опросники позволяют получить данные о респондентах: 1) фактические как результат включения, помимо традиционных вопросов, таких, ответы на которые сообщают сведения об истории изучения языка, количестве времени, проведенном в среде (L2) и др.; 2) поведенческие, связанные со стратегиями изучения иностранного языка; 3) оценочные, которые, по мнению автора, касаются взглядов, мнений, убеждений и ценностей, и которые делается попытка ранжировать, несмотря на сложность их разграничения, по степени участия в процессе обучения.

Сам по себе опросник как инструмент исследовательской работы по сравнению, например, с интервьюированием обладает рядом преимуществ: минимизация временных затрат и усилий исследователя, экономическая эффективность при использовании высоких технологий, универсальный характер, обеспечивающий надежность и достоверность результатов, связанных со снижением необъективных ответов респондентов.

Автор указывает на необходимость при создании опросника ряда шагов и процедур: разработка его структуры; написание эффективных вопросов и составление пула заданий; выбор и последовательность вопросов; написание инструкций и подбор примеров; перевод опросника на необходимый для исследователя язык; использование опросника в тестовом режиме и анализ его вопросов.

Выделим наиболее значимые практические рекомендации Золтана Дёрнеи, которые необходимо учитывать начинающим исследователям:

- рекомендуемый объем опросника должен составлять не более четырёх страниц;

- максимальное время, требуемое на заполнение опросника, не должно превышать тридцати минут;

- отформатированный в виде буклета текст должен включать структурные элементы: шрифты и параметры выделения, маркировка последовательности;

- важен учет этических норм при разработке опросника, например, вопросы, не должны затрагивать острые религиозные и культурные темы;

- необходимо обеспечить анонимность участников опроса.

Характеризуя структуру опросника, исследователь обращает внимание на необходимость дать ему заголовок, чтобы «идентифицировать область исследования, обозначить общее направление мысли для респондентов и побудить их обратиться к соответствующим собственным базовым знаниям и ожиданиям относительно дальнейшего содержания» (с. 30).

Предваряют опросник общие инструкции, каждый новый тип заданий требует частных инструкций. Приводим пример общих инструкций Опросника для изучающих английский язык из приложения Б.

Этот опрос проводится Школой англистики Ноттингемского университета (Великобритания), чтобы лучше понять мысли и убеждения изучающих английский язык. Опросник состоит из четырех разделов. Пожалуйста, прочитайте все инструкции и напишите свои ответы. Это не тест, поэтому здесь нет правильных и неправильных ответов, и вам даже не нужно указывать

свое имя. Результаты этого опроса будут использоваться только в исследовательских целях, поэтому просьба отвечать искренне. Большое спасибо за вашу помощь!

Автор уделяет особое внимание оформлению темы опросника и первого вопроса. Вступительные вопросы должны быть интересными, достаточно простыми, сфокусированными на относительно мягком или нейтральном аспекте.

Анализируя отбор вопросов, автор предлагает использовать многоэлементную шкалу, которая представляет собой группу вопросов с разными формулировками, относящимися к одной теме, что позволяет усилить стабильный компонент в кластере отдельных вопросов.

Я изучаю английский, потому что мои близкие друзья считают это важным.

Изучение английского языка важно, потому что окружающие ожидают этого от меня.

Изучение английского языка важно для меня, потому что образованный человек должен уметь говорить по-английски.

Формулировка вопросов предполагает краткость, простоту изложения, отсутствие двусмысленности, исключение отрицательных конструкций и вопросов, вероятность одинаковых ответов на которые высока. При этом вопросы должны касаться как положительных, так и отрицательных сторон целевой темы.

Я должен учить английский, потому что, не пройдя курс английского, не смогу окончить университет.

Я должен учить английский, потому что, не пройдя курс английского, не смогу получить научную степень.

К наиболее часто используемым относятся закрытые вопросы, их кодирование и представление данных в виде таблиц просты и объективны. В эту категорию входят разные типы вопросов, но респонденту даются разные варианты ответов, которые нужно выбрать и отметить.

1. Абсолютно не согласен
2. Не согласен
3. Частично не согласен
4. Частично согласен
5. Согласен

6. Полностью согласен

Открытые вопросы автор предлагает включить ближе к концу опросника. Обычно это анкеты для учащихся, предлагающие им оценить преподавателя/курсы.

Какие аспекты этого курса были наиболее эффективными?

Какие аспекты этого курса были наименее эффективными?

Как можно улучшить этот курс?

Пилотное тестирование опросника Золтан Дёрнеи рекомендует проводить на различных этапах разработки, привлекая к участию людей, схожих с целевой выборкой, для которой был разработан инструмент.

Описывая проведение опроса, автор останавливается на построении выборки респондентов и стратегиях, которые можно использовать для формирования положительного отношения к опроснику и обеспечения вовлеченности респондентов.

Выделены основные типы проведения опросов: почтовый, индивидуальный, групповой, онлайн-опрос. При этом автор характеризует групповое проведение опроса как наиболее распространенный и эффективный тип опроса.

Обработка полученных данных предполагает несколько этапов.

Первый этап, процесс кодирования, включает в себя преобразование ответов в баллы, при этом каждому заполненному опроснику присваивается индивидуальный идентификационный код. Специфика кодирования открытых вопросов заключается в сведении разнообразной информации в ответах к ограниченному числу категорий. При вводе данных особое внимание следует уделять обработке недостающих данных, перекодированию определенных значений и стандартизации данных.

На следующем этапе необходимо уменьшить количество измеряемых переменных в опроснике до управляемых пропорций (с. 109–110). Опросники содержат четыре основных типа данных: 1) квалификационные, например, присвоение числовых значений по данным пол или раса достаточно произвольно (мужчина –1, женщина –2); 2) ординаль-

ные (порядковые) — например, параметры «один раз в день», «один раз в месяц», «один раз в год», «никогда»; 3) интервальные рассматриваются как порядковые данные, где различные значения находятся на одинаковом расстоянии друг от друга (например, учеников, проходящих стобалльный тест, можно объединить в три группы: низкий результат 0–33, средний результат 34–66, высокий результат 67–100).

Проверка надежности и достоверности, то есть валидности данных, предполагает вычисление ряда коэффициентов, в частности, коэффициент «альфа Кронбаха» измеряющий внутреннюю согласованность характеристик для каждой многоэлементной шкалы (с. 113–114). Числовые данные обычно обрабатываются с помощью статистических процедур, в большинстве случаев используется инференциальная статистика (статистические методы и приемы, применяемые в целях обобщения данных по генеральной совокупности на основании выборочных данных), сопровождаемая индексами статистической значимости.

При составлении отчета о результатах опроса рекомендуется использовать диаграммы, графики и таблицы. Если необходимо, можно дополнить данные из опросника информацией, поступающей из других источников, например, интервью.

В заключение еще раз подчеркнем практическую значимость рецензируемой книги профессора Ноттингемского университета Золтана Дёрнеи, в которой представлен универсальный инструментарий по разработке опросников, проведению опроса и обработке полученных данных. Количественные исследования в современных научных работах являются показателем достоверности используемых авторами методов и приемов.

Щукина Дарья Алексеевна,

*доктор филологических наук,
профессор, заведующая кафедрой русского языка
и литературы Санкт-Петербургского горного
университета*

Авлова Татьяна Борисовна,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры
русского языка как иностранного
и методики его преподавания СПбГУ*

Рецензия на монографию

Е.А. Косых. «Тьюдная бутва», или Лингвистика детского речевого произведения»

(Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 2020: электронное издание)

DOI: 10.24412/1811-1629-2021-4-104-107

Рецензируемая работа представляет собой электронное издание, автором которого является Елена Анатольевна Косых, кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета.

Научная концепция автора базируется, с одной стороны, на традициях изучения детской речи в рамках онтолингвистики, с другой — на новом осмыслении феномена детской речи с опорой на реализацию коммуникативных составляющих. Современная научная парадигма исследует процесс текстопорождения в основном детьми старшего дошкольного и школьного возраста, лишь отдельные работы посвящены изучению реплик ребёнка как текста. В монографии представлена попытка изучить детские тексты не только как материал языкотворческого процесса, но и как свидетельство развития у ребёнка способности к языковому освоению фантазийного и сказочного мира. Центральное место в работе занимает рассмотрение соотношения «детское речевое произведение — детский текст» в ракурсе анализа категорий текста, которые ребёнок на начальном этапе формирования языковой способности подсознательно внедряет в своё произведение.

Актуальность проблемы, рассматриваемой Е.А. Косых в данной монографии, определяется неуклонно возрастающим интересом лингвистов, психологов и онтолингвистов к исследованию детского речевого произведения, представляющего собой дискурсивную деятельность формирующейся языковой личности. Рецензируемая работа посвящена изучению разных типов детских текстов, появившихся в результате коммуникативной ситуации «взрослый — ребёнок».

Материалом исследования послужили детские речевые произведения, зафиксированные взрослыми участниками коммуникативной ситуации. В качестве реципиентов выступили дети в возрасте от 1 года 6 месяцев до 4-х лет. Общее ко-

личество проанализированных в работе текстов — 18, по 6 для каждого типа (первичный, вторичный и первично-вторичный тексты).

Данное исследование носит все признаки экспериментальной работы, цель которой представить комплексное изучение детских речевых произведений. Проведенное исследование основывается на серьёзных методологических работах по онтолингвистике, психоллингвистике, лингвистике текста и теории речевых жанров. Автор представляет описание детского текста в рамках принятых в лингвистике текстовых категорий, с учётом возможности введения «во взрослое» описание некоторых критериев или категорий, характерных для детских текстов.

Ключевая задача рецензируемой работы заключается в систематизации детских текстов, в их классифицировании и выявлении жанровых характеристик. Решению данной задачи подчинены логика построения монографии и ее содержательная сторона. Ставя в центр внимания феномен детской речи, автор исследования логически выстраивает композицию книги: от базовых теоретических положений к поуровневому языковому анализу отдельных детских текстов.

Новизна рецензируемого исследования состоит в том, что впервые в научный оборот вводятся 18 детских речевых произведений, демонстрирующих возможности их разнопланового анализа с учётом различных речеведческих и лингвистических категорий. Полученные выводы расширяют научные представления о лингвистическом анализе детского текста.

Теоретическая значимость определяется тем, что работа вносит несомненный вклад в изучение языковой способности ребенка: предлагается типология детских текстов, разработанная на базе их существования в социуме. В научный оборот вводится иная интерпретация привычных понятий «первичный/вторичный» текст. Первичные тексты — это собственно детский текст,

созданный без «подсказки», в его основе личный опыт и наблюдения ребёнка-автора; вторичный текст определяется как пересказ ранее услышанного текста; первично-вторичные тексты представляют собой синтез разных источников — известную сказку и иллюстрации к ней, рисунок в книжке-раскраске и личный жизненный опыт автора-рассказчика. Несомненную ценность имеет обращение к текстовым категориям, выделенным автором и уточненным в рамках отдельных речевых произведений.

Перейдем к краткому структурно-содержательному анализу композиции монографии.

В первой главе «*Речевая деятельность ребенка и ее составляющие*» дан сравнительный анализ различных точек зрения на проблемы, связанные с явлением коммуникативной ситуации, рассмотрены виды коммуникативных ситуаций (ситуация-игра, ситуация-размышление, ситуация-рас-суждение, ситуация-осмысление, ситуация-подражание, ситуация-воспроизведение), определен круг базовых понятий: диалог, монолог, полилог, детское речевое произведение, детский текст и т. д.

Во второй главе «*Детское речевое произведение и детский текст: к проблеме описания и типологии*» детский текст изучается и как единица языка, и как речевая единица, а проблема соотношения «детское речевое произведение — детский текст» представлена в ракурсе анализа категорий текста, которые ребёнок ещё пока подсознательно внедряет в своё произведение. Наибольший интерес представляет параграф 2.2. В нем проанализированы текстовые категории и определены критерии описания детского речевого произведения/детского текста. Ценной представляется мысль автора о категории интенциональности, выступающей в качестве базовой при характеристике любого текста. При описании же детского текста данная категория приобретает особую нагрузку, так как она связана с намерением ребенка освоить и закрепить коммуникативный акт. Абсолютно справедливо автор пишет: «интенциональность в детских текстах — очень важная составляющая, она связана не только с языковыми средствами текста, но и с психологическим

состоянием ребёнка. Возможно, косвенно этот факт подтверждается информативностью текста и тем видом информации, который составляет суть детских речевых произведений». Стоит отметить также ценность разработанной типологии первичного, вторичного и смешанного текстов, обоснованность выбранных критериев: вербальности/невербальности, наличия текста-опоры в культуре социума.

Содержательная значимость в композиции всей монографии третьей «*Лингвистика детского текста*» и четвертой глав «*Детский текст сквозь призму текстовых категорий*» особенно велика. В данных разделах работы представлен ценный скрупулёзный филологический анализ фактического материала с учетом сформулированных критериев описания детского текста, обобщен анализ текстовых категорий, способствующих глубокому осмыслению структурно-содержательной составляющей изучаемых речевых произведений. Убедительность результатов исследования заключается в целостном речевом и лингвистическом анализе детского текста. Лексическая и синтаксическая — в модусно-диктумном и тема-рематическом аспектах — организация текста рассмотрены как ключевые параметры при характеристике психоэмоционального состояния ребёнка в процессе создания детского речевого произведения. Однако, как нам кажется, немаловажную роль в этом процессе играют частеречная и видовременная характеристики текстов, которые также подробно рассматривает автор работы. Результаты проведенных анализов позволили Е. А. Косых прийти к важному выводу о том, что владение тем или иным языковым уровнем свидетельствует о уже сформировавшихся у ребенка определенных речевых компетенциях.

Автором подробно проанализированы все виды информации: от содержательно-фактуальной до подтекстовой. Дано четкое обоснование доминированию в каждом типе текста того или иного вида информации. Так, например, характеризуя особенности первичного детского текста, Е. А. Косых справедливо замечает: «первичные тексты реализуют концептуальную информацию как основную, на базе которой строится текст. Другие

типы информации (фактуальная, подтекстовая) являются сопутствующими, но характерны для каждого детского текста и обусловлены интенциями автора, его эмоционально-психологическим состоянием».

Особо хочется отметить анализ яркой палитры детских лексических новообразований и инноваций в области лексической сочетаемости. Е. А. Косых предлагает читателю яркий, живой фактический материал, который заставляет задуматься о его дальнейшем использовании, например, при изучении детского словотворчества как особого явления словообразования.

Наиболее интересными для лингвистики детской речи видятся выводы о присутствии в детском тексте примеров актуализации категорий «взрослого» текста и «собственно детского» текста, о динамике онтолингвистического объекта — текста, порождаемого одним ребёнком; о формировании в речи детей такой жанровой инновации, как сказка-быль.

Показательным является и иллюстративный материал, сопровождающий практически каждый текст. Детские рисунки подобраны с учетом содержания соответствующего речевого произведения.

Практическая ценность рецензируемой работы видится в том, что опыт комплексного описания разных типов детских текстов может быть включен в систему изучения детского дискурса, использован в процессе лингвистической практики.

Несомненным достоинством работы служит созданная автором модель научного осмысления речевых произведений, порождённых детьми в различных речевых ситуациях на основе сопоставления детского речевого произведения с детским текстом.

В заключительной части монографии автор обобщает результаты проделанной работы и намечает перспективы дальнейшего исследования.

Ценным является в работе и такой раздел, как Приложение. В нем представлены детские новообразования из архива автора и тексты, не вошедшие в монографию. Материал этого раздела, несмотря на то что вынесен за пределы основного содержания, доказывает правомерность концеп-

ции автора и подтверждает полученные выводы, а также открывает дельнейшие перспективы исследований в области онтолингвистики.

Рецензируемая монография Е. А. Косых «Тьюдная бутва», или Лингвистика детского речевого произведения» представляется актуальным, законченным исследованием, имеющим серьезную теоретическую значимость и практическую ценность. В работе предложена оригинальная научная концепция изучения детского текста как особого целостного структурно-содержательного феномена. Полученные результаты имеют ценность для характеристики дискурсивной деятельности формирующейся языковой личности, намечают корпус новых идей в области онтолингвистики в целом.

*Ануфриева Галина Васильевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры медиакоммуникаций, русского
языка и риторики*

Проект «Русский язык в открытом образовательном пространстве»

В рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва реализует проект «Русский язык в открытом образовательном пространстве», поддержанный по итогам конкурса Министерством просвещения Российской Федерации.

МГУ им. Н.П. Огарёва в партнерстве с Таджикским национальным университетом организует международную научно-методическую конференцию «Открытое образование на русском языке: вызовы современности и перспективы развития» (Республика Таджикистан, г. Душанбе, 2–4 декабря 2021 г.).

В партнерстве с Узбекским государственным университетом мировых языков — международную

научно-методическую конференцию «Русский язык за рубежом: инновационные подходы и эффективные практики открытого образования» (Республика Узбекистан, г. Ташкент, 9–11 декабря 2021 г.)

Приглашаем к участию ученых и педагогов, обучающихся русскому языку как иностранному, представителей зарубежных образовательных организаций, занимающихся образованием на русском языке, учителей — участников программы «Русский учитель за рубежом», работников центров открытого образования на русском языке и обучения русскому языку, представителей общественности, изучающих русский язык.

Подробная информация — на сайте проекта <https://ruconf.mrsu.ru/>

Международная научная конференция «Актуальные вопросы современной лингвистики: Тихоновские чтения»

2–4 ноября 2021 г. в Елецком государственном университете им. И. А. Бунина состоялась Международная научная конференция «Актуальные вопросы современной лингвистики: Тихоновские чтения», проводимая в рамках I Международного фестиваля «Живая вода светоносного русского Слова» при поддержке Министерства просвещения РФ в условиях реализации ведомственной целевой программы «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации» подпрограммы «Совершенствование управления системой образования» государственной программы «Развитие образования».

Мероприятие было посвящено памяти профессора А. Н. Тихонова, заслуженного деятеля науки РФ и Республики Узбекистан, лауреата Премии Правительства РФ в области образования, автора более 400 научных работ в области русистики, тюркологии и общего языкознания. А. Н. Тихонов внес существенный вклад в развитие русской морфологии, словообразования, лексикологии, фразеологии и лексикографии.

В работе конференции приняли участие 285 ученых из 28 стран ближнего и дальнего зарубе-

жья — Азербайджана, Белоруссии, Германии, Грузии, Ирака, Ирана, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Молдовы, Польши, Таджикистана, Узбекистана, Чехии, Швейцарии, Японии и др. География российских участников также разнообразна: Архангельск, Барнаул, Белгород, Воронеж, Елец, Липецк, Майкоп, Москва, Новороссийск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Симферополь, Сургут, Тамбов, Тюмень, Уфа и др.

На заседаниях были представлены доклады, посвященные актуальным проблемам лексикологии, словообразования, морфологии, синтаксиса, текстологии, коммуникативистики, переводоведения, теоретическим и практическим аспектам современной лексикографии, вопросам национально-культурной специфики языка сквозь призму когнитивистики, традициям и инновациям в методике преподавания русского языка в российских и зарубежных школах и вузах.

По результатам работы конференции будет опубликован сборник научных трудов «Актуальные вопросы современной лингвистики: Тихоновские чтения» (к 90-летию со дня рождения профессора А. Н. Тихонова).

Е. Е. Анисимова,
Т. К. Веренич,
И. В. Евсева

DOI: 10.24412/1811-1629-2021-4-108-120

ФИЛОЛОГИЯ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: БУДУЩЕЕ В НАСТОЯЩЕМ

EVGENIYA E. ANISIMOVA, TATIANA K. VERENICH, IRINA V. EVSEVA
PHILOLOGY AT THE SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY: THE PRESENT CREATES THE FUTURE

В статье анализируются ключевые направления развития филологической науки в Сибирском федеральном университете, который был создан в 2006 году. Филологические достижения ученых Института филологии и языковой коммуникации, безусловно, восходят к научным изысканиям и традициям, заложенным филологами Красноярского государственного университета, который выступил базой создания федерального вуза. В работе основной упор сделан на характеристику современного состояния филологической науки в вузе, ориентированной на решение теоретических и прикладных проблем лингвистики и литературоведения. Лингвистика в СФУ направлена в большей степени на решение проблем междисциплинарных наук — когнитивной и социо- и психолингвистики, лингвокультурологии, дискурсологии. Особое внимание уделяется проблемам речевого и экологии языка. Активно развивается новое научное направление — лингвистика информационно-психологической войны. Область научных интересов литературоведов СФУ связана с проблемами сюжетной типологии, литературного канона, жанрологии, социологии литературного развития, регионалистики, компаративистики русской и западных литератур. Одним из важнейших направлений красноярских филологов является ориентация на лингво-дидактическую деятельность — обучение русскому языку как иностранному. С целью продвижения и популяризации русского языка и культуры среди иностранных граждан в России и за рубежом в СФУ был создан Центр открытого образования на русском языке «Сибирь.ру».

Ключевые слова: филология; теоретическая и прикладная лингвистика; литературоведение; речевая коммуникация; лингвокультурология; лингвоэкология; лингвистика информационно-психологической войны; литературная регионалистика; буниноведение; русский язык как иностранный.

The article analyzes the key directions of the development in philology (i.e. language and literature studies) at the Siberian Federal University, which was established in 2006. The philological achievements of the School of Philology and Language Communication scholars undoubtedly go back to research and traditions laid down by the scholars of Krasnoyarsk State University, which served as the base for the foundation of a federal university. The main emphasis in the article is made on the characterization of the current state of philological scholarship at the university, focused on solving theoretical and applied problems of linguistics and literary criticism. Linguistics at SibFU is aimed mostly at solving interdisciplinary problems of cognitive linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, linguoculturology, and discourse studies. Particular attention is paid to the problems of speech and language ecology. The university actively develops a new area of studies, the linguistics of informational psychological war. The area of interests of SibFU literary scholars is related to the problems of plot typology, literary canon, genre studies, sociology of literary evolution, regional studies, comparative studies of Russian and foreign (Western) literature. One of the most important directions of Krasnoyarsk scholars is their orientation towards linguistic and

Евгения Евгеньевна Анисимова

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры журналистики
и литературоведения
► eva1393@mail.ru

Татьяна Константиновна Веренич

кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка
как иностранного
► tverenich@mail.ru

Ирина Владимировна Евсева

доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка
и речевой коммуникации
► ivevseeva@yandex.ru

Институт филологии и языковой
коммуникации ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82А

*Evgeniya E. Anisimova,
Tatiana K. Verenich,
Irina V. Evseeva*

School of Philology and Language
Communication, Siberian Federal University
Svobodny Pr., 82A, 660041, Krasnoyarsk, Russia

didactic activities, teaching Russian as a foreign language. In order to promote and popularize the Russian language and culture among foreign citizens in Russia and abroad, Russian Open Education Centre "Sibir.ru" was established at SibFU.

Keywords: philology; theoretical and applied linguistics; literary criticism; speech communication; linguoculturology; linguoecology; linguistics of information-psychological war; literary regionalism; Ivan Bunin studies; Russian as a foreign language.

Из истории создания Сибирского федерального университета

Первый федеральный университет в России — «Сибирский федеральный университет» (далее — СФУ) был основан осенью 2006 года. Его создание тогда достаточно бурно обсуждали в средствах массовой информации. Затрагивалось буквально всё, от названия такого вуза до места его расположения: помимо Красноярского государственного университета на статус федерального претендовали государственные университеты других крупных сибирских городов — Новосибирска и Томска. Однако выбор пал на Красноярск и, наверное, не случайно.

Красноярск — это не только крупнейший деловой, промышленный и культурный центр Восточной Сибири, не только административный центр второго по площади субъекта РФ, где находится географический центр России (в окрестностях озера Виви в Эвенкии¹), который простирается от севера до горных районов Южной Сибири поч-

ти на 3000 км. Красноярский край занимает одно из ведущих мест в России по обеспечению водными и биоресурсами, по запасам минеральных ресурсов и полезных ископаемых. Кому как не людям, живущим на данной территории, изучать эти ресурсы.

Первый федеральный университет (см. фото 1) был создан в крае, который сложен для проживания в силу суровых климатических условий и где многое еще предстоит открыть, дать научное обоснование использованию природных ресурсов региона, создать новые технологические решения для строительства предприятий на территории севера. Помимо важных научно-прикладных задач, направленных на технологическое и экономическое развитие Красноярского края, ценность представляет изучение нематериального наследия — описание и объяснение этно- и лингвокультурных особенностей народов, населяющих край, для сохранения духовной культуры региона. Красноярский край — регион, объединяющий более 150 этносов. Наряду с русскими и украинцами, татарами и чувашами, немцами, поляками, белорусами, армянами, киргизами, азербайджанцами, узбеками, грузинами, молдаванами, эстонцами, латышами и др. в регионе живут и представители коренных малочисленных народов севера — долгане, эвенки, ненцы, якуты, кеты, нганасаны, селькупы, энцы². Проживание и тесное взаимодействие на одной

Фото 1. Кампус Сибирского федерального университета

территории разных народов сформировало особую культуру и уважение к традициям, то, на чем основывается менталитет сибиряков. Это, среди прочего, служит исследовательским ориентиром гуманитарного направления в СФУ.

Центральной площадкой вуза-гиганта, как его тогда называли, выступил Красноярский государственный университет, к которому по распоряжению председателя Правительства РФ М. Фрадкова от 4 ноября 2006 года присоединились следующие вузы города: Красноярская государственная архитектурно-строительная академия, Красноярский государственный технический университет и Государственный университет цветных металлов и золота. Позже, 15 февраля 2012 года, в состав СФУ вошел Красноярский государственный торгово-экономический институт.

Сегодня СФУ насчитывает 22 института и 3 филиала, где обучается более 26 000 студентов, 665 аспирантов. Аккредитовано 248 программ бакалавриата и специалитета, 265 магистерских программ, 37 специальностей докторантуры и 104 программы по 28 направлениям аспирантуры. Из 2 000 преподавателей СФУ 1833 — доктора и кандидаты наук, 8 — с учёной степенью PhD зарубежных университетов. Ведущей миссией СФУ является продвижение новых знаний и технологий для решения задач социально-экономического развития Сибирского федерального округа, а также формирование кадрового потенциала — конкурентоспособных специалистов по приоритетным направлениям развития Сибири и РФ³. Миссия и приоритетные задачи СФУ заложены и в символике университета — официальном логотипе (см. рис. 1), в основе графики которого символ науки и современных технологий — ничем не ограниченная «кристаллическая решётка», что говорит об открытости университета миру. Яркий и энергичный оранжевый цвет призван вдохновлять на активность, мобильность, нацеленность на проектную деятельность⁴.

Рис. 1. Логотип СФУ

Институт филологии и языковой коммуникации как центр лингво-филологических инициатив в Восточной Сибири

Институт филологии и языковой коммуникации СФУ, возглавляемый д. ф. н. профессором Л. В. Куликовой, — один из ведущих центров филологического (в широком смысле слова: лингвистика, переводоведение, литературоведение, медиажурналистика) образования в Восточной Сибири. Сегодня в его стенах обучается более 1000 человек — будущих переводчиков с европейских и восточных языков, журналистов и редакторов, специалистов по русской филологии и межкультурной коммуникации. В институте успешно работает магистратура (4 программы), ведётся подготовка научных кадров для высшей школы в рамках аспирантуры по теории языка, русскому языку и русской литературе, а также осуществляется большая работа по обучению студентов и стажёров из зарубежных стран, в том числе русскому языку как иностранному. Качество подготовки выпускников обеспечивается высококвалифицированным преподавательским составом. В настоящее время в ИФиЯК работают 14 докторов и 55 кандидатов наук. В структуру института входят 9 кафедр, которые выполняют задачи развития фундаментальных и прикладных научных исследований и внедрения их результатов в учебный процесс⁵. Остановимся на ведущих филологических направлениях, развиваемых учеными СФУ.

Русистика

Первостепенное внимание филологи Красноярского госуниверситета, а позже и СФУ, всегда уделяли актуальным проблемам речевой коммуникации. Профессором А. П. Сковородниковым была создана научная школа (под руководством профессора защищено 12 кандидатских диссертаций и 2 докторских), ориентированная на решение теоретических и прикладных вопросов риторики, стилистики, эффективного речевого общения и др. По проблематике речевой коммуникации проводились научные семинары и конференции, опубликовано большое количество статей в общероссийских и региональных изданиях, написан ряд монографий, в том числе монография д. ф. н. Г. А. Копниной «Риторические приемы совре-

менного русского литературного языка: опыт системного описания» [Копнина 2009]; созданы фундаментальные словари: «Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник» [Культура русской речи 2003], «Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» [Сковородников 2005], «Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник» [Сковородников 2012], востребованные как в научной, так и преподавательской деятельности.

Актуальный регионально ориентированный проект «Лингвокультура Нижнего Приангарья: лексикографический и коммуникативный аспекты», реализуемый на кафедре русского языка и речевой коммуникации под руководством профессора О. В. Фельде, направлен на решение научной проблемы сохранения и многоаспектного исследования устных ангарских текстов, отражающих материальную и духовную культуру региона — Северного Приангарья. Решение этой проблемы предполагает фиксацию на цифровые носители, систематизацию и анализ бытования ангарского текста в его живой — речевой, ритуальной, игровой, повседневно-бытовой — форме. Результатом данного исследования стало создание в 2017 году Электронного корпуса лингвокультуры Северного Приангарья (<http://angara.sfu-kras.ru/?>). Эта открытая информационно-справочная система основана на собрании уникальных аудио- и видеоматериалов, печатных текстов и графических изображений, отражающих духовную и материальную культуру жителей Северного Приангарья. Подготовленный красноярскими филологами и студентами информационный ресурс отличается от других корпусов тем, что в нём отражён современный фольклорный репертуар и ценностная картина мира представителей разных поколений, социальных групп, носителей различных типов региональной речевой культуры. В корпусе зафиксированы не только русские ангарские говоры в их современном состоянии, но и малоизученный сибирский региолект. В основу диалектного, фольклорного и мультимедийного подкорпусов положены аннотированные материалы летних учебных практик — диалектологиче-

ской и фольклорной, осуществляемых под руководством проф. О. В. Фельде и доц. В. К. Васильева в районы Северного Приангарья. Впервые в отечественной филологической науке устные тексты подвергаются ареальной, хронологической, жанровой, тематической, сюжетно-мотивной, лексической и лингвокультурной разметке. Проект был поддержан Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности (проект №17-14-24008). Результаты проекта отображены в ряде научных публикаций [Фельде 2019а; Фельде 2019б и др.], в том числе в защищенной в 2020 г. кандидатской диссертации [Смирнов 2020].

Социально и научно значимым является реализуемый кафедрой русского языка и речевой коммуникации проект «Экология русского языка и лингвистика информационно-психологической войны», научным руководителем и идейным вдохновителем которого является профессор А. П. Сковородников (профессор Г. А. Копнина — соруководитель проекта). Проект сложился на основе двух взаимосвязанных научных проблем, заложенных в его названии.

Предметом экологии русского языка (лингвоэкологии), междисциплинарной области знания, являются «состояние языка и среды его обитания; факторы, влияющие негативно или позитивно на состояние и развитие языка, языковое сознание социума и его речевую культуру; средства защиты языка от негативных влияний, а также нахождение путей и способов обогащения языка и улучшение условий его оптимального развития. Особенностью подхода к фактам языка и речи с позиции лингвоэкологии «является их социальная оценка с учетом исторических условий и тенденций развития данного языка, факторов системы и нормы, критериев социокультурного, политико-экономического, идеологического, этического и эстетического порядка» [Сковородников 2017а: 5]. Основопологающие работы данного направления, помимо ряда научных статей, — монография «Экология русского языка» [Сковородников 2016] и словарь лингвоэкологических терминов [Сковородников 2017]. С 2013 г. до 2020 г. в СФУ выходил сетевой научный журнал «Экология языка

и коммуникативная практика» [Экология языка], на страницах которого обсуждались насущные проблемы экологии языка в широком культурном контексте учеными-филологами не только разных вузов России, но и иностранными коллегами. Итогом работы этого журнала выступит готовящаяся коллективная монография «Лингвоэкология: проблемы и пути их решения».

Сущность исследования лингвистики информационно-психологической войны состоит в изучении состояния и особенностей развития русского языка в условиях современной России, включенной в информационно-психологическое противоборство. В рамках данного направления обоснована легитимность лингвоэкологии и лингвистики информационно-психологической войны как новых научных направлений в отечественном языкознании, определены и квалифицированы процессы и изменения, протекающие в русском языке в современных условиях, диктующих необходимость экологического отношения к языку и создания языковых технологий информационно-психологической защиты российского социума и государства. Результатом этого проекта является комплекс научных статей и монографических изданий [Сквородников 2017б; 2019; 2020], в которых представлены теоретико-методологические основания, проблематика и терминологический аппарат лингвистики информационно-психологической войны. Изданные книги нацелены на нейтрализацию негативного информационно-психологического воздействия, связанного с разрушением патриотического сознания и национальных традиций народа России.

Помимо выше обозначенных русисты СФУ развивают и другие актуальные научные направления. Так, в русле когнитивной дериватологии выполняются исследования под руководством д. ф. н. И. В. Евсеевой [Евсеева, Пономарева 2018]. На реализацию одного из таких проектов «Русская соматическая лексика: когнитивный и семиотический аспекты» в 2016–2018 гг. Российский фонд фундаментальных исследований выделил финансирование (проект № 16-04-00051). Д. ф. н. И. В. Башкова теоретически разработала концепцию

русской семантической персонологии, объектом которой является вербально-семантический уровень языковой личности. Исследователь предложила оригинальные методы анализа — условно-эталонного квантитативного и квантитативно-сопоставительного семантического анализа идиолексикона [Башкова 2019]. Профессиональные подъязыки, в частности язык гидроэнергетиков, изучаются д. ф. н. О. В. Фельде и к. ф. н. А. Э. Мезит [Мезит, Фельде 2021]. В 2021 г. под руководством к. ф. н. А. Н. Смолиной, которая готовится к защите докторской диссертации «Духовный эпистолярный русский православного монашества XX — начала XXI века: типология жанровых форм, их риторико-стилистическая организация, речевой этикет», стартовал проект «Разработка способов и моделей анализа религиозных текстов как один из путей развития теолингвистики», поддержанный Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 21-011-44099\21).

Ряд учебных пособий [Евсеева 2014; Русский язык и культура речи 2015], подготовленных преподавателями кафедры русского языка и речевой коммуникации, получили всероссийское признание — рекомендованы Министерством образования и науки РФ к использованию в практике вузовского преподавания.

Литературоведение

В поле исследований коллектива кафедры журналистики и литературоведения входит ряд принципиальных для современной науки направлений и тем — в диапазоне от традиционного для любой литературоведческой кафедры изучения русской классической литературы на ее самом продуктивном хронологическом отрезке XIX — начала XX вв. до новейших актуальных штудий в областях сюжетной типологии, литературного канона, жанрологии, социологии литературного развития, регионалистики, компаративистики русской и западных литератур. Разнообразным аспектам внутри этого обширного проблемного поля посвящены работы д. ф. н. К. В. Анисимова, д. ф. н. Е. Е. Анисимовой, к. ф. н. В. К. Васильева, к. ф. н. О. Е. Гевель [Гевель 2017], к. ф. н. Я. В. Баженовой, аспирантов кафедры Ю. В. Каминской, Р. А. Григоренко и др.

Так, обретшая свой законченный монографический облик серия работ В. К. Васильева представляет собой синтез теоретического и практического подходов к произведениям русской литературы в рамках структурной типологии. Ученым были рассмотрены жанры «преподобнического» и «мученического» житий, «воинской повести», сочинения А. Курбского, протопопа Аввакума, тексты о «злых» и «добрых женах», произведения И. С. Тургенева, В. М. Шукшина, которые образуют смежные ряды в границах общего типологического направления. Выстроенная типология позволяет обнаружить «повторяемость в больших масштабах» (В. Я. Пропп) в более чем тысячелетнем национальном историко-литературном процессе, выявить глубинную преемственность между средневековой и новой русской литературой. Итогом многолетней работы исследователя стала монография «Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры). От Средневековья к Новому времени» [Васильев 2009].

В течение многих лет исследовательский интерес К. В. Анисимова был сосредоточен на вопросах развития, поэтики и самосознания русской литературы Сибири: от первых опытов описания региона в летописях XVII в., посвященных походу Ермака, до оформления местного интеллигентского сообщества, сформулировавшего во второй половине XIX в. свои «областные вопросы», частично оппозиционные имперской повестке, но частично и совпадавшие с нею. Итогом этой работы стала одна авторская и одна коллективная монография [Анисимов 2005, Анисимов 2010], а также написанные им разделы для трехтомного академического издания «История литературы Урала», подготовленного Уральским отделением РАН [Блажес, Созина 2012; Созина 2021]. Исследования сотрудников кафедры в рамках данного направления были также поддержаны в 2018–2020 гг. Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ № 14-14-24003 «Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы: XIX–XX вв.») и Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ №18-312-00115 «Конструирование профессиональной репутации в литературном процессе пер-

вой половины XX века: опыт писателей-самоучек и русских эмигрантов»).

Прослеживающееся в современной гуманитарной мысли интенсивное развитие имперской истории, постколониальных исследований в литературоведении, научных штудий в области национализма и связанных с ним литературных пантеонов и классических канонов позволило распространить наработанные подходы на вершинные тексты русской словесности, сформировав алгоритм взаимодействия между изучением регионалистских тенденций в русской литературе и присущей ей в не меньшей рефлексии о «национальном поэте», писателе-пророке, опосредованно наследующем создателю современной русской литературы Пушкину, а непосредственно — общепризнанному «заместителю» Пушкина на том или ином современном отрезке литературного процесса. В данной перспективе исключительно интересным видится творчество И. А. Бунина, которому посвящена монография К. В. Анисимова «Грамматика любви» И. А. Бунина: текст, контекст, смысл» [Анисимов 2015]. В ней использован продуктивный подход к изучению бунинских рассказов, подразумевающий всестороннее привлечение полного массива сохранившихся рукописей, корректур и редакций текста, что позволяет максимально полно воссоздать историю замысла и смысл художественного произведения. В настоящее время симбиоз исследований, с одной стороны, бунинской поэтики, а с другой — самосознания всей отечественной словесности, открывающей для себя иные этнокультурные миры, реализуется К. В. Анисимовым в ходе его совместных с коллективом буниноведов ИМЛИ РАН работ над финансируемым РФФИ проектом «Бунин и Палестина» (руководитель — ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, д.ф.н., проф. Е. Р. Пономарев, грант РФФИ № 20-012-41004 «Бунин и Палестина»). Исследования К. В. Анисимова поддерживались рядом иных отечественных и зарубежных научных фондов: Erasmus Mundus (программа Triple I, стажировка 2011 г. в Гумбольдт-университете, Берлин, Германия), Благотворительным фондом Михаила Прохорова (стажировка 2019 г. в Шеффилдском университете, Великобритания).

В связанной с буниноведческим направлением исследований кафедры кандидатской диссертации Я. В. Баженовой «Поэтика имени в творчестве И. А. Бунина» [Баженова 2021] были продолжены текстологические изыскания в области буниноведения и изучены принципы эстетического осмысления и алгоритмы поэтического применения писателем категории имени собственного. В ее источниковедческой части работа была поддержана грантом «Академическая мобильность» от Фонда Михаила Прохорова: исследование архивных документов, хранящихся в бунинских фондах РГА-ЛИ и ОР РГБ (Москва, 2019 г.).

Другим важным аспектом исследований на кафедре журналистики и литературоведения стали работы Е. Е. Анисимовой и Ю. В. Каминской по социологии и эстетике классического канона. В них были изучены алгоритмы исторического становления классики в русской литературе, ее социального и эстетического осмысления. Национальный классический канон понимается исследователями как пространство динамического взаимодействия институтов литературы, власти и формирующихся в течение XIX в. изначально вневластных общественных сил, обретающих в ходе работы на ниве словесности свой политический и эстетический голос. В течение предыдущего десятилетия внимание Е. Е. Анисимовой было сосредоточено на истории рецептивного усвоения русскими писателями XIX–XX вв. художественного опыта одного из создателей современной отечественной словесности В. А. Жуковского, поэта-новатора, переводчика, учителя и воспитателя особ правящего царского дома — художника, в деятельности которого органично соединились вовлеченность во властные институты, обоснованная претензия на статус национального поэта и смелые разработки новых приемов литературного письма. Результаты этого исследования представлены в монографии «Творчество В. А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века» [Анисимова 2016].

Одна из составляющих темы — жанрологическая — была в данной работе лишь обозначена, но в последнее время в связи с активизацией жан-

рологических исследований в современном литературоведении она выдвинулась на передний план. Речь идет о традиции Жуковского-балладника, той линии исторической преемственности, о которой, казалось бы, в нашей науке сказано немало. Однако, как часто бывает, многие смыслы корпуса балладных текстов поэта, следы их влияния в литературных системах XIX и XX вв. оказались с годами (прежде всего в читательском восприятии) ретушированы слоями «хрестоматийного глянца». Задача реализуемого коллективом кафедры проекта, поддержанного в 2018–2020 гг. Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ № 18-012-00046 «Русская баллада XIX–XX веков: жанровый первообраз, эволюция, исторические контексты»), заключалась в выявлении причин исторических актуализаций балладных сюжетов Жуковского, объяснении логики постоянных повторов мотивов и образных рядов главных баллад поэта едва ли не всеми ключевыми представителями отечественной классики (от Пушкина до Блока и далее), рано или поздно переживавшими опыт «встречи» с наследием первого русского романтика.

Ещё один проект в рамках данного направления посвящён изучению стратегий «систематизирующего» литературного метаписьма как феномена культурной памяти (РФФИ № 20-312-90027 «Коллекции, таксономии, картотеки. Поэтика «систематизирующего» метаписьма в русской литературе 1920 — 1970-х гг.»). Он реализуется Е. Е. Анисимовой совместными усилиями с аспирантом Ю. В. Каминской. Начиная с 1920-х годов, в годы пресечения старой литературной традиции, в русской словесной культуре возникает новый тип письма, связанный, с одной стороны, с потребностью системно осмыслить и описать отечественную классику как завершённый этап, с другой — с острой необходимостью психологически точного самоописания в контексте большой культуры тех художников, кто оказался вне географических границ России, а также за пределами советского культурного проекта, т. е. в той или иной степени маргинализированных представителей «внутренней» и фактической эмиграции. Как показало исследование, к ключевой стратегии системати-

зирующего метаписьма можно отнести создание художественных текстов и жизнетворческих проектов, построенных по принципу коллекций, таксономий и/или картотек (В. Набоков, Ф. Сологуб, К. Вагинов, Л. Рубинштейн и др.).

Обучение русскому языку как иностранному

Активно развиваемым направлением филологической деятельности в СФУ является обучение иностранных граждан русскому языку, что успешно реализуется кафедрой русского языка как иностранного, деятельность которой направлена на решение важнейшей задачей современного российского образования — повышение его престижа на международной арене и увеличение числа иностранных студентов в российских вузах. Это особенно важно для удаленных от европейской части страны регионов России: неосведомленность о возможностях получения качественного образования, неверные представления об особенностях стиля жизни, а также высокие цены на авиа- и железнодорожные билеты являются большим препятствием для того, чтобы с этой территорией познакомились потенциальные иностранные студенты. Цифровые технологии, активно развиваемые в СФУ, позволяют преодолевать и эти преграды.

На базе Института филологии и языковой коммуникации СФУ работает подготовительное отделение для иностранных обучающихся, которое предлагает комплексную программу обучения русскому языку от уровня А1 до В1: подготовка к сертификационному экзамену ТРКИ-1, подготовка к поступлению на различные программы бакалавриата, знакомство с образовательной системой России, погружение в русскую культуру и традиции.

Осенью 2020 г. в Институте филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета началась реализация инновационного проекта при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации — создание Центра открытого образования на русском языке «Сибирь.ру». Основная цель работы Центра — это продвижение и популяризация русского языка и культуры среди иностран-

ных граждан в России и за рубежом, повышение интереса к обучению в вузах России.

Преподавателями Центра было разработано четыре общеобразовательных курса по русскому языку, литературе и культуре для иноязычной аудитории: «Твои сибирские каникулы» (уровень А1), «Страноведение России» (уровень В1+), «О русском по-русски» (уровень В2+), «Pro-чтение» (уровень В2+). Кроме того, иностранным слушателям были предложены цикл информационно-просветительских мероприятий (музыкальный урок «С песней по жизни», кулинарный мастер-класс «Сибирские пельмени», ряд мастер-классов по декоративно-прикладному искусству — «Русская народная тряпичная кукла», «Русская народная игрушка из глины», «Мезенская роспись»), командная игра «Я шагаю по России», где проверялись лингвострановедческие знания о России, а также викторина по русскому языку и литературе «Филологический футбол». Более подробно с результатами проекта можно ознакомиться в работе [Kornina et al. 2020].

Уже первые месяцы работы Центра открытого образования на русском языке показали, что такая деятельность необходима для формирования положительного имиджа России и русского языка за рубежом. По окончании курсов многие иностранные слушатели на сайте Центра (режим доступа на сайт: <https://sibedu.ru/>) поделились своими положительными впечатлениями о работе преподавателей; большинство выразили желание поучаствовать в дальнейших курсах, организованных Центром, некоторые впоследствии выразили желание пройти обучение по программам Сибирского федерального университета и приехать в Красноярск на очное обучение после открытия границ.

Междисциплинарные проекты теоретической лингвистики

Наряду с исследованиями в области русистики в Институте филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета достойно представлены научные школы по теории языка. В их числе, прежде всего, следует назвать проект, посвященный изучению жестовых языков Восточной Сибири. В центре внимания ученых

находится вопрос выявления различий в вариантах русского жестового языка, контактирующих в пределах крупного региона (грант РФФИ № 20-012-00321 «Региональные жестовые языки: мультимодальный электронный корпус (на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири)», 2020–2021 гг., руководитель д. ф. н. Л. В. Куликова). Еще одним проектом в сфере теоретической лингвистики стала разработка компьютерного классификатора онлайн-эмоций, который распределяет тексты по категориям в зависимости от чувства, вызванного автором сообщения (грант РФФИ № 19-012-00205 «Разработка классификатора русскоязычных интернет-текстов по критерию их тональности на основе модели эмоций “Куб Левхейма”», 2019–2021 гг., руководитель д. ф. н. А. В. Колмогорова).

Кроме того, особое внимание лингвисты института фокусируют на изучение разных типов дискурса. Диссертационными и монографическими работами представлены исследования академического, политического, межкультурного дискурсов, патерналистской коммуникации и институциональных дискурсивных практик, литературно-нарративной коммуникации [Белецкий и др. 2015; Белецкий, Куликова 2017; Бурмакина, Куликова 2019; Детинко, Куликова 2017; Куликова, Попова 2018; Куликова, Микалаускайте 2020; Burmakina, Detinko, Kulikova, Porova 2020], роли женщины в семейной коммуникации [Варламова, Колмогорова 2019]. Комплексное исследование исторических и современных подходов к формированию лингвистики китайского языка в части её дискурсивной парадигмы проведено Л. В. Куликовой и И. Г. Нагибиной [Нагибина, Куликова 2021]. Активно развивается в настоящее время достаточно новое направление по клинической лингвистике, сравнительные штудии результатов этой научно-прикладной области в отечественной и западно-европейской традициях представлены в работе [Бурмакина, Куликова, Попова 2020].

На базе СФУ с сентября 2015 г. работает объединенный совет по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук (СФУ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,

Институт филологии СО РАН и Иркутский государственный университет) под председательством профессора Л. В. Куликовой. В диссертационном совете защищено 31 диссертация, из них четыре докторские.

Научные мероприятия в Институте филологии и языковой коммуникации

Руководство института активно реализует один из главных концептов программы развития СФУ: университет — открытая площадка.

Институт филологии и языковой коммуникации выступает организатором международных и всероссийских конференций (международная научная конференция «Испанский язык в образовании, науке и бизнесе в современном глобальном мире», 2009; международная научно-практическая конференция «Английский язык для человека XXI в.», 2010 г.; VI международная конференция Российской коммуникативной ассоциации «Коммуникация в изменяющемся мире», 2012 г.; международная научная конференция «Экология языка и коммуникативная практика», 2014 г.; междисциплинарная научно-практическая конференция «Сибирское медиапространство — 2020», 2015 г.; международная научно-практическая конференция «Русский язык и русская литература как фактор культурной интеграции Русского мира», 2016 г.; международная научно-практическая конференция «Россия и Испания: актуальные гуманитарные исследования», 2016 г.; II международная научно-практическая конференция «Сибирское медиапространство — 2020», 2017 г. и др.), научных семинаров («Категория комического в контексте теории и практики речевого воздействия», 2009 г.; «Кризис литературоцентризма», 2013 г.; «Современные жестовые языки: теоретические и прикладные аспекты», 2020 г. и др.).

Институтом филологии и языковой коммуникации ежегодно проводится Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека», в которой участвуют студенты и аспиранты российских и зарубежных вузов.

Каждый год филологи СФУ проводят «Славянские чтения», приуроченные ко дню славян-

Фото 2. Пленарное заседание первого Форума в 2016 г. (выступает В. Г. Костомаров). Открытие второго Форума (выступает Л. В. Куликова)

ской письменности и культуры. В ходе научных встреч рассматриваются разные филологические проблемы: отображение слова в тексте и словаре, традиции и перспективы Славянского мира, просветительство в культуре славян, от рукописи к печатной книге и др.

Уже становится традицией проведение Международного форума языков и культур (см. фото 2). Первый Форум состоялся в сентябре 2016 г., второй прошел в мае 2021 года. II Международный форум языков и культур объединил три научно-практические конференции: «Русский язык и литература: ментальный мост между Европой и Азией»; «Европейские языки и культуры как пространство научно-прикладных исследований в современном мультидисциплинарном контексте»; «Россия и Восток: языковой и культурный диалог». В Форуме приняло участие более 300 ученых — специалистов в области русского и иностранных языков, литературоведения, журналистики и других гуманитарных наук. Были представлены 18 стран мира, 45 городов-университетов России. Доклады прозвучали на русском, английском, китайском, немецком, французском, испанском языках. Программа Форума включала пленарные и секционные заседания, постерную сессию, серию круглых столов, панельную дискуссию, питчинг научных и прикладных проектов, выставку-презентацию научных и учебных изданий участников Форума.

Привлечение к научным мероприятиям, проводимым в СФУ, большого количества рос-

сийских и зарубежных специалистов-филологов объясняется, среди прочего, активным сотрудничеством Института филологии и языковой коммуникации с рядом ведущих российских, зарубежных вузов и академических институтов (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Институт филологии СО РАН, Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, университеты городов Алкала, Кадис, Аликанте, Гранада, Университет Кантабрии, Университет Балеарских островов, Университет Альфонса X Эль Сабио (Испания), Университет им. Л. Максимилиана г. Мюнхена (Германия), Университет Модены и Реджио-Эмилии (Италия), Хэйлунцзянский университет, Харбинский политехнический университет, Шаньдунский университет, Столичный педагогический университет, Северо-восточный педагогический университет, Хулунбуирский институт, Институт «Восток», Университет имени Сунь Ятсена, Пекинский университет языков и культуры (Китай), Университет префектуры Айти (Япония) и нек. др.

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что научные исследования, реализуемые в Институте филологии и языковой коммуникации СФУ, находятся в русле самых разных актуальных направлений филологической науки. А ориентация Сибирского федерального университета на создание передовой

образовательной, научно-исследовательской и инновационной инфраструктуры, соответствующей современным интеллектуальным требованиям и отвечающей мировым стандартам, способствует сохранению и продуктивному развитию научной, методической и популяризаторской составляющих филологической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

Современный Красноярский край // Красноярский край: официальный портал. URL: <http://www.krskstate.ru/about/kray> (дата обращения: 29.07.2021)

² Народы Красноярского края // Красноярский край: официальный портал. URL: <http://www.krskstate.ru/about/narod> (дата обращения: 29.07.2021)

³ Общая информация // Сибирский федеральный университет: официальный сайт. URL: <http://about.sfu-kras.ru> (дата обращения: 29.07.2021).

⁴ Символика СФУ: фирменный стиль // Сибирский федеральный университет: официальный сайт. URL: <https://about.sfu-kras.ru/style> (дата обращения: 29.07.2021)

⁵ Институт филологии и языковой коммуникации СФУ: официальный сайт. URL: <https://ifiyak.sfu-kras.ru> (дата обращения: 29.07.2021).

ИСТОЧНИКИ

Культура русской речи 2003 — *Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник*. Л. Ю. Иванов, А. П. Сквородников, Е. Н. Ширяев (ред.). М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с. (2007 — 2-е изд.; 2011 — 3-е изд.)

Русский язык и культура речи 2015 — *Русский язык и культура речи (базовые компетенции): учебное пособие для вузов по направлению подготовки 035700.62 «Лингвистика», профиль 035700.62.03 «Теория и практика межкультурной коммуникации»*; [науч. ред. А. П. Сквородников]. Красноярск: СФУ, 2015. 513 с.

Экология языка — *Экология языка и коммуникативная практика: сетевой научный журнал Сибирского федерального университета*. Сайт журнала: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов 2005 — Анисимов К. В. *Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции*. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 304 с.

Анисимов 2010 — *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве*. Анисимов К. В. (отв. ред.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2010. 236 с.

Анисимов 2015 — Анисимов К. В. *«Грамматика любви» И. А. Бунина: текст, контекст, смысл*. Красноярск: Изд-во СФУ, 2015. 147 с.

Анисимова 2016 — Анисимова Е. Е. *Творчество В. А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой*

половины XX века. Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. 468 с.

Баженова 2021 — Баженова Я. В. *Поэтика имени в творчестве И. А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук*. Красноярск, 2021. 289 с.

Башкова 2019 — Башкова И. В. *Русская семантическая персонология: теоретико-методологические основания*. Красноярск: СФУ, 2019. 374 с.

Белецкий и др. 2015 — Куликова Л. В., Белецкий С. Б., Бурмакина Н. Г. и др. *Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации*. Красноярск: СФУ, 2015. 182 с.

Белецкий, Куликова 2017 — Белецкий С. Б., Куликова Л. В. *Патернализм в институциональной коммуникации*. М.: Флинта: Наука, 2017. 96 с.

Блажес, Созина 2012 — *История литературы Урала. Колец XIV — XVIII в.* Блажес В. В., Созина Е. К. (гл. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.

Бурмакина, Куликова 2019 — Бурмакина Н. Г., Куликова Л. В. *Академический дискурс: Институциональность, стиль, жанры*. М.: ЛЕНАНД, 2019. 200 с.

Бурмакина, Куликова, Попова 2020 — Бурмакина Н. Г., Куликова Л. В., Попова Я. В. *Интернационализация опыта клинической лингвистики: анализ европейских подходов к тестированию речевых нарушений афазического типа. Политическая лингвистика*. 2020, (4 (82)): 81–88.

Варламова, Колмогорова 2019 — Варламова О. Н., Колмогорова А. В., Женицина в *семейной коммуникации: речевой портрет матери (на материале русского и французского языков)*. Красноярск: СФУ, 2019. 205 с.

Васильев 2009 — Васильев В. К. *Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры). От Средневековья к Новому времени*. Красноярск: Изд-во СФУ, 2009. 258 с.

Гевель 2017 — Гевель О. Е. *«Долоховский текст» творчества Л. Н. Толстого: истоки, семантика, функции, контекст*. Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 144 с.

Детинко, Куликова 2017 — Детинко Ю. И., Куликова Л. В. *Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа*. Красноярск: СФУ, 2017. 168 с.

Евсеева 2014 — Евсеева И. В. *Современный русский язык. Актуальные вопросы морфемики, морфонологии и словообразования*. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 204 с.

Евсеева, Пономарева 2018 — Евсеева И. В., Пономарева Е. А. *Лексико-словообразовательное гнездо: когнитивное моделирование*. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. 199 с.

Копнина 2009 — Копнина Г. А. *Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания*. М.: Флинта: Наука, 2009. 576 с.

Куликова, Микалаускайте 2020 — Куликова Л. В., Микалаускайте Е. Ю. *Функционально-прагматический подход к исследованию ксенонарративных текстов в пространстве литературно-нарративной коммуникации. Коммуникативные исследования*. 2020, 7 (2): 403–418.

- Куликова, Попова 2018 — Куликова Л.В., Попова Я.В. *Табуированные речесмыслы в дискурсивных практиках институционального общения*. Москва: Гнозис, Красноярск: СФУ, 2018. 198 с.
- Мезит, Фельде 2021 — Мезит А.Э., Фельде О.В. *Подъязыки и картина мира российских гидроэнергетиков*. Красноярск: СФУ, 2021. 196 с.
- Нагибина, Куликова 2021 — Нагибина И. Г., Куликова Л. В. *Китайский дискурс: концепция культурологического анализа*. Красноярск: СФУ, 2021. 180 с.
- Сковородников 2005 — *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты*. Сковородников А.П. (ред.). М.: Флинта: Наука, 2005. 480 с.
- Сковородников 2012 — *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*. Сковородников А.П. (ред.). Красноярск: СФУ, 2012. 882 с.
- Сковородников 2016 — Сковородников А.П. *Экология русского языка*. Красноярск: СФУ, 2016. 388 с.
- Сковородников 2017а — Сковородников А.П. *Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов*. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 384 с.
- Сковородников 2017б — *Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I*. Сковородников А.П. (ред.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
- Сковородников 2019 — *Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. II*. Сковородников А.П. (ред.). Красноярск: СФУ, 2019. 488 с.
- Сковородников 2020 — *Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III*. Сковородников А.П. (ред.). Красноярск: СФУ, 2020. 344 с.
- Смирнов 2020 — Смирнов Е. С. «Свои» и «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья (на материале устных текстов конца XX – начала XXI вв.): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Красноярск, 2020. 192 с.
- Созина 2021 — *История литературы Урала. XIX век: в 2 кн.* Созина Е. К. (ред.). М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. Кн. 1. 663 с. Кн. 2. 1439 с.
- Фельде 2019а — Фельде О.В. Лингвокультурологическая информативность устного ангарского текста: код малой родины. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. 2019, (4 (50)): 188–201.
- Фельде 2019б — Фельде О. В. Устный текст как транслятор старожильческой лингвокультуры Северного Приангарья. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019, 12 (1): 55–76.
- Burmakina, Detinko, Kulikova, Popova 2020 — Burmakina N.G., Detinko I.I., Kulikova L.V., Popova I.V. Speech disorders testing: practices of European and Russian clinical linguistics. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020, 13 (12): 1973–1984.
- Kopnina et al. 2020 — Kopnina G. A., Evseeva I. V., Eremina E. V. [et al.]. Russian Open Education Centre “Siberia.ru”: the Conceptual Bases and Prospects for Development. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020, 13 (12): 1952–1961.

SOURCES

Культура русской речи 2003 — *Russian linguistic standards: encyclopedic dictionary-reference book*. Ivanov L. Iu., Skovorodnikov A. P., Shiryaev E. N. (ed.). Moscow: Flinta: Nauka, 2003. 840 p. (2007 — 2nd ed.; 2011 — 3rd ed.) (In Russian)

Русский язык и культура речи 2015 — *Russian language and Russian linguistic standards (basic competences): study guide for Bachelor's degree program students 035700.62 “Linguistics”, 035700.62.03 “Theory and practice of intercultural communication”*; [scientific. ed. A P. Skovorodnikov]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2015. 513 p. (In Russian)

Экология языка — *The Language Ecology and Communicative Practice: a network journal of the Siberian Federal University*. The website of the journal: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru. (In Russian)

REFERENCES

Анисимов 2005 — Anisimov K. V. *Problems of Poetics of 19th — Early 20th Century Siberian Literature: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition*. Tomsk: Tomsk State University, 2005. 304 p. (In Russian)

Анисимов 2010 — *Siberian Text in the National Plot Space* Anisimov K.V. (ed.). Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2010. 236 p. (In Russian)

Анисимов 2015 — Anisimov K. V. “*The Grammar of Love*” by I.A. Bunin: *Text, Context, Sense*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2015. 147 p. (In Russian)

Анисимова 2016 — Anisimova E. E. *Vasily Zhukovsky's Oeuvre in the Receptive Consciousness of the First Half of the 20th Century Russian Literature*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2016. 468 p. (In Russian)

Баженова 2021 — Bazhenova I.A. *Poetics of the Name in the Works by I.A. Bunin: Dissertation ... Candidate of Philological Sciences*. Krasnoyarsk, 2021. 289 p. (In Russian)

Башкова 2019 — Bashkova I. V. *Russian semantic personology: theoretical and methodological foundations: monograph*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2019. 374 p. (In Russian)

Белецкий и др. 2015 — Beletsky S.B., Burmakina N.G., Kulikova L.V. [and others]. *Discursive practices of modern institutional communication*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2015. 182 p. (In Russian)

Белецкий, Куликова 2017 — Beletsky S.B., Kulikova L. V. *Paternalism in Institutional Communication*. Moscow: Flinta: Nauka, 2017. 96 p. (In Russian)

Блажес, Созина 2012 — *The History of Ural Literature. The End of the 14th — 18th Centuries*. Blazhes V.V., Sozina E. K. (ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2012. 608 p. (In Russian)

Бурмакина, Куликова 2019 — Burmakina N.G., Kulikova L. V. *Academic Discourse: Institutional, Style, Genres*. Moscow: LENAND, 2019. 200 p. (In Russian)

Бурмакина, Куликова, Попова 2020 — Burmakina N.G.,

Kulikova L. V., Popova Ia. V. Internationalization of the clinical linguistics experience: the analysis of European approaches to testing aphasic speech disorders. *Politicheskaja ligvistika*. 2020, (4 (82)): 81–88. (In Russian)

Варламова, Колмогорова 2019 — Kolmogorova A. V., Varlamova O. N. *Woman in family communication: mother's speech portrait (based on the Russian and French languages)*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2019. 205 p. (In Russian)

Васильев 2009 — Vasilyev V. K. *Russian Literature Plot Typology of the 11–20 Centuries (Archetypes of the Russian Culture). From the Middle Ages to Modernity*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2009. 258 p. (In Russian)

Гевель 2017 — Gevel O. E. "Dolokhov text" in *Leo Tolstoy's Works: Origins, Semantics, Functions, Context*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2017. 144 p. (In Russian)

Детинко, Куликова 2017 — Detinko Iu. I., Kulikova L. V. *Political communication: experience of multimodal and critical discourse analysis*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2017. 168 p. (In Russian)

Евсеева 2014 — Evseeva I. V. *Modern Russian language. Topical issues of morphemics, morphonology and word formation*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2014. 204 p. (In Russian)

Евсеева, Пономарева 2018 — Evseeva I. V., Ponomareva E. A. *Lexico-derivational family of words: cognitive modeling*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2018. 199 p. (In Russian)

Копнина 2009 — Koptina G. A. *Rhetorical methods of the modern Russian language: the systemic description experience*. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 576 p. (In Russian)

Куликова, Микалаускайте 2020 — Kulikova L. V., Mikalauskaite E. Iu. Functional-pragmatic approach to the study of xenonarrative texts in literary-narrative communication. *Kommunikativnyie issledovaniia*. 2020, 7 (2): 403–418. (In Russian)

Куликова, Попова 2018 — Popova Ia. V., Kulikova L. V. *Taboo speech meanings in discursive practices of institutional communication*. Moscow: Gnosis, Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2018. 198 p. (In Russian)

Мезит, Фельде 2021 — Mezit A. E., Felde O. V. *Russian Hydropower Engineers' Sublanguage and their Picture of the World*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2021. 196 p. (In Russian)

Нагибина, Куликова 2021 — Nagibina I. G., Kulikova L. V. *Chinese Discourse: the Concept of Culturological Analysis*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2021. 180 p. (In Russian)

Сковородников 2012 — *Effective speech communication (basic competences): dictionary-reference book*. A. P. Skovorodnikov (ed.). Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2012. 882 p. (In Russian)

Сковородников 2016 — Skovorodnikov A. P. *The Russian Language Ecology*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2016. 388 p. (In Russian)

Сковородников 2017a — Skovorodnikov A. P. *The Russian*

Language Ecology. Dictionary of linguo-ecological terms. Moscow: FLINT: Nauka, 2017. 384 p. (In Russian)

Сковородников 2017б — *Linguistics of information-psychological war: monograph. Book I*. Skovorodnikov A. P. (ed.). Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2017. 340 p. (In Russian)

Сковородников 2019 — *Linguistics of information-psychological war: monograph. Book. II*. Skovorodnikov A. P. (ed.). Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2019. 488 p. (In Russian)

Сковородников 2020 — *Linguistics of information-psychological war: monograph. Book. III*. Skovorodnikov A. P. (ed.). Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2020. 344 p. (In Russian)

Смирнов 2020 — Smirnov E. S. "Ours" and "Aliens" in the traditional linguoculture of the Northern Angara region (based on oral texts of the late XX — early XXI centuries): dissertation for defending the degree of candidate of philological sciences. Krasnoyarsk, 2020. 192 p. (In Russian)

Созина 2021 — *The History of Ural Literature. 19th Century: in 2 Volumes*. Sozina E. K. (ed.). Moscow: Izdatelskii Dom IaSK, 2021. Book 1. 663 p. Book 2. 1439 p. (In Russian)

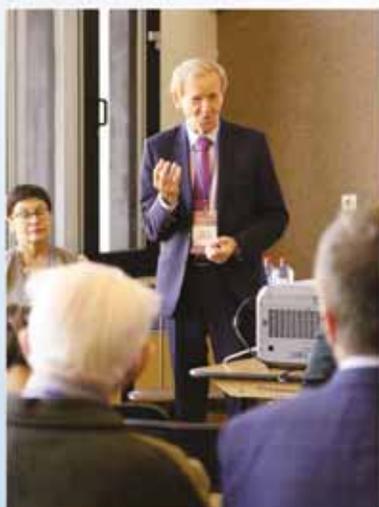
Фельде 2019а — Felde O. V. Linguoculturological informativeness of the Angara oral text: the code of a small homeland. *Bulleten' Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, (4 (50)): 188–201. (In Russian)

Фельде 2019б — Felde O. V. The Oral text as a translator of Ancient Linguoculture of the Northern Angara region. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*. 2019, 12 (1): 55–76. (In Russian)

Бурмакина, Детинко, Куликова, Попова — 2020. Speech disorders testing: practices of European and Russian clinical linguistics. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*. 2020, 13 (12): 1973–1984.

Копнина et al. 2020 — Koptina G. A., Evseeva I. V., Eremina E. V. [et al.] Russian Open Education Centre "Siberia. ru": the Conceptual Bases and Prospects for Development. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*. 2020, 13 (12): 1952–1961. (In English)

НАШ ФОТОРЕПОРТАЖ

VII Конгресс РОПРЯЛ

"Динамика языковых и культурных процессов в современной России"
6–9 октября 2021 г. Екатеринбург

АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ
«РОПРЯЛ»

«Так как вопрос о даче для нас слишком важен, мы по совету Владиславевиных и поручили им... нанять дачу в Старой Руссе. Владиславевины хвалят место, хвалят воды, дешевизну и комфорт. Правда место озерное и сыренько, это известно, но что делать... Наверно найдем в Старой Руссе, тем более, что уж очень много удобств — дешевизна, скорость и простота переезда и, наконец, дом с мебелью, с кухонной даже посудой, вокзал с газетами и журналами и проч. и проч.»

Из письма Ф. М. Достоевского сестре В. М. Ивановой, Кенигсберг, 20 апреля 1872 г.

Дом-музей Ф. М. Достоевского в Старой Руссе